
ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 33

Нереал:

Андрей Мацко. Будь как дома	5
Юрий Молчан. Крылья Икара	11
Алексей Жуков. Обратный билет	17
Екатерина Алексенцева. Выпусти меня	24
Ася Котляр. Иван-да-Марья	26
Михаил Ямской. Я от бабушки ушел	31
Игорь Дьячишин. Расхождение	37
Александр Молодецкий. Свадебное путешествие ...	44
Андрей Потапов. Нарисованные шипы не ранят	50
Ольга Илясова. Черепахи Наводнения	57
Weiss Toeden. Дракон и его лапы	62
Михаил Ямской. Чемодан, вокзал, Земля	64
Михаил Ямской. Отточенное серебро добра	65
Павел Жуков. Идеальная наживка	67
Артем Кельманов. В гостях у бабушки	74
Елизавета Ликийская. Эвридика	76
Андрей Мацко. Кофейня у черного хода	97
Михаил Ямской. Падучая звезда, или Счастливые мартышки	103
Михаил Ямской. Мицхалыч	106
Алексей Жуков. Тени серой комнаты	109
Игорь Дьячишин. Фанатичка	116
Елена Макаренко. Лахезис	120
Нина Паіахи Беляева. Хочу свое имя!	125
Дмитрий Данилов. Не всё то бог, что... ..	129
Марк Каллас. Танец Белой Лисицы	146
Владимир Чернявский. Поездка к куполу	149

Михаил Ямской. На два солнца	154
Александр Савельев. Зов	156

Поэзия:

Юрий Молчан. Стихотворения:

Запертый зверь	80
Сотворение мира	82
Разбил я кулаком стекло	84

Саша Зеленская. Зарисовки:

Не дарите мне алых цветов	85
Сумерки	86
Я уезжаю в ночь	87
Я так люблю январь	88
Апрель	89

Реал:

Маргарита Репаловская. Джокер	90
Маргарита Репаловская. Расправа	92

* * *

О НФ-романе «Грани сна».....	159
------------------------------	-----

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

«Порог-АК». Выпуск 33. Альманах зарегистрирован в Главном
управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство
о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.
E-mail: alkor06081953@gmail.com

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – П. Грім
Підписано до друку __ __ 2022. Формат 60x84/16

Андрей Мацко БУДЬ КАК ДОМА

Я замер, глядя перед собой и почесывая в затылке. Тропинка, только что завлекавшая в чащу, запропастилась куда-то, оставив меня наедине с разинутой пастью леса.

Вот и зачем мне это? Мог ведь на станции заночевать, да только шальное чувство, которое одни называют чутьем, а другие даром, безостановочно гнало вперед. Не моя вина, что поставленная Комитетом задача другому не под силу будет – приходится идти. И из-за чувства этого, и по приказу старших. Таковы правила современного общества: уж если выяснят сильные мира сего, что наделен кто-то необычным умением, то начнут эксплуатировать всенепреренно.

Я поправил на плече тяжелую сумку и зашагал вперед. Вскоре меня нагнала темнота, но страха не было – когда не боишься смерти, остальные страхи нипочем.

Конечно, всегда найдутся сомневающиеся: что я запою, коли волк меня не провет, а так, надкусит слегка? Повторит ли свои слова истекающий кровью, беззащитный и обреченный на смерть посреди леса калека? Отвечаю таким: я не с пустыми руками хожу, есть у меня всякие секреты на разные случаи. Ну а волк в ночном лесу – не самое страшное, что поджидает одинокого путника. И это не только я так говорю – ямщик на станции подтвердил бы.

Некоторые и тому удивляются, что ямщики до сих пор существуют. Неведомо им, что помимо волков да извозчиков, судьба их от более неожиданных встреч уберегла.

А многих – не уберегла. Уж и стращал меня тот ямщик, поглаживая хромую гнедую, уж и пугал всякими небылицами, да только НУЖНО мне сквозь дубраву, иначе – никак! И не проехать желательного, а именно пройти. Может, даже не раз.

Я шел прямо, стараясь не сворачивать и пытаюсь запомнить направление, ведь знал, что мрак – это не только темнота. Еще это – приют нечисти, которая, как известно, так и норовит сбить с дороги: то деревья спутает, то в топи заведет.

Впереди замаячил свет, и как только это произошло, путь преградило болото.

Чутье не оставляло в покое, направляя к свету, заставляя лезть в омут или искать обход. Я не хотел умирать в трясине, поэтому выбрал другой вариант. Но проблема возникла и здесь – с обеих сторон от болота громоздился валежник. Пройти его оказалось

той еще задачей – несколько раз я чувствительно натыкался на острые ветви.

С горем пополам перебравшись через бурелом и едва не покалечив ноги, я снова обнаружил тропу. Как неожиданно исчезла, так же внезапно она появилась прямо передо мной.

Тропа привела меня к берегу озера, гладь которого отражала большой деревянный дом, стоявший в окружении многолетних дубов. Из кирпичной трубы шел дымок, и у меня в животе заурчало от нахлынувшего чувства голода.

У входа лихо сгребал метлой опавшую листву какой-то верзила в белой рубашке навыпуск, сером фартуке, зеленых штанах с заплатками и лаптях с оборами. Он лишь поглядел на меня и приветливо улыбнулся, выставляя напоказ белоснежные зубы. Я б его с дворником спутал, да только не бывает у наших дворников таких зубов.

Я замедлил ход, и мужик, будто чувствуя мое замешательство, помахал рукой:

– Добро пожаловать в мой трактор, путничек! Коли ужинать охота, так поторапливайся – кухня в полночь закрывается. Боюсь, что после без харчей останешься, родимый!

Тракторщик, значит.

Я подошел, оглядывая домину. Дубовое бревно, ровный спил. Необычно. А мужик все зазывал:

– Заходи, будь как дома! Харчи у нас сегодня знатные, хе-хе. И скучно не будет – вон, гляди, сколько соседей насобиралось! – Он махнул на окошко у входной двери.

За окошком действительно виднелись посетители. На месте были и столы с яствами. Некоторые блюда стояли нетронутыми – видимо, ждали моего прихода.

– Спасибо за приглашение!

Я хотел спросить, как звать тракторщика, да тот уже вошел в дом, оставив дверь приоткрытой. Изнутри доносился застольный шум вперемешку с музыкой. Та же мелодия играла на станции, когда я расспрашивал местных о пути сквозь дубраву.

Странно, что изба настолько изолирована – звуки я услышал только при открытой двери. Но выбор был уже сделан – я вошел и огляделся.

Инструменты смолкли, и головы присутствующих как по команде повернулись в мою сторону.

В зале нашлось место аж для восьми столов, все были заняты. Музыканты расположились на небольшом помосте у дальней стены – чтобы добраться до них, придется пройти через все помещение.

Они взялись за инструменты, и по трактиру полилась все та же мелодия.

Присутствующие уже потеряли ко мне интерес и вернулись к своим делам.

Оглядев зал, я не заметил других дверей. Свет давали канделябры, возвышавшиеся на четырех столах.

Хозяин подмигнул мне, закрывая дверь:

– Ну, сдается мне, сегодня ждать больше некого.

Я сделал шаг, услышал за спиной лязг засова и обернулся.

Словно по волшебству, одновременно прервалась музыка, и погас свет.

В полной темноте моя сумка упала на пол...

* * *

Чутье... ну, или чем бы это ни называлось, оно гораздо умнее, хитрее и быстрее меня. За это Комитет и ценил. Когда я сказал, что в этот раз пойду один – возражений не было. Смерть моего напарника повлияла на всех, хоть и случилось это давненько. У меня было такое ощущение, что способности остальных членов Комитета Выжигания сильно отличаются от моих, и там, где я оставался безразличным, каждый из них становился более уязвимым. Они вспоминали напарника, обсуждая новое задание. Я же просто мотал информацию на ус, потому что и замену ему нашел, и чутье уже заработало.

Впервые я услышал о лесном пиршестве не от Комитета. Запала в память песенка одна – о лесных духах, с помощью чар заманивавших путников в свое логово. Тогда я был слишком молод, чтоб придать ей значение, но чутье в опыте не нуждается. Что-то внутри меня уловило смысл песни и положило в хранящийся в голове ображаемый ящик.

Чутье завладело мной полностью, как только я добрался до станции и спрыгнул с подножки поезда на землю.

И ямщик, и станционный смотритель, и несколько человек в придорожном кафе – всех их я почувствовал еще до того, как увидел. Остальное было делом техники. Но они, конечно, хороши! Столь мастеровито убеждать не идти ночью дубравой с целью туда завлечь – это талант! Плохо, что талант не во благо применяли. Хорошо, что жертвой этого таланта больше никто не станет.

* * *

Как только сумка коснулась пола, я воспользовался даром и переместился к сцене – это заняло секунду.

Молнией проскочив между столами, я выверенным движением выдернул оббитый вокруг пояса Выжигатель. Проснувшийся огненный змей, в существование которого не верили, кажется, даже темные силы, взвился над моей головой и принялся за работу.

Вспышки разрезали темноту даже реже, чем яростные крики боли и досады. Скинувшие человеческое обличье твари скалились, скулили и поджимали обрубки лап. Воздух пропитался запахами паленой шерсти и крови...

Я сбился со счета, сколько взмахов Выжигателем пришлось сделать, прежде чем все закончилось. Просто в какой-то момент наступила тишина, нарушаемая лишь звериным рычанием под ближайшим к выходу столом. Я посветил Выжигателем – там сидел трактирщик.

– Медленно вылезай, темный.

Он смотрел с ненавистью, прикрывая одной лапой обрубок другой.

– Ты... заплатишь за это...

– Но я же еще ничего не заказывал!

Думал, будет смешно, а он даже не улыбнулся. Вылезая из-под стола, грозно прорычал:

– Я не знаю, кто ты, но то, что ты сделал – не прощается. Клянусь всеми своими родственниками, я...

«Я, я, я...» – мне надоело. Эти предсмертные речи практически никогда друг от друга не отличались, и после смерти напарника я решил сводить их к минимуму.

– Гуглить надо было. К вашим услугам Комитет Выжигания. Всего хорошего и горите в Аду.

Я вскинул руку, и змей впился в горло трактирщику. Выжигатель, сжимая свое сильное огненное тело, обвивался вокруг шеи воспаленного существа. Опаленная морда трактирщика посинела, глаза вылезли из орбит, и монстр обмяк. Я хотел сказать змею, что все кончено, но не успел. На моих глазах голова трактирщика лопнула.

Будто мощнейший взрыв произошел и в моей голове. Меня выбросило прямиком в ил у самой воды. Мрак рассеялся, и над озером показалась ранее скрытая чарами луна. Ее свет позволил мне рассмотреть окружающее пространство.

Я лежал рядом с огромным валуном. Чуть бы в сторону свалился – и несдобровать.

Поднялся, вытирая лицо и еще не полностью понимая, что же произошло. Трактира больше не было – на его месте образовал-

ся выжженный круг, внутри которого, несмотря на обилие крови и разбросанные ошметки тварей, просматривалась пентаграмма.

Ритуал, значит. А я-то все голову ломал, как они иллюзии навоят...

Выжигателя нигде не было видно. Не было и демона, убийство которого привело к разрушению мощнейшей магической иллюзии. Вообще-то, от взрыва я должен был умереть – демоны всегда норовят с собой забрать. Но, видимо, спас меня змей, поглотив сколько мог темной энергией...

Неподалеку в иле лежала загнутая, словно клюка, кривая палка. Я подошел к ней, чувствуя неладное. Действительно – мой змей застыл, и красивый, ни с чем не сравнимый узор на задубевшем теле – это все, что от него осталось.

Змей был мне дорог. Я изловил его благодаря одному сибиряку, несколькими заданиями ранее. Искал оборотня у Байкала. Нашел. А кроме него, нашел это существо. Оно здорово от людей пряталось, да только иногда местные видели среди тайги странные языки пламени. Придумывали истории – так и рождались легенды. Как только они его ни называли: кто метеоритом, кто НЛО. Я же прозвал Выжигателем, что близко его сущности и моей профессии, ну и сдружались мы как-то. Да и нечисть, которую я подчищал, ему понравилась гораздо больше зверья. Казалось, чем больше змей поглощал магической энергии, тем сильнее становился.

Не знаю, откуда он такой взялся – не выдывал никто никогда подобной диковинки, да только Выжигатель был не просто смертоносным орудием – он заменил мне напарника.

Я омыл клюку в озере, прислонил к камню и начал искать сумку. Нашел недалеко от одного из лучей пентаграммы – лежала себе преспокойно, укрытая кишками Лешего. Вообще, неплохо, конечно, мрачные тут устроились. Обычно ведь как бывает: делят территорию, и каждый на своей нападает. А здесь прям кодрло – собрались все и давай с помощью иллюзий людей водить-изводить: и волколаки, и упыри со злыднями, ну и куда ж близ болот без кикиморы.

Иллюзии распознать было несложно – у кого глаз наметан, тому раз плюнуть. Например, тропа исчезающая. Или свет, что позволил мне избу разглядеть – свечей на то не хватило бы. Или одежда у трактирщика несовременная. Будто в сказке людей заманивают, а не в нашем веке. И ни единой двери, кроме входной – в трактирах обычно минимум нужник и кухня быть должны. А окончательно их сдала мелодия. Потому одну и ту же играли, что другой не ведали, лишь у меня в башке застрявшую смогли исполнить. В общем, было куда стремиться скверне в плане развития.

Другое дело – ну, распознал бы случайный путник обман, и что? От иллюзии далеко не уйдешь – запутают, догонят и сожрут. Это и происходило долгие годы, пока мы заказ не получили, растолкавший мое чутье...

Все вокруг трактирщика вертелось. Он был демоном, обладал наибольшей силой среди гадов и, следовательно, – стал их главарем. Станным было то, что обычно Леший в свой лес чужих духов не пускает, да только, видно, изголодались твари лесные по чело-вечине, научились дружбу меж собой водить, объединяться начали. Может, такая у них реакция на прогресс людской, кто знает?

В принципе, Комитет наш и появился, чтобы противостоять подобным вызовам, ведь если допустить возможность объединения темных существ в еще больших масштабах – становится по-настоящему страшно...

Я открыл сумку и наполнил переносной портал останками монстров. Им предстояло стать не только доказательствами выполненного задания – также это будущие экспонаты музея темных сил. Повесил сумку на плечо, подобрал клюку, решив позже немного ее модернизировать для грядущих свершений, и пошел прочь. Предстоит объясниться с людьми по поводу смертей в районе станции. Думаю, меня поддержат, узнав, что их родственники пропадали благодаря ямщику и другим местным приспешникам зла. И с ними, и со злом покончено, а мне предстоит вернуться в Комитет – ведь и культов зла, и их слугителей по миру – превеликое множество...

Юрий Молчан КРЫЛЬЯ ИКАРА

Расправив крылья, словно пытаюсь объять весь мир, Икар прыгнул с башни. Удержавшись в воздухе, он стал подниматься на восходящих теплых потоках. Солнце ярким пятном горело в вышине. Внизу проплывали дома, улицы города и его жители, похожие с огромной высоты на муравьев. Кто-то задирает голову, останавливался и тыкал пальцем в фигуру человека, летевшего под редкими перьями облаков.

Внезапно Икар дрогнул – и стал падать. Снова что-то пошло не так. В крыльях уже третий раз проявлялся дефект, но Икар пока не мог понять, в чем дело.

Земля неумолимо приближалась. Могучая городская стена увеличивалась в размерах, но она была в стороне – Икар уже вылетел за пределы города. Зеленые и желтые прямоугольники расширялись, снова становясь лугами и пашнями. Синяя лента превратилась в реку, которая впадала в безбрежное море.

Когда земля была уже близко, Икар закрыл глаза. Ощущения говорили, что он повис в воздухе – и в то же время продолжал медленно падать, словно в бездонный колодець...

Юноша открыл глаза, вытер со лба испарину и, стоя на башне под палящим критским солнцем, принялся стаскивать через голову крепеж с крыльями.

«Надо что-то с этим делать», – подумал он, хмуро глядя на потускневшие краски вокруг.

Пока Икар летел, мир был намного ярче, но сейчас куда ни глянь, поблекло все, даже зеленые листья деревьев и солнце в небе. После предыдущего, второго по счету падения окружающее приобрело серый безжизненный оттенок. Теперь же он многократно усилился. Трещины в каменных стенах и булыжных мостовых стали заметнее.

Икар уже третий раз перед самым падением перемещался в прошлое – он открыл в себе такую способность, но с каждым новым перемещением это самое прошлое становилось все угрюмее. Все вокруг – и дома, и животные, и люди – будто старели. С каждым возвращением старел весь мир. Прошлое «растягивалось». Но в итоге оно все равно должно было исчезнуть.

Икар знал – вернуться сюда он сможет еще только один раз. Ему говорил об этом оракул. Если он к тому времени не сможет

сделать крылья как следует, то либо разобьется, либо его убьет перемещение в прошлое. Ибо перемещаться будет, по сути, некуда. Прошлое исчезнет, загасив огонь его свечи. Перспектива не радовала ни с одной стороны.

* * *

Пока его не было, в мастерской прибавилось пыли, пара кувшинов рассыпалась от старости. Икар вымел мусор, распахнул окно, чтобы избавиться от затхлости. Переодевшись в чистую тунику, приступил к работе.

В углу стоял макет крыльев из дощечек, перьев и ремней; рядом на мольберте – незаконченный портрет женщины. Она выглядела полноватой. На ее лице Икар первой нарисовал улыбку, набросал нос, а глаза написал красками так, что еще в незаконченном виде создавалась иллюзия, что женщина не отрывает взгляда от тех, кто на нее смотрит. Тут же – статуя ангела, которую Икар начал высекать из мрамора. Но сейчас его мыслями целиком завладели крылья – от них зависела его жизнь.

Раздался стук, дверь скрипнула, и вошла стройная черноволосая девушка. Подвязанные лентой волосы контрастировали с лазурной туникой и накидкой.

– А, это ты, Милена, – сказал он безрадостно.

– Раз ты снова здесь, значит, полет опять не удался. – Девушка понимающе усмехнулась. – Ума не приложу, как тебе удастся остаться в живых после падения.

– Мне везет, – буркнул Икар. Взгляд его голубых глаз был сосредоточен на макете крыльев, мокрые от жары кудри прилипли ко лбу. – И вообще, что ты здесь делаешь? Мне надо работать.

– Конечно, тебе надо работать, – едко согласилась Милена. – Ты проигрался в кости и поэтому делаешь статую ангела, и поспорил с Рафалоном, что твой портрет жены купца будет лучше его картины Мадонны. Ты азартен, Икар, это известно всем. – На лицо девушки набежала грусть. – Но зачем тебе эти крылья? Ты проводишь за ними все свободное время, а остальное тратишь на мелкие заказы вроде росписи храмов! С этими крыльями ты забыл обо мне! Я молодая красивая девушка, если ты ослеп! Мне нужен мужчина, который будет заниматься мной, а не крыльями. Они к тому же еще ни разу тебя нормально не понесли!

– Дедал тоже мастерит крылья, – напомнил Икар, продолжая смотреть на макет. Ему показалось, что он таки сумел обнаружить дефект. Бьющее в окно солнце мешало, он подошел и задержал

проем куском ткани, что заменяла занавеску, недавно сгоревшую от свечи.

Девушка фыркнула.

– Дедал получил заказ от военных, но не продвинулся ни на шаг. Только ты проводишь испытания сам, а он использует рабов или заключенных. Сегодня, например, на его крыльях разбился македонец. На прошлой неделе убили мавра. У него каждую неделю кто-то умирает. – Милена глянула на Икара со слезами в глазах. – Когда же вы, наконец, поймете, что человек не может летать как птица, а только бегать, плавать и ходить! Неужели этого мало? А если ты завтра разобьешься? Ты обо мне подумал, сын ослицы и горного козла?!

– У тебя и так полно ухажеров.

Милена грустно улыбнулась.

– Но ни один из них не пишет божественно красивых картин и не вырезает из мрамора статуй... И уж тем более не пытается свернуть себе шею, прыгнув с башни на дурацких крыльях! Боги, я ужасно за тебя беспокоюсь, Икар! Ну почему ты не бросишь эту затею? Почему не займешься торговлей, к примеру, как мой отец? Рисовал бы в свободное время! У нас всегда будут деньги, и ты бы не подвергал себя опасности.

Икар помедлил и повернулся к ней.

– Милена, боги вложили в людей свой огонь. И у таких, как я, Микелон и Дедал, он горит особенно сильно. Мы не можем заниматься торговлей. К тому же, если я не сделаю крылья, то навсегда останусь здесь, а это место и время – уже давно прошлое. Это все... оно прошло, понимаешь? Если твой отец-торговец и ухажеры-мастерские спокойно могут жить здесь, то я – мыслями давно уже в будущем. Для меня этот дом, город и даже воздух с деревьями – трещат по швам! Меня здесь быть не должно!

Девушка заплакала. Икар с неловкостью ее обнял. Они занялись любовью прямо на полу, под всевидящим взглядом женщины с портрета и недоделанной статуи ангела.

* * *

Закат буквально расплавлял оконные стекла ярким светом. Дверь мастерской с грохотом распахнулась, и порог переступили два крепких молодых человека в белых тогах – ученики Диомеда из философской школы Керим и Фемистокл, которым Икар проигрался в кости. Оба они были в стельку пьяны.

– Ты должен нам денег, Икар! – сказал Фемистокл заплетающимся языком. – Сколько можно тянуть?!

– Ты обещал отдать очень скоро, – поддакнул Керим с пьяной икотой.

Глаза у обоих были злые, чувствовался сильный запах дешевого вина.

– Доделаю статую и все отдам, как договаривались, – отмахнулся Икар. – Уйдите, мне работать надо.

– Уйти? Нам?! – ощетинился Фемистокл. – Ну уж не-ет!

– У тебя есть деньги, мы знаем, – буркнул Керим. – И мы первернем здесь все, если не заплатишь, понял?

– У меня нет денег! Я же проиграл вам в кости даже больше, чем имел, забыли?

– Пеняй на себя. – Фемистокл толкнул ногой стол, и на пол посыпались наброски картин и росписей для городского храма.

Керим подошел к дальнему углу и принялся швырять на пол кувшины. Большинство из них были пустыми, но в двух еще оставалось старое дорогое вино, которым с Икаром расплатился один купец за статую Аполлона.

Пьяные философы стали ломать все в мастерской, пока не осталась только картина женщины с улыбкой и загадочным взглядом, незаконченная статуя ангела, макет крыльев и сами крылья на полу у двери.

Керим и Фемистокл двинулись было к ним, но Икар встал у них на пути.

– Уходите. Вы разворотили мастерскую, и я вам больше ничего не должен. Проваливайте к дьяволу!

– Милена сказала, у тебя есть деньги! – произнес Керим.

– Милена?! – изумился Икар. Вот уж от кого не ожидал. Особенно после их акта любви в этой самой мастерской несколько часов назад. – Да она солгала!

Злые и раззадоренные учиненным погромом философы переглянулись, одновременно бросились на Икара и принялись иступленно избивать его.

Последнее, что видел Икар, прежде чем потерять сознание, были пьяные философы, которые рвали на части его крылья и ломали макет.

* * *

Свадьба Милены и Икара должна была случиться через неделю. После нападения на Икара и разгрома мастерской прошел почти год. Он занимался торговлей с отцом Милены Теркионом, днем продавал товары и вел бухгалтерию, а по ночам иногда занимался своей картиной и статуей.

Их пришлось создать заново после того, как их уничтожили Керим с Фемистоклом. После избиения у Икара начались приступы бессонницы – два или три раза в неделю он мог не спать целую ночь напролет, и у него появлялось время заниматься искусством, которое теперь превратилось в обычное хобби. Он по памяти восстановил портрет женщины с загадочной улыбкой и взглядом, а также статую ангела.

Восстановил Икар и крылья, но еще ни разу на них не летал. Страх того, что можно упасть, разбиться и навсегда исчезнуть, теперь сковывал тело, заставлял руки трястись, а внутренности – покрываться льдом.

Тогда, год назад, Милена обнаружила Икара избитым в кровь в мастерской и принялась промывать ему раны. Потом девушка стала за ним ухаживать. В разговорах с ней Икар понял, что Милена довольно умна, знает поэзию и философию, и ее общество вполне сносно.

Ну а когда девушка подпоила Икара и вновь ему отдалась, юноше ничего не оставалось, как сделать ей предложение. Свадьбу оплачивал отец, при условии, что Икар станет помогать в лавке и вести учет товаров.

Парень согласился. Страх заставил его забыть о полетах. И даже серость прошлого, в котором он вынужденно застрял, уже не так сильно, как прежде, бросалась в глаза. Подобно всем вокруг, Икар теперь жил настоящим и прошлым, вспоминая о будущем только изредка. На крылья, которые были готовы к полету, он теперь смотрел как на символ чего-то чистого, светлого и недостижимого. Икар помнил, что его «страховка» закончилась, и в прошлое он при угрозе падения больше вернуться не сможет.

* * *

За день до женитьбы Икара в лавку вошел невысокий плешивый человек с аккуратно подстриженной бородой. Икар с неудовольствием узнал Дедала. Они обменялись приветствиями.

– Знаешь, – заговорил Дедал, – ты правильно сделал, что бросил заниматься крыльями.

– Ты о чем? – спросил Икар.

– У меня почти получилось создать более или менее приемлемый образец. Да и один раб из Афин, тоже Икар, кстати, продержался дольше остальных и даже набрал приличную высоту, прежде чем разбиться о камни. – Дедал цинично усмехнулся. – Это было настолько красиво, что об этом полете какой-нибудь местный бумагомарака напишет поэму!

Икар промолчал, лицо его помрачнело.

– Еще разок-другой, и я создам крылья, – продолжал Дедал. – К тому же военные едва не отправили к тебе убийц. Они страсть как не любят конкурентов, а крылья – это... сам понимаешь... Так что ты вовремя вышел из игры. Чутье у тебя всегда было отменное. Но, как ни крути, – он гордо улыбнулся, – а я снова на коне!

Дедал ушел, купив несколько метров отборной ткани на новый гардероб.

* * *

Из разговора двух следующих покупателей Икар услышал, что некий молодой художник Леонардо да Винчи нарисовал портрет женщины с загадочным взглядом. Портрет будто бы не отпускает взгляд зрителя и обладает таинственной улыбкой. Еще чуть позже он услышал на рынке, что некто по имени Микеланджело создал великолепную скульптуру ангела из мрамора.

Это было последней каплей. Пока Икар трясся от страха смерти и жалости к себе, все его великие начинания воплотили другие. Все, кроме одного. Пока что. Он не собирался это никому отдавать. Огонь, который вложили боги в каждого из людей, вспыхнул с новой силой, испепелив все страхи и неуверенность.

* * *

Все произошло, как и раньше. Надев на башне крепление с крыльями, Икар оттолкнулся и прыгнул.

Теплый ветер ударил в лицо, разметал кудри. Вновь крылья вынесли его за пределы города. Икар поднимался все выше, но вдруг стал падать. Земля приближалась, точно топор палача, который вот-вот отрубит обреченному голову.

Ощувив злость на все те часы, которые он потратил на создание и испытание этих крыльев, на все те усилия, что в них вложил, Икар принялся отчаянно махать руками. Ему удалось взмыть вверх.

Он поднялся настолько высоко, что стал замерзать, а солнце слепило глаза. Внезапно Икар снова стал падать. Несколько раз перекувырнувшись в воздухе, он камнем неся вниз, не переставая при этом махать руками.

Уже возле самой земли он промчался над высокой травой – и каким-то чудом взмыл в небеса. Крылья надежно держали его в воздухе. На губах Икара расцвела улыбка. Он подставил лицо ветру.

Наблюдавшая за полетом с земли Милена охнула, когда Икар растворился в закате.

Алексей Жуков ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ

Лужа оказалась по щиколотку. Слегка подмерзшая и припорошенная снежком, она была совсем незаметна на неровном асфальте. И хрупкий ледок с готовностью хрустнул, принимая в себя невысокий ботинок.

Егор матюгнулся. Ясен пень, что осенняя обувь хороша лишь осенью, да и то ранней. Декабрь, несмотря на все его ноябрьские замашки, был все-таки зимним месяцем. Хотя эту грязно-серую, расплосованную быстро тающими белыми проплешинами картину трудно было отнести к конкретной поре. Особенно человеку, со школы привыкшему различать времена года по красочным картинкам в учебнике.

Отряхнув зачем-то ногу, будто это могло ее просушить, он пошел дальше. В ботинке хлюпало, ветер пробирался сквозь пальто, а мокрый снег норовил юркнуть за шиворот, несмотря на поднятый воротник.

Не по погоде он одет, что уж тут. Но до зарплаты оставалось еще полмесяца, а семейный бюджет и так со скрипом осилил коммуналку. Не говоря уже об ипотеке и прочих радостях жизни вроде поесть три раза в день. Да не ему одному.

Эх, говорила мама, иди на юридический. Вовка, вон, младшой, послушался – так теперь как сыр в масле катается. Фотки, по крайней мере, присылает только на фоне нездешнего солнца. А ведь звезд с неба никогда не хватал.

А что Егор? А Егор решил не расставаться с мечтой. Красный диплом, золотая медаль, перечень побед в литературных конкурсах... Разве не фундамент для безоблачной карьеры? Дуралей... Как выяснилось, – вообще не фундамент. Никому оказались не нужны его высокодуховные рассказы, людям чтиво да беллетристику подавай. А в редакциях лишь сладко улыбались, пели хвалебные оды, – но печатать даже не помышляли.

И вот теперь Егор, тридцати пяти лет от роду, по-прежнему кропал статейки в городской вестник, отвлекаясь лишь на халтурки в местных журнальчиках. Зарплаты хватало, но впритык, да и то лишь при постоянных подсчетах в уме. И только кладя голову на подушку, в предсонном забытии, он мечтательно видел обложки своих неизданных книг.

Может, стоило тогда все же написать какой-никакой ширпотреб, а не воротить свой высокодуховный нос? Глядишь, и сумел бы пробиться в литературные кулуары. Да только что теперь...

– Извините...

Егор не сразу понял, что обращаются именно к нему.

Это была девушка лет восемнадцати. Симпатичное, не до конца утратившее детские черты личико. Припорошенные снежком дуги бровей и ресницы дополняли наивный образ. А белая дуговая куртка и такая же белая шапка с помпоном казались чем-то неуместным на фоне промозглого серого проспекта. Большие зеленые глаза с мольбой смотрели на Егора, а руки в опять-таки белых варежках сжимали ручку чемодана.

– Извините, – повторила девушка. – Вы не могли бы мне помочь?

Приглядевшись, Егор заметил, что колесики чемодана застряли в решетке водостока.

«Что за глупости? – подумал он. – Там же чуть-чуть сильнее дернуть... Ай, ладно».

Егор молча подошел, взялся за ручку и с легкостью выдернул девичью поклажу.

– Держи, – буркнул он, ставя чемодан на бордюру.

– Ой, спасибочки!

– Будь аккуратнее, – уже мягче добавил Егор.

– Извините еще раз, – сказала девушка неуверенно. – А вы не хотите поговорить о Боге?

Только сейчас Егор заметил, что из кармашка чемодана торчат глянцевые проспекты.

Спасу нет от этих сектантов! Очередные свидетели, представители истинной веры, спасители заблудших душ. И тебя спасут, только карман раскрывай.

– Нет, – процедил он, развернулся и пошел прочь.

За спиной послышался тихий плач. Егор остановился и оглянулся.

Девушка сидела на опрокинутом чемодане. Лицо ее закопалось в варежки, и оттуда слышались всхлипывания.

– Эй, ты чего? – растерянно спросил Егор, возвращаясь к ней. Такой реакции он точно не ожидал. Обычно «спасители человечества» пожимали плечами да шли улыбаться другим прохожим.

Девушка подняла влажные глаза. Из-под шапки выбились несколько белобрысых завитушек.

– Вот скажите, – всхлинула она, – что со мной не так? К кому ни обращусь, все сразу чураются. Я так плохо выгляжу?

– Да нет, – ответил Егор. – Вполне себе ангел.

Он и не думал с ней флиртовать. Просто девушка в своей белой одежде и с наивным детским лицом действительно смахивала на херувима с рождественской открытки.

Егор ожидал, что она засмущается или улыбнется. Но белокурое создание вдруг посерьезнело и придирчиво себя оглядело:

– Что, так заметно? Надо еще раз подумать над прикидом.

Воздух за ее спиной на секунду дрогнул, и серую морось всколыхнули два белых крыла. Через миг видение исчезло, но хлопья мокрого снега не сразу заполнили потревоженное пространство.

– Ну, раз уж вы тут, можно я вам кое-что расскажу?

Егор лишь молча кивнул, продолжая ошарашенно смотреть за ее плечо. Но крылья больше не появлялись.

– Видите ли, скоро Рождество и Новый год. Время акций и распродаж. Мы тоже не стоим в стороне... – Она вздрогнула и покосилась наверх. Виновато поправилась: – Сорри, была не права. – Затем вновь посмотрела на Егора. – Это чудесное время. Люди полны надежд и мечтаний, ждут позитива и верят в чудеса. И нечистая сила этим активно пользуется. Слышали про их последнюю новинку? – Она поморщилась. – Счастье по акции! Выдают различные блага за ограниченную продажу души. И люди же ведутся! Вот и мы были вынуждены сделать ответный ход. – Девушка многозначительно подняла руку. Судя по сморщенной варежке, вверх глядел указательный палец. – Обратный билет! Рассказать?

– Как тебя звать, ангел? – промямлил наконец Егор.

– Ну, зовите Света. – Она потрясла выбившимися кудрями, и те заплясали на лбу, как солнечные лучики. – Пожалуйста, не отвлекайтесь. Вы отозвались на призыв о помощи, хотя могли пройти мимо. А значит, вы неплохой человек. Но не все у вас в жизни просто, верно? Так скажите: может, вы хотели бы начать жизнь заново? Или с какой-то ее главы, чтобы исправить неурядицы прошлого? У вас есть такая возможность! Только учтите: всякие хитрости с акциями или лотереей не сработают. Легкая нажива идет вразрез с политикой нашей компании.

Хотел бы он? Может, и хотел бы. А может, крылья просто привиделись, а по Свете плачет совсем другой белый прикид.

– Вижу, вы все-таки не верите. Ладно. – Девушка порылась в кармашке чемодана и протянула Егору глянцевого прямоугольника. – Держите.

Он машинально взял бумажку и покрутил ее в руках. Ничего особенного. Обычный типографский глянец, белый фон, надпись: «обратный билет» и два отрывных корешка по бокам, один побольше, второй поменьше.

– Вот смотрите. – Света указала на малый корешок. – Это, так сказать, пробник. Отрывайте – и убедитесь сами.

Егор послушно оторвал и... Еле удержал равновесие, потому как вдруг оказался стоящим на одной ноге.

Он машинально отпрыгнул назад и посмотрел вниз. Перед ним, поблескивая хрупким ледком, была давешняя злодейка-лужа.

Глянул на ботинки – сухие. Причудилось, что ли?

Но билет по-прежнему был в его руке, только корешок остался один – тот, что побольше.

Не причудилось.

Обойдя лужу, он зашагал по улице, продолжая разглядывать необычный подарок. Мысли путались в голове и в порядок приходиться явно не собирались. Эмоции вторили им, словно кто-то бил по струнам души, смешивая и те, и другие в одну невнятную кучу. И только одно слово: «шанс!» билось в голове неустанным ритмичным маятником.

Вернуться назад. Отбросить пятнадцать лет, что привели его к нынешнему положению, и начать все с чистого листа. Пойти учиться на перспективное направление. Получить престижную должность и иметь заслуженный достаток. Ну а Надю свою он и так встретит – может, даже раньше.

Ведь любовь – она одна на все времена, верно? И десять лет назад, и пять. А четыре?

Он разжал уже тянущие за корешок пальцы. Кстати, а каков он был четыре года назад? Чем отличался? Да ничем! Такой же журналюга средней паршивости со списком долгов и без ярких успехов. И что только Надя в нем тогда нашла?

– Эй, приятель...

Егор и не заметил, как со всеми этими мыслями дотопал до площади. Елка в центре сверкала фонариками и гирляндами, а взрослые с детьми, щурясь от назойливых снежинок, восхищенно ходили вокруг. И не смущали их ни мерзкая погода, ни застывшая на брусчатке грязь, ни бомжи, привычно снующие по окраинам площади в поисках бутылок и халявной мелочи.

Один из них, сидевший на бордюре поодаль от «собратьев», глядел сейчас на Егора. Грязная куртка, протертые джинсы, облезлая шапка «Сочи 2014» и нечесанные сальные патлы, непонятно где переходящие в такую же сальную бороду. Зато обувь, изрядно сношенная и явно не по размеру, сияла чистотой.

Отличало его от «коллег» еще и наличие необычного для данной публики инвентаря. Перед бомжом стояла сколоченная из трех досок ступенька, а по бокам от нее лежали на аккуратно расстеленных газетках тюбики с гуталином и пара длинных щеток.

– Эй, приятель, – повторил бомж и указал на ботинки Егора. – Совсем ты замызгал свои штиблеты. Давай почищу. Рубчиков двадцать возьму.

Егор пожал плечами и поставил ногу на ступеньку. Почему бы и нет?

Щетки заходили по кожаным бокам ботинок. Бомж погрузился в работу, а Егор все никак не мог оторвать от него глаз. Какой знакомый размах руки, движение пальцев, даже шрам на тыльной стороне правой ладони. Все, как у...

– Мишка! – воскликнул он. – Мишка, это же ты?

Бомж поднял на него глаза и криво улыбнулся:

– Привет, Егорка. Думал, не узнаешь. Даже надеялся...

Они не виделись со школьного выпускного.

С тех пор прошло много лет, и Егор почти ни с кем больше не пересекался. Наверное, именно поэтому бывшие одноклассники оставались в его памяти такими, какими их запечатлел для альбома школьный фотограф. Молодыми повесами, у которых впереди была обязательно яркая и насыщенная победами жизнь.

Таким он запомнил и Михаила, гордость гимназии и будущую звезду волейбола. И никак эта картинка не хотела вязаться с бородатым бродягой, утратившим человеческий лик за грязной коростой.

– Что... – прохрипел Егор и откашлялся. – Что случилось?

Михаил положил щетки, отвернулся. Помолчал немного, а потом его будто прорвало:

– Травма. Сука, банальная травма... И все. Резко стал никому не нужен, прикинь? Ни в игроки, ни в тренеры. Даже в школу физруком не взяли. А я ж себя не мыслил без спорта. Вот и запил. Мать просила опомниться, но я не слушал, только наливал. И даже не заметил, как у нее сердце сдало. Представляешь, просыпаюсь с бодуна, а ее уже на носилках уносят. И простынка поверх головы. – Он вытер глаза, и на чумазой щеке осталась светлая дорожка. – Как жена уходила, даже не вспомню. Только оповещение из суда припоминаю, что хата теперь ее, а мне дорога на улицу. Так и остался Михаил Валентиныч на вольных хлебах.

– А дети?

– А не народил! – нарочито весело ответил бывший одноклассник. И сделал жест, как будто что-то отрезает. – Отморозил хозяйство под забором. Как раз когда из дому выперли.

Он вдруг резко встал и быстро собрал свои пожитки.

– Ты прости меня, Егорка, что вылил на тебя это дерьмище. Зато боты у тебя теперь чистые. – Михаил подмигнул. – Пойду я.

Секунд десять Егор смотрел на удалявшуюся грязную спину. Потом сорвался с места и нагнал одноклассника.

– Постой! – Он посмотрел в увлажненные глаза Михаила. – Ты бы хотел вернуться назад? Хотел бы все изменить?

– А как ты думаешь, долбаный ты ботаник? – раздраженно сказал тот. – Еще как хотел бы!

– Тогда держи. – Егор протянул ему билет. – Понимаю, звучит дико. Но ты просто поверь.

И он рассказал историю о Свете, играх ангелов и чертей, а самое главное, как воспользоваться билетом. Михаил слушал озадаченно и недоверчиво, словно прикидывая, как избавиться от этого психа. Но потом в его глазах все же загорелся огонек веры, затмевающий все логические доводы.

– И что? – все равно вспылил он. – Ты думаешь, я возьму его у тебя? Когда это я брал подачки? Оставь свою жалость для слабаков! Тем более что он тебе самому нужен.

А ведь Михаил, оказывается, не изменился. Никогда он не ждал побрякушек от судьбы и окружающих. И даже обувь чистить пошел, наверняка, только затем, чтобы не кланчить мелочь у прохожих.

– Нет, – сказал Егор, запихивая билет обратно в измазанную гуталином ладонь. И добавил совершенно честно: – Мне он не нужен.

Резко развернулся и быстро зашагал прочь.

Да, денег оставалось немного. Но на пакетик конфет хватит. Ведь дома ждали еще те сладкоежки.

* * *

Надя ушла на кухню, из которой уже тянуло запахом предстоящего ужина. В животе у Егора предательски заурчало, что вызвало у Олечки искреннее веселье. Она оторвалась от листка, на котором выводила что-то цветными карандашами:

– Папа, ты тигр? Р-р-р-р!

– Нет! – наигранно воскликнул Егор. – Просто я съел целого тигра! И готов съесть еще одного! Вместе с одной маленькой девочкой!

Он грозно поднял руки, и Олечка с визгом спряталась за шторой. Но уже через секунду выскочила оттуда и, прихватив по пути рисунок, прыгнула отцу на колени.

– Я – не маленькая! – Она важно подняла палец. – Мне уже четыре года!

А ведь и в самом деле, подумал Егор. И уже так вытянулась. А ведь совсем недавно она была тем неуклюжим карапузом, что немудрено хватается за все углы.

– Смотри! – прервала Олечка его мысли и протянула рисунок.

На бумаге со всей детской простотой был изображен корабль. А на палубе, возле рубки с дымящей полосатой трубой, две фигурки в платьях: побольше и поменьше.

– Это мы с мамой! – воскликнула дочь.

– А где же я? – удивился Егор и соорудил обиженную мину.

– Ты тоже хочешь? Тогда тебе нужен билет! Сделать тебе?

– Конечно, товарищ капитан!

Дочка хихикнула и побежала к своему столу. Через секунду она уже начала вырезать из картона прямоугольник. А Егор продолжал разглядывать нехитрый, но такой милый рисунок.

Потом он посмотрел на дочку. Та почувствовала отцовский взгляд, подняла голову и, улыбнувшись, снова захрустела ножницами. У нее были огромные, пронзительно голубые глаза.

Верно говорят, что в одну реку дважды не войдешь. Вскочишь на минутку, а прежнего течения уже не поймает. Упустишь навсегда. И это даже на отмели, не говоря уже про омут. Голубой омут, покинуть который было страшнее любых неурядиц.

– Туда и обратно? – с серьезным видом спросила Олечка, вырезав «билет» и зависнув над ним с фломастером.

– Нет. Только туда.

Екатерина Алексенцева ВЫПУСТИ МЕНЯ

Лиля стояла на пешеходном переходе, светофор уже мигал красным, скоро должен был переключиться на зеленый. Тяжелая сумка давила на плечо, руки ныли после вчерашней тренировки. Девушка нетерпеливо посматривала на светофор. Когда уже? Рядом с ней женщина средних лет одергивала мальчика, который так и норовил выскочить на проезжую часть: «Никого же нет!» За ее спиной мужчина торопливо докуривал сигарету. Девочка с огромным рюкзаком листала что-то в телефоне.

Когда светофор переключился на зеленый, перед замершей Лилей с диким воем сирены пронеслась скорая, едва не сбив ринувшего вперед мальчика. Девушка успела заметить пустые глаза санитаров и жмущееся к окну лицо с застывшим выражением отчаяния. Ее собственное лицо. Скорая исчезла за поворотом, Лиля поправила сумку и шагнула вперед.

Выпусти меня!

Это началось несколько недель назад. Машина появлялась будто из ниоткуда, летела на пределе скорости, точно хотела сбить. И каждый раз – санитары с белыми глазами и ее лицо, прижатое к стеклу, кулаки, бьющие в отчаянии, распахнутый в беззвучном крике рот. Иногда санитары ту ее оттаскивали, иногда сидели безучастно.

Сначала было очень страшно, потом Лиля привыкла. Люди не могут бояться без конца, они устают от собственного страха. Вообще-то, люди быстро устают от всего: от себя, от друзей, от родных, от того, что приносило удовольствие. Словно все это к ним не относится. Значение имеет только скорая и бледное лицо за стеклом.

Выпусти меня!

Лиля ходила к университетскому психологу. Тот сказал, что это от усталости, сессия и все такое. Что ей померещилось. Но Лиля знала, что это не так. Скорая была реальна, каждый раз ей вслед летели гневные крики тех, кого она чуть не сбила. Машина всегда появлялась на дороге перед самым переключением светофора. Лиля уже привыкла выжидать несколько секунд перед тем как шагнуть с тротуара.

Она уже не боялась, потому что устала. Сессия, недосып, тренировки, теперь еще и галлюцинации. Лиля списывала все на воображение, подсознание, читала книги по психологии. Грезы.

Видения. Бессознательное. Ничего не подходило. Просто скорая. Просто лицо. Страх стал привычкой.

Выпусти меня!

Иногда так тянуло сделать шаг вперед и узнать, что будет после. Должно же было быть что-то, да? Неспроста же машина начала появляться. Что будет, если разбить стекло, как-то остановить скорую? Так тянуло проверить. А что будет с ней самой, Лиле уже было все равно. Она устала. Плечи болели после тренировки и от тяжелой сумки, голова раскалывалась, хотелось спать. Лилия едва переставляла ноги, плетясь знакомой дорогой в общагу.

Следующий день был таким же, как и все предыдущие – серая рутина лекций, тренировок, бессмысленное общение на бессмысленные темы с одногруппниками. И нет, пиво пить она не пойдет. Тренировки, понимаете? Изменилось только одно – появился стук, как будто кто-то бил кулаками в стекло. С той стороны. И сирены. Либо Лилия раньше не обращала внимания, либо их стало слишком много. Постоянно слышался звук сирен, и заметила это не только она.

Выпусти меня!

Тренировка в тот день закончилась поздно. Замотавшись по самые глаза в теплый шарф, Лилия брела в общагу. На светофоре она остановилась в компании таких же замерзших и усталых людей. Безумно хотелось кофе, но до стипендии оставалась еще неделя. Лилия завистливо посмотрела на стаканчик с дымящимся напитком в руке полусонного мужчины в дорогом пальто.

На дороге было пусто, светофор начал мигать перед переключением. И тогда появилась она – скорая, мчавшая с нарушением всех правил. Лилия подняла глаза и на миг встретилась взглядом с той, другой Лилей. Всего на миг. Стекло показалось жидким, тягучим и неприятно-теплым. В первое мгновение страха не было, только усталость. Лилия смотрела, как проносится мимо остановка, мужчина со стаканчиком кофе, мамаша с коляской. Она не испугалась, даже когда жесткие ледяные руки санитаров с белыми глазами схватили ее за плечи и запястья и потянули назад.

Страх пришел чуть позже, липкой душливой волной, и затопил сознание, выдавил крик, сжал горло. Лилия смотрела на другую себя, стоявшую на переходе. Та, другая Лилия, повернулась и посмотрела ей в глаза долгим, холодным, нечеловеческим взглядом. И улыбнулась.

Выпусти!..

Ася Котляр ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Рождение

– Какой чудесный ребенок! – воскликнула доктор-неонатолог, беря на руки новорожденного. – Крепыш!

Ребенок уже не плакал, а смотрел распахнутыми серыми глазенками на добрую улыбку тети с незнакомым голосом.

– Доктор, как он? – еле слышно спросила молодая мама.

– Ребенок вполне здоров, ручки-ножки целы, взгляд хороший, осмысленный. Красавец!

– Кто родился? – спросила мама.

– Как кто? – удивилась врач. – Ребенок!

– Я понимаю, но кто? – совсем шепотом спросила мама. – Мальчик или девочка?

– Мама, я же вам сказала: ребенок. Я не могу вам сейчас сказать, кто конкретно у вас родился.

– Покажите мне моего малыша.

Врач развернула ребенка к маме, и мама тихо выдохнула:

– Мальчик...

Врач оглянулась и приложила указательный палец к губам, показывая маме, что нужно помолчать.

– Мама, у вас прекрасный, ЗДОРОВЫЙ МАЛЫШ. Кем он будет, мальчиком или девочкой, он решит сам через четыре года.

– А как же мы его назовем? У нас два имени есть: для мальчика и для девочки. Бабушка говорила, что раньше пол ребенка родители знали до рождения, чтобы подготовиться. Почему сейчас это запрещено законом?

– Милая, не мы с вами эти законы принимали и не нам их нарушать. До четырех лет называйте его двойным именем, а после того как вас вызовут в министерство юстиции, в гендерный отдел, тогда оставите то имя, которое будет соответствовать гендеру.

– Да уж... Как твое имя? Иван-да-Марья. Так, что ли?

– Странные имена вы выбрали для ребенка. Сейчас так никто не называет детей.

– А какие имена сейчас в моде?

– Мама, вы откуда вылезли? Середина двадцать первого века! Какие Иваны и Марьи?

– Мы с мужем живем в лесу, у нас хозяйство свое, понимаете? Мы в город только по надобности ездим. Масок не напасешься. Как пандемия началась, так мы и переехали. Телевизор не смотрим,

компьютера у нас нет. Так откуда нам знать, какими именами сейчас детей называют?

– Сегодня, например, родились Граф-Присцилла, Саммерсет-Лиса и... Вспомнить бы... Подождите, сейчас посмотрю... Вот: Ветер-Радостина.

– Ого... Ладно, записывайте моего Иваном-Марией.

Врач повернулась к компьютеру и произнесла:

– Иван-Мария. Вес, рост, дата считаны с чипа, который мы ввели вашему ребенку. Через четыре года вам придет оповещение, и вы должны будете прибыть в гендерный отдел.

Кто ты?

– Мама, подожди, я не могу так быстро бежать! – сказал малыш маме, которая практически тащила его к огромному красивому зданию.

– Ванечка, торопись, милый! Если мы не успеем к назначенному сроку, нас поставят на учет и тебе назначат пол без твоего согласия, – сказала запыхавшаяся мама.

– А разве так можно: без согласия? – спросил малыш и остановился.

– Можно. Понимаешь, Ванечка, по их мнению, должно быть равенство: сколько мальчиков, столько девочек. Поэтому, если количество мальчиков больше – нужно уравнивать.

– Не понимаю, мамочка.

– Тогда пошли быстрее. Ты хорошо запомнил, что я тебе говорила?

– Да, мамочка.

– Что ты скажешь, если тебя спросят, как тебя зовут?

– Иван-Мария.

– А если спросят, как называют дома?

– Скажу: Иван-да-Марья.

– Правильно. А если спросят, какого ты пола?

– Скажу, что я никакого не пола. Что я просто ребенок.

– Умничка. А если спросят, какого пола ты хочешь быть?

– Скажу, что хочу быть женщиной.

– Хорошо. А если спросят, кто тебе это внушил?

– Скажу, что я так чувствую.

– Правильно. А на вопрос: «Какие у тебя игрушки?» что ты ответишь?

– Беспольные. Амонгасы, бакугасы, тайфасы и пробаданы.

– Про машинки – ни слова, Ванюша.

– Не, я не скажу про машинки.

– А про книжки что ты скажешь?

– Скажу, что моя любимая книга – «Русалы в подводном царстве».
– А что интересного в этой книге?
– Ничего, мамочка.
– Ванечка, детка, прошу тебя! Не говори, что ничего, скажи, что когда Русалы женятся, подводный Царь сам решает, кому кем быть. И скажи, что это правильно: Русалам дана возможность быть и мужчиной и женщиной. Понял?

– Понял, мамочка.

– Ну вот мы и пришли. Поправь юбочку и застегни пиджак.

Мама с малышом остановились перед дверью, мама еще раз оглядела сына и постучалась.

Дверь открылась, и они подошли к голубому экрану. Мама приложила руку с чипом к экрану, камера просканировала чипы. Тут же раздался голос робота-секретаря:

– Вам назначено на двенадцать тридцать. У вас осталась ровно одна минута. Пусть ребенок войдет, а вы ждите здесь. Вся беседа будет транслироваться на экране монитора, и вы сможете все видеть. Беседа будет записана на случай, если возникнет спорный вопрос.

За столом сидел мужчина с непонятным, каким-то безразличным выражением лица.

– Ты кто, мальчик? – спросил он.

– Я Ваня, – ответил малыш на провокационный вопрос, не предусмотренный мамой.

– А кто тебе сказал, что ты Ваня?

– Мама сказала.

– Значит, ты убежден, что ты мальчик?

Ваня на секунду задумался. В его голове промелькнуло нечто похожее на страх: мама не говорила о том, о чем спрашивал этот серый дядька.

– Нет, я не убежден.

– А кто в твоей семье убежден, что ты мальчик?

– Мама. А папа считает, что я – девочка.

– Хм. А папа как тебя называет?

– Машей.

– Так... А у тебя есть красная машина?

– Есть. И белая кукла тоже есть. Мне папа ее подарил.

– А почему у тебя короткая стрижка?

– Она не совсем короткая, дядя. Мне папа с утра бантики завязывает. А если не завязывать бантики, то волосы в глаза лезут, если они длинные.

– А скажи мне, кем ты хочешь быть: мальчиком или девочкой?

В голове у Вани пронеслась мысль: «Подумай, не говори сразу! Дядька-то очень непростой».

Ваня закатил глаза к потолку, потом почесал макушку и, глядя в бесцветные глаза бесполого существа, спросил:

– А кого сейчас больше не хватает?

Мужик встал со стула и, подойдя на высоких каблуках к мальчику, внимательно посмотрел на него.

– Ты молодчина! У тебя государственное, масштабное мышление. Сейчас не хватает мальчиков. Большинство хочет быть либо девочками, либо иметь третий пол.

– А почему? – спросил Ваня.

– Жизнь женщины существенно отличается от жизни мужчины. Жизнь мужчины сложна и непредсказуема, ему нужно заботиться о семье, о продолжении рода. С третьим полом тоже все неоднозначно, но лица небинарного трансмаскулинного гендера имеют право быть женщиной в вопросах обеспечения семьи и рождения ребенка: то есть не работать, в то время как мужчина обязан работать в поте лица и добывать хлеб насущный. Тебе понятно, ребенок?

– Нет. Но если сейчас нужны мальчики, то я готов быть мальчиком.

– Похвально. Так и запишем.

– А вы кто? – спросил Ваня, когда дядька сел за стол.

– А как ты думаешь? – ответил вопросом на вопрос этот человек с невыразительными чертами лица и характера.

– Вы – третий пол, что ли? – спросил Ваня.

– Да, третий.

– А сейчас вы кто: дядя или тетя?

– А почему тебя это интересует?

– Потому что вы похожи на дядю...

– Так... А кто тебе сказал, что человек, который похож на дядю, является дядей?

– Мама...

– Так кем ты хочешь быть, МАЛЬЧИК? – подозрительно спросил дядя.

– Мальчиком... Если так нужно...

– Знаешь, я ошибся. Сейчас нужны больше девочки.

– Но я хочу быть мальчиком!

– Так ты ХОЧЕШЬ быть мальчиком?

– Да, если так нужно!

– Так, ребенок, ты совсем меня запутал. Ты кто?

– Я – Ваня...

Мама сидела в коридоре и, глядя на экран, не понимала, что происходит. Ванечка рос очень умным мальчиком, но у него была одна черта, которая никак не вписывалась в происходящее с человечеством: он не умел врать. Ах, если бы она могла быть рядом с ним сейчас! Что им грозит, если поймут, что ребенка растили как мальчика, мама знала: огромный штраф, отторжение ребенка от семьи и передача его на воспитание в другую семью, лояльную к законам.

– Ванечка, милый, держись! Изо всех сил держись, мальчик мой! Родной мой! Ты – мужчина, слышишь? А мужчина – это воин! Так говорила твоя прабабушка! И воевать он должен не только на поле боя! Он должен воевать за правду, за дух, за близких и за Родину! Милый, воюй, прошу тебя! – шептала мама, вытирая катящиеся градом слезы.

– Я – Ваня-Маша. Моя любимая книга – «Русалы в подводном царстве». А мои любимые игрушки – амонгасы, бакугасы, тайфасы и пробаданы. Машинки и куклы я тоже люблю. Но я принял решение: я буду мальчиком. Закон на моей стороне, и я могу сам выбирать, кем мне быть. И никто мне ничего не говорил, кем мне быть. Я сам так чувствую...

Настоящий мужчина!

Мама с Ванечкой бежали к машине. Завтра должен прилететь папа, нужно было подготовиться к его приезду: наколоть дрова, затопить печь, испечь пироги...

– Ты мне поможешь, Ванечка? - спросила мама сына.

– Конечно, мамочка! Ведь я настоящий мужчина! – гордо сказал Ваня.

На дворе стоял 2050 год...

2020

Михаил Ямской Я ОТ БАБУШКИ УШЕЛ

Скоро, совсем уже скоро. Глядя на косой полумесяц в окошке, Пашка в томлении поскреб щетинистый подбородок. Эх, накатить бы сейчас... и покурить.

– Вот именно! – прокомментировал за спиной резковатый женский голос. – Третьи сутки не бреетесь, не моетесь. Даже частный коммерческий пилот обязан являть поселянам лик цивилизации, а не опухшую от пьянства физиономию!

– Чего? – деланно возмущился Пашка. – Ты видела, как я пил? Видела?

– Если б видела, говорили бы не здесь... и не со мной. Ничего, рано или поздно проясним, – с усмешкой пообещал голос.

Пашка угрюмо выразился сквозь зубы, заработав новую порцию визгливых упреков, но углублять дискуссию не стал. Отвел хмурый взгляд от иллюминатора, вызвал на экран заранее приготовленную карту и увеличил до максимума нужный квадрат.

– Садимся вот тут, у овражка, – ткнул он стрелкой курсора и торопливо объяснил, предупреждая новые подозрения: – Рядом деревня заказчика, груз электронных компонентов уже давно ожидают.

На счастье, возражений не последовало. Да и что тут возразишь? Корабельная мыпра хоть и подглядывала даже в сортире, но в торговые дела, слава богу, не лезла. Не придумали еще такого закона. Хотя с них станет, с уродов... если даже в шлюзе уже покурить нельзя. Приходится скафандр натягивать типа для тренировки, там система очистки воздуха автономная – только что за удовольствие в шлеме дымить, да и не получается часто. Ежели мыпра наутро по крови отследит, да не дай бог еще и промилле намеряет, пиши пропало, тут же сигнал в инспекцию. Прав лишат и тарелку, какая ни есть, отберут, останется только с голоду подышать на ихнем пособии. Вот же ж твари!

Он протянул руку к экрану, вроде как смахнуть пылинку, и украдкой задел карман, в котором слегка булькнуло. Неубедительно булькнуло, на самом доньшке фляги.

Ничего, уже скоро.

– А еще хочу заметить... – злорадно начала мыпра, но тут же осеклась. – Внимание, к нам гости!

Карта перед глазами сменилась крупным планом с обзорных камер. Бликуя в солнечных лучах, из-за близкой планеты по крутой

траектории выплывал металлический сфероид, быстро заполняя экран.

– Кто такие? – хмыкнул Пашка.

Он невольно покосился на иллюминатор, но там уныло торчал все тот же полумесяц, да сбоку выглядывал уголок второго. Гости заходили с другой стороны.

Странно, в этих краях, кроме него самого, сроду никто не летал, разве что вояки, но у тех корабли совсем другие. Неужто поселяне сподобились – тогда почему не купили стандартную тарелку? Или...

– Так что они говорят? – с нетерпением бросил он.

Мымра промолчала, что было на нее совсем не похоже. А затем произошло и вовсе уж странное: экран погас, а вместе с ним и свет в рубке. Что за дела?

Впустую потыкав в клавиши, Пашка вскочил с пилотского кресла и прижался щекой к пыльному стеклу иллюминатора. Зловещая тень с оранжевой солнечной кромкой наплывала сбоку, увеличиваясь и заслоняя россыпь созвездий.

Неужто пираты? Он горько хохотнул. Что ж, заходите, гости дорогие, берите что хотите! Вон ящик с электронным ломом в углу, а вон пакет с одноразовыми пайками – чего душа желает. Только насчет денег – звиняйте, сами нуждающиеся.

Тарелку заберут? Да кому нужна жалкая «копейка», которой сто лет в обед! Мымру? Да ради бога, она бесплатная, от правительства. Вот мымру – вообще с превеликой радостью, да только ведь сами не захотят себе такой гемморрой, тем более что в ней контроль намертво вшит, тут же вся полиция следом кинется.

Пашка вдруг похолодел. А если в ящике рыться станут? Там, замаскированное от хитрой мымры старыми запчастями, хранилось главное его богатство – электронный мозг-универсал, никак не связанный с общегалактической сетью и не обнаружимый никакими сканерами. То есть не обнаружимый, пока не заработает. А включал его Пашка только после посадки, оттащив от корабля подальше вместе с ящиком якобы заказанных деталей. Мымре и невдомек.

Ладно, так или иначе, пока она дохлая, нужно выпить – может, последний раз в жизни. Да нет, вообще-то, убивать его пиратам ни к чему, но кто ж их знает, разбойников!

Он выволок ящик на середину рубки, запустил руки в путаницу старых проводов и достал матовый цилиндр с пультом на крышке. Включил питание, набрал код.

– Здоров, кореш! – хрипло буркнул гений-универсал. – Опять водку гнать? Надоела мне твоя элементарная химия. Между прочим, я совсем не для того создан, я же...

– Поговори мне еще! – Пашка достал из-за пазухи фляжку, отвинтил колпачок и приставил к кранику у основания цилиндра. – некогда болтать... Не водку, а коньяк – двести... нет, триста грамм, и живенько!

Если уж общаться с пиратами, усмехнулся он про себя, то хоть не на сухую. Может, за своего сойду, ха-ха. Эх, рому надо было заказать. Ладно, какая разница.

Он оглянулся на иллюминатор. Оранжевый бок неведомого шара уже полностью заслонил звездное небо, и на нем медленно раздвигались створки грузового шлюза. Черный зев рос, готовый заглотить парализованную тарелку.

В кранике забулькало, фляжка в руке стала тяжелеть. Чем же это они мымру так наглухо вырубил, а? Вот бы самому научиться!

Пол под ногами вдруг качнулся, и Пашка едва не выронил флягу. Он снова глянул через плечо... и обомлел. Створки шлюза уже сходились, а силуэт чужого корабля на глазах уменьшался. Вот створки сомкнулись, и румяный от солнца шарик, синевато полыхнув фотонными дюзами, отвалил в сторону, стремительно исчезая из поля зрения.

Торопливо закрутив флягу, Пашка сунул ее в карман, хлопнул по кнопке питания и закопал цилиндр в ящик. Еле успел: в рубке снова зажегся свет, и голос с потолка подозрительно осведомился:

– Почему в чрезвычайной ситуации пилот покинул рабочее кресло? Я вынуждена буду доложить о вашем поведении...

– Лучше колись, что это было! – перебил Пашка. – Я-то свое дело знаю – видишь, груз проверяю. А вот ты, похоже, сплеховала, о себе и докладывай. Ну?

– Кратковременное отключение всех систем и потеря памяти, – сухо зачастила мымра. – Информация об инциденте уже передана контрольному управлению, проводится анализ. В настоящий момент системы функционируют нормально, корабль повреждений не получил и способен продолжать полет. Какие будут указания?

– Указания прежние, – буркнул Пашка, возвращаясь в кресло. Эх, даже глотнуть не успел. – Посадка по карте, где я отметил.

– Запланированная продолжительность стоянки – два часа. В случае вашего опоздания на борт я оповещу контрольное управление, ближайший полицейский участок и...

– Да знаю, знаю! Сажай давай.

Сгибаясь под тяжестью ящика, Пашка пролез сквозь кусты облепихи, заполонившей, кажется, уже все освоенные человеком планеты, и спустился в знакомый овраг. Присел, отдуваясь, на мшистый

валун у ручейка, плеснул в лицо прохладной водой и напился. Затем набил трубочку ядерной смесью с Альфы Лиры и с наслаждением задымил. Благодать!

Оглядевшись, достал из ящика цилиндр с краником, наполнил через воронку родниковой водой и нажал кнопку.

– И снова здравствуйте! – съязвил механический голос. – Что угодно барину, водки аль пива? Может, кактусовки с кардамоном?

– Арманьяк двадцатилетней выдержки из дубовых бочек. Десять литров. Тут ценители живут, понимать надо.

– Что я тебе, машина времени? – фыркнул искин. – Обойдешься синтетическим... Можно подумать, есть разница – одни понты дешевые. Сей минут, командир!

– Не сейчас, по команде... Ага, вон бабка уже тащится.

В овраг по извилистой тропинке и правда уже спускалась Семеновна в платке и телогрейке, с алюминиевым бидоном в руке...

– Даже не пересчитывай, милок, – хмыкнула она, плотно закрутив крышку наполненной тары и протянув пачку замусоленных кредиток. – Кто б тут стал ловчить, твою самогонку первее всех разбирают. Когда таперича ждать-то?

Шевеля губами, Пашка прикинул на пальцах число планет:

– Завидово, Соцково, Паскино... Ну, месяца через полтора, бабуль, не раньше. Мне еще аппарат заправить надо, он же не из одного воздуха товар гонит, правильно? Да плюс дорога туда-сюда, сама понимаешь.

– Ладно, счастливо тебе, – перекрестила его Семеновна. – Ты гляди, сильно тут не маячь, Петрович с утра неподалеку шастал.

Проследив взглядом, как бабка скрывается в кустах над овражком, Пашка вновь закурил, наслаждаясь треньканьем летних птичек над головой – теперь только на той неделе доведется, да и то если не в зиму угодишь! – и тяжело вздохнул. Душила жаба.

Он ждал Петровича: законы коммерции, тудуть их в туманность.

Участковый не замедлил явиться – наверняка уж давно покуривал неподалеку. Принимая из рук Пашки половину кредиток, довольнo хрюкнул:

– Ну, черт удачливый! И где только такую штуковину раздобыл?

– Там больше нету, – криво усмехнулся Пашка.

Больше и впрямь не было: волшебный цилиндр с автономным встроенным искином смастрячил ему на заказ старый корешок-рептилоид с той же Альфы Лиры всего за полсотни саженцев облепихи. Тащатся они с облепихи, не произрастает она в ихних пустынях, только в холодильных оранжереях для князей хвостатых, зато здесь ее хоть завались. Коммерция дело тонкое, повезло с кормильцем...

– Эй, не слышишь, что ли? – отвлек от приятных мыслей голос Петровича.

– Чего?

– Колобка, говорю, не встречал на подлете? Болтался тут давеча, радаром засекали.

– Какого еще колобка? – с тревогой нахмурился Пашка, почему-то сразу вспомнив о дорожном приключении.

– Неужто не слыхал? Разбойнички у нас в системе пошаливать стали. Сляпали в ангаре грузовичок из всякого хлама и грабят помаленьку то курьеров, то купчишек. Шарик такой желтенький подлетает и – ам! Затягивает тебя в кузов, и с концами. То всё на магистральных путях кормились, а теперь, видать, хвост им поджарили, сюда к нам подались.

– Чего ж не словите их? – удивленно вытаращил глаза Пашка. – У вояк же вон рейдеры скоростные и пукалок разных прорва – что им тот шарик!

Участковый криво усмехнулся.

– Да хитрость у них одна имеется, у пиратов этих. Засаекают лобом искин еще издалека и гасят особым сигналом... алогическим... аналогическим или как там его, я не спец. Ну а покуда автономка управление примет, разбойничков уж и след простыл, не догонишь, свалили из системы с концами. Ничего, на каждую хитрую резьбу своя лиса отыщется, сожрем и того колобка. Так что ты, браток, осторожней летай: ежели завидишь кого похожего, сразу когти рви, а твоя мымра пускай по инстанциям докладывает.

– Ладно, скажу ей... Вообще, стерва попалась редкостная, прям моя бывшая, один в один.

– Да все они такие, – сплюнул Петрович.

Ах вот оно, оказывается, что! Не включи Пашка тогда в рубке «кореша», чтобы принять на грудь, схрумкал бы колобок тарелку за милую душу. А так сканеры приняли заработавший искин за автономную оружейную систему, ну и решили разбойнички не рисковать, вдруг полицейская подстава какая. Автономка-то с изоляцией от внешних сигналов теперь только у вояк, гражданским за это тюрьма. Одним штрафом, как за самогон, не отделаешься.

А ведь и впрямь ребяток приоденут скоро, к гадалке не ходи. С патрульным рейдером шутки плохи, это вам не тарелка задрипанная. Ну, зато хоть разок утерли нос механическим всезнайкам. Обнаглели совсем эти электронные мозги со своими хваленными нейросетями, подмяли под себя всё на свете.

А что, если... а потом... Точняк! Идея – супер. Пашка еле сдержал самодовольную ухмылку.

Поделившись табачком с участковым и распрощавшись с ним на берегу ручейка, он снова включил цилиндр.

– Что еще? – ворчливо спросил контрабандный искин. – Пивком заполировать решил?

– Нет, тут такое дело... Ты во всяких там алогических цепях-сигналах не шарить, случайно?

– Случайно не шарю, – хихикнула машина, – только неслучайно... зато в чем угодно. В сеть пусти, и всё будет. Чего надо-то?

Пашка с досадой взлохматил волосы на затылке.

– В сеть пуцу, но только не сейчас. С левого входа на Лире время закажу... когда тугриков подкопится. Часа тебе хватит?

– Не знаю, смотря на что, – закобенился искин, набивая себе цену. – Скажешь, прикину.

– Значит, так, слушай сюда... а на стоянках, пока включен, заранее прикидывай, что искать будешь. Время, оно того... деньги. Короче... – Пашка опять почесал в затылке и увлеченно заговорил, выкладывая новую блестящую идею.

Пустившись в обратный путь из овражка к своей «копейке», где поджидала соскучившаяся мымра, он всё поглядывал из-под ящика на плече на зеленоватое небо с двумя полумесяцами, будто надеялся различить в заоблачной вышине прыткий румяный шарик.

Удачи тебе, Колобок!

Игорь Дьячишин РАСХОЖДЕНИЕ

* * *

– Скажите, вы готовы сейчас говорить о смерти вашего двойника?

* * *

«Хлюп-хлюп» – ботинки по декабрьским лужам. Хоть какого-нибудь снежка в этом году еще не было – и не факт, что будет.

В начале столетия это место активно застроили многоэтажками, а уже лет через тридцать район стал одним из многих пустынных мест Брянска. Половина моего участка такая – опустевшие дома и офисы. И в этом упадке виновата не только Большая Черета Пандемий, прошедшая волнами по Земле.

Правда, кое-где еще ютятся жильцы. Один из таких жильцов, Петр Земляных, мужик лет пятидесяти, большую часть времени проводит в четырех стенах, работая из дома то копирайтером, то графическим дизайнером. Не раз приходилось с ним общаться. Человек с психикой, искалеченной некачественными имплантатами и химическими стимуляторами.

Во вторник звонит: я, говорит, вечером часто смотрю в бинокль на окрестности, и тут вижу – машина. Остановилась недалеко, через два дома. Он дал увеличение, смотрит – водитель вытаскивает мешок, а мешок движется, словно в нем человек. Вот Земляных и заволновался. Хочет, чтобы проверили. Неймется ему, все видит какие-то «странности». И около того дома, как назло, нет действующих камер. Потом опять звонит: «Кого-то грузят в машину! Вы что там сидите? Там, может, уже человека убили!»

Ну что ж, ладно, проверим. Наверное, просто чудачества Петра, не жду каких-то больших неприятностей. ИИ быстро нашел понятия, которые будут дистанционно получать чувственную картину через меня. Не люблю, когда мне залезают в голову, но что поделать – не искать же редких жителей почти заброшенного квартала. Плюс «дистанционщики» получают доступ к моим модификациям восприятия, а большинство без таких аугментаций вообще могут не увидеть на месте многих следов. Хорошо хоть у «дистанционщиков» нет доступа к моей памяти. Чертова работа... Они сидят себе в своих жилищах, пока я путешествую по мертвым городским джунглям.

Я стою у того самого подъезда. Петр покидать свое умное жилище отказался, даже всю информацию передал дистанционно, по

телефону. Боится нового штамма, наверное. Может, не купил алгоритмы защиты для умной пыли. А может, просто приклеился задом к своей конуре настолько, что вылезать страшно в принципе. Бывают такие.

Моя иммунная защита свежая, я обновление скачала в воскресенье. Остается только, как всегда, надеяться, что технически все с пылью в организме нормально, и что с кодом не напортачили.

Поднимаюсь. Анализаторы включены на полную. И да – чую кровь!

Какая?

Предположительно, человеческая.

Небольшие следы на лестнице.

Источник – квартира на втором этаже.

Иду потише, мало ли что. Одной рукой нащупываю табельное в кобуре.

Подошла к сохранившейся двери сбоку, тяну ручку на себя. Знаю по каталогу, что хозяина у квартиры нет, имею право идти без стука. Дверь послушно и – черт подери! – со скрипом открывается.

– Есть кто? Отвечайте. Участковая Мария Котельникова.

Тишина. Дополненный слух сообщает: скорее всего, никого нет. Живых, по крайней мере.

Все равно осторожничаю – иду довольно медленно.

Ударяет в ноздри едкий запах. Вероятно, кто-то заливал следы химикатом. Так делают. Рецепт найти в сети можно. Но если кто и пытался обдурить обоняние полицейского, постарался недостаточно. Мягко говоря.

Я стою в комнате, где след чувствуется наиболее сильно. Из мебели тут остались столик и разодранный диван с торчащей изнутри парой пружин. Сморщенные остатки обоев с цветочками, надписи на стенах.

Анализирую обстановку. Кровь вчерашняя. Нашла пятнышко – беру мини-дрон для захвата улики, подношу к еле заметному неполноценным взглядом пятнышку на диване. Дрон взял пробу, началось соотнесение по базе...

Тем временем мой мозг восстанавливает предварительное предположение по произошедшему. Значительная часть следов затерта, но, вероятно, сначала кого-то в том самом мешке притащили, вижу также слабые сигнатуры того, как другой человек ходит около дивана. Потом потащили человека (живого? мертвого?) обратно из комнаты через прихожую на лестничную клетку.

Эх, похоже, не зря Петр звонил...

Кровь по базе – шестидесятипятилетней женщины, проживающей недалеко от вокзала Брянск-1. Алина Прибыльнова.

Будем ее искать, живую или мертвую. Подарочек под конец года, блин.

* * *

– Вот так началось это дело. Скажите, долго вы искали Алину? – продолжаю я интервью.

Белозерский, сидящий рядом с Котельниковой передо мной, чуть усмеяется.

– В том-то и дело, что очень недолго. Мария проверила примерное местонахождение телефона – у женщины в квартире. Ее обнаружили живой и здоровой.

– И она отрицала, что бывала в том доме? – Мой вопрос звучит скорее как утверждение – я знаю историю в общих чертах. Это все для зрителей.

– Да, мол, знать не знаю.

– Ну а потом ИИ нашел ее внешность в базе со снаффом на проверку подлинности.

– Совершенно верно.

Я говорю:

– Поясните нашим зрителям, о чем речь.

– Ну, кхм... В наше время, имея нужную технику, можно состряпать видео, которое не отличить от подлинника. А в сети то и дело появляется различный снафф – «синтетический», в основном, где пытки и убийства ненастоящие. Но среди него есть и «натуральный» – такое совершенно точно по части органов внутренних дел. Приходится проверять горы этого, извините, дерьма, и машинам, и людям. Вот мы и нашли Прибыльнову на одном таком видео. Думали – может, кто-то для создания видео использовал образы женщины и комнаты? Но откуда кровь тогда?

– И ответ напрашивался сам собой. – Я пользуюсь случаем, чтобы вклинить свои пять копеек.

– Да, сам собой напрашивался ответ, очень неприятный: мы, оперативно-следственная группа, имеем дело с расхождением. Мария выдвинула версию.

– Наверное, мы все примерно в одно и то же время это подумали, просто сказала я первая, – говорит Мария.

* * *

– Повседневная «твердая», «единая» реальность – это только приближение, как, например, и абсолютное время. Точно о состоянии квантовой системы – будь это атом или человек – можно сказать лишь относительно другой системы. Эта относительность ре-

альности незаметна только потому, что друг с другом связано сразу множество систем. Но даже так есть вероятность, что для Алисы произошло с системой одно, а для Боба – другое. О такой возможности говорил еще Юджин Вигнер в двадцатом веке. Но он ошибался, надеялся в квантовой механике особым статусом сознательных наблюдателей. Сегодня в науке придерживаются реляционной интерпретации, основы которой были предложены Карло Ровелли и другими физиками. Наблюдателями могут быть любые квантово-механические системы, независимо от наличия сознания. Наблюдением, с этой точки зрения, может считаться любое квантовое взаимодействие. Правда, идут споры уже об интерпретации самой интерпретации. – Эксперт, профессор Сысоев, усмехается. – Тем не менее реляционное понимание – уже огромный прогресс. Это знание помогло нам в постройке термоядерных реакторов нового типа, в них используются так называемые реляционные эффекты – для внешних наблюдателей повышается эффективность туннелирования, уменьшается необходимый порог температуры плазмы. Главное – правильно экранировать нужные элементы, иначе больше положенного разойдутся причинно-следственные цепочки, создавая те самые расхождения в реальности. О возможности расхождений такого масштаба и формы физики двадцатого и раннего двадцать первого веков и не предполагали. К сожалению, этой проблеме уделяют слишком мало внимания – в том числе из-за дороговизны качественного экранирования. Вот так и может получаться, что кто-то что-то совершил при свидетелях, а когда нашли подозреваемого, оказывается, что у него железное алиби. Так «микро» создает варианты в макромасштабах. «Микро» и «макро» вообще – крайне условное разграничение. Уже то, что память – а значит, мозговая структура – Алисы и Боба изменены – пример макроскопического расхождения, сочетание следствий разных прошлых.

– И как долго могут чувствоваться макрорасхождения? – прерываю я вопросом мини-лекцию Сысоева, наверняка заранее заготовленную и записанную в мнемонаугментации.

– В таких случаях последствия могут еще долго аукаться, а могут и нет – это сложно предугадать. Когда как. Такая возможная опасность квантовой неразберихи, так сказать, часто вызывает протесты общественности по поводу реляционных электростанций, но более эффективного источника энергии у нас пока нет.

– Расхождения, с которыми мы имеем дело, весьма значительные...

– Да, но с такими установками возможны и куда большие. Общее в так называемых расхождениях, или «вигнеровских парадоксах», как их еще называют – наличие двух и более различных прошлых

и возможность столкновения последствий разных прошлых в будущем. При работе реакторов расхождения то и дело вызываются намеренно. Произошедшее почти наверняка связано с какой-то из электростанций либо исследовательских установок. То есть существует возможность естественного расхождения, но в таких масштабах, как в этом случае, она ну очень близка к нулю. А с теми же реакторами имеется не один прецедент. И, наверное, слышали, что есть системы, в которых маленькие изменения условий могут вызывать большие последствия? Про взмах крыльев бабочки и торнадо недели спустя? Вот таким образом вроде бы незначительный каузальный прорыв, бывает, и дает «торнадо».

Я обо всем этом знала и без объяснений Сысоева, но нужно, чтобы материал был как можно более доступным.

* * *

– У большинства наших кишка тонка, одни мы это все широко озвучиваем, – раздраженно произносит Мария. – Вскоре нас потянули на ковер к нашим непосредственным начальникам. И там и мне, и Виталию, – Котельникова кидает взгляд на Белозерского, – говорили: помалкивайте об этой истории, это все тянется высоко, и городу, и области нужно, чтобы реактор работал. Они там уже потихому ищут проблему каузального экранирования, из-за которой расход пошел. А мой мне еще так сказал: все мы живем в квантовом мире, как известно; теоретически расхождения могут возникать на таких масштабах и естественным путем, пусть и с малой вероятностью. Эксперт говорил о такой возможности и о том, что вероятность этого в нашей ситуации близкая к нулю. Кстати, отдел превентивных действий с нами беседовать на эту тему отказался. Причем довольно грубо: «Что вы к нам прицепились? Перестаньте звонить».

– Я, – говорит Белозерский, – все-таки немного узнал, что превентивщики стали делать. Через знакомых. Там ведь как: бывают случаи, когда известно, что с большой долей вероятности кто-то хочет или даже в качестве квантового двойника уже совершил преступление. Значит, надо поработать с ним, чтобы подобное больше не воплощалось. По следам в сети и внешнему виду машины нашли одного парня, наследственного майнингового рантье. Мне имя не сказали, назову его Н. Тот сразу признается: да, сгенерировал снафф, но никого не калечил и не убивал, а образ ледально купил у пенсионерки. Машина у парня точно такая, какую видел Земляных – серебристая «Тойота». Но никаких следов крови в ней не было. Этот Н. даже показал нам файлы с разных стадий работы над псевдоснаффом. Подключили считыватель к мозгу – вероятность шестьдесят процентов, что не врет.

– А почему только шестьдесят? Вроде бы техника распознавания лжи сейчас обычно более точные ответы дает.

– А это потому, что Н., похоже, поначалу серьезно думал, не сделать ли ему «натуральный» снафф и был весьма взбудоражен этой мыслью, но этот – ну то есть эта квантовая версия – остановилась на «синтетике». В общем, точно клиент профилактиков. Надеюсь, ему мозги почистят как следует.

Санкции в отношении кого-то потому, что его квантовый двойник что-то сделал или нейросеть зафиксировала потенциально опасное поведение, лежат в этически «сером» пространстве. Я лично не в восторге, но не высказываю свое мнение Белозерскому.

* * *

– Что могут означать для области если не закрытие, то даже кратковременные работы на реакторе?

– Когда в городе запускают реляционный термоядерный реактор, как в Брянске полтора года назад, это всегда ставит его, город, да и область то есть, на ступень выше. В нашем случае – надежда для полувымершего региона, который до этого уже пятнадцать лет держится почти что полностью на обеспечении транзита пассажиров и грузов. Конечно, понятно, почему администрация так не хочет терять реактор даже на пару недель. Ну и разговоры о неполадках бьют по репутации. А в обстановке бешеной, жестокой конкуренции регионов, когда мало финансирования из центра, это просто... – Сысоев пытается подобрать слова.

– Смерти подобно?

– Да.

– Но вы считаете, что ремонтировать надо?

– Конечно! Проблема тут во многом в том, какие у нас общественные институты. Бизнес и государство больше заботят финансовые проблемы, нежели непосредственно человеческие. Хотя на самом деле расхождения способны легко мешать и тем, кто у власти, и уже неоднократно были случаи. Я часто думаю о том, насколько это страшно и опасно – больше одного варианта макропрошлого. Это может быть проблема и бизнеса, и законодателей, и исполнителей, и, конечно, судебной ветви, и вообще бытовые проблемы для кого бы то ни было.

– Министерство энергетики заявило, что будет проведена проверка.

– Ну, – говорит мой собеседник, – уж хотелось бы, чтобы проверили как надо. Чтобы стало ясно – от них это пошло или нет.

«А с какой помпой реактор запускали! Хвалились: успели раньше срока! Спасение для экономики Брянска и области. Да уж...»

* * *

– Скажите, вы готовы сейчас говорить о смерти вашего двойника? – Мы наконец подошли к этой теме.

Грузный Белозерский делает громкий выдох и кивает:

– Да-да, я готов.

Чувствую некое напряжение в нем. Неудивительно.

– Только мы с Марией не успокоились, как нам советовали. В такой ситуации надо, чтоб люди знали. И мы стали в сеть выкладывать информацию по делу. И сразу угрозы пошли. Конечно, ведь реактор – это курочка, несущая золотые яйца. А в один день мне звонят и говорят: «Ну все, Виталий, считай, что ты уже труп, если не прекратишь свои игры». ID не определен, речь синтезированная.

– Прямо так?

– Прямо так. И труп, как потом оказалось, действительно появился. Однажды утром, день зарплаты, еду на своем велосипеде на работу, как обычно. Паркую рядом с участком. Тут вижу, у крыльца курит мой сослуживец, Брагин, – как меня увидел, так у него прямо нижняя челюсть обвалилась. Он говорит: «Нам сказали, что ты вчера помер, твое тело в морге».

– Еще одно расхождение?

– Да! Труп мой – ну, то есть двойниковый – действительно в морге, его сшиб насмерть неизвестный на автомобиле. «Неизвестный!» – Белозерский хмыкает. – Это при том, что в наше время и в нашем месте личные легковушки вообще роскошь еще та. И так легко скрыться, несмотря на то, что рядом с местом ДТП, на том участке бульвара Гагарина, не одна камера. Скорее всего, это было убийство.

– А вы, Мария, и вы тоже, Виталий, еще боитесь за себя?

– Уже не так сильно, – отвечает Мария. – Ведь пошла большая проверка и шумиха после гибели двойника Виталия. Так что новые «несчастные случаи» вызвали бы еще больше подозрения.

– А что дальше было с телом?

– Я буквально сам себя схоронил, – говорит Виталий. – Очень странное ощущение. Тело – точь-в-точь, как у тебя. И понимаешь, что убили почти буквально тебя. Надеюсь, сам я не скоро повторю судьбу двойника.

Александр Молодецкий СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Павел все еще сомневался.

– Ты все-таки хочешь обратиться именно в это агентство? – спросил он.

– Да, конечно. Алешка сказал, оно самое лучшее в Одессе, – ответила Полина, не отрываясь от каталога.

Павел скривился, как будто надкусил лимон. Алешка ему решительно не нравился. Бывший одноклассник Полины, он пытался за ней ухаживать в старших классах, а потом, получив от ворот поворот, хоть и не пробовал сделать повторный заход, но считался тайным воздыхателем и вроде как просто дружил с ней. Павел дал себе слово, что заставит Полину перестать общаться с Алешкой, но, сейчас, прямо после свадьбы, когда они планируют свадебное путешествие, ссориться по этому поводу совершенно не хотелось.

– К тому же у них есть именно тот тур, что я хочу. Париж конца девятнадцатого века, Монмартр, импрессионисты. Пашуля, ты же знаешь: это моя мечта! Я ведь защитила диссертацию по творчеству Моне.

Моне или Мане – Паша не особо в этом разбирался, но брак – это умение пойти навстречу желаниям и интересам своей пары, рассчитывая на взаимные уступки, поэтому он решил согласиться с Полиной.

– Ну, хорошо, котенок. Значит, завтра идем в это агентство. – Павел посмотрел на обложку каталога: «Туристическое агентство “Михельсон и сын”, Одесса, ул. Малая Арнаутская, 29».

Свадебное путешествие теперь совсем не то, что было раньше. Не нужно собирать чемоданы, спешить в аэропорт, толкаться в очереди в музей или пытаться сфоткаться на фоне Пизанской башни так, чтобы другие многочисленные туристы не попали в кадр.

Все изменила пандемия коронавируса, бушевавшая долгие пять лет, с две тысячи двадцатого по двадцать пятый годы. Путешествия по миру в этот период прекратились вследствие постоянных карантинных ограничений. Туристической индустрии пришлось приспособливаться к новым условиям. Сначала появились онлайн-туры, где гиды ходили с веб-камерой по пустынным улицам Парижа, Венеции или Нью-Йорка и проводили экскурсии для туристов, сидящих перед мониторами своих компьютеров. Потом подтянулись технологии виртуальной и дополненной реальности, и эти туры стали все более и более интерактивными и похожими на настоящие.

Через некоторое время производители виртуальных туров задумались. А почему ограничиваться только реальными локациями и достопримечательностями, если виртуальная реальность позволяет воссоздать все что угодно? Хочешь в Египет времен Клеопатры? Без проблем! А может быть, ты любитель Лавкрафта? Добро пожаловать в подводный город Р'льех! Только не разбудите Ктулху! Или вас интересует семейный тур в Нарнию? В двадцать первом веке возможно все.

Наконец, уже совсем недавно, появились ролевые туры с игровой механикой. Теперь ты не просто путешествуешь в Париж времен Людовика XIV как зритель, но и можешь побыть в шкуре д'Артаньяна и выполнить квест с подвеской. Или, может быть, ты хочешь выиграть чемпионат Хогвартса по квиддичу, будучи Гарри Поттером? Вот она – вершина развития туризма!

Вернулись ли назад обычные путешествия, когда коронавирус наконец перестал терзать человечество? Да, но позволить его себе теперь могли только очень богатые люди. Жители Венеции, Праги и других популярных туристических направлений, попробовав жизнь без толп туристов, уже не хотели возвращаться к тому, что было. И правительства большинства государств приняли решение установить неподъемный для обычных людей туристический сбор. Таким образом, они перевели реальный туризм в то, что может себе позволить только элита. Один очень богатый турист приносил столько же денег, сколько до этого приносила тысяча экономящих на всем бэкпекаров, а нагрузка на инфраструктуру, вред окружающей среде и достопримечательностям, беспокойство местным жителям, наконец, – в тысячу раз меньше. Да и свою долю от виртуальных туров они тоже получали в виде платы за лицензию – хочешь совершить виртуальный тур по кварталу красных фонарей, плати свой процент мэрии Амстердама, хочешь полюбоваться на какое-нибудь место из литературного произведения – проценты идут обладателю авторских прав. В общем, виртуальные туры стали туристическим продуктом для масс, а реальные – для немногочисленных представителей элиты.

Вот за таким виртуальным туром и пришли молодожены Павел и Полина в туристическое агентство «Михельсон и сын».

– Значит, вы таки выбрали тур «Весенний Париж: импрессия»? – посмотрел поверх очков на посетителя Михельсон.

– Да-да, и Пашенька должен быть Полем Гогеном, – уточнила Полина.

– Я думал, ты хотела Моне или Мане. О ком ты там диссертацию защитила? – растерянно спросил Паша.

– Нет-нет! Гоген тоже прекрасен, а смотри, какое совпадение имен: Поль и Полина, а еще Паша на французском – это тоже Поль!

– Чудесный, чудесный выбор. Ваша супруга, Павел, так имеет вкус, я вам скажу, – одобрил выбор Полины Михельсон.

– Так, а нам надо как-то готовиться? Учить роль? – нахмурившись, спросил Паша. – Я про Гогена ничего не знаю.

— Ой-вей, та боже упаси. Все уже подготовили до вас. Вы только платите капельку денег и получаете море удовольствия. Вот подпишите тут и тут, – протянул договор Михельсон.

Был прекрасный весенний вечер. Издалека доносилась мелодия старой доброй «*Charmante Catherine*». Это пожилой шарманщик Жан крутил ручку на углу улиц Норвен и де Соль. Теплый ветер разносил мотив между домами и людьми, иногда мелодию было слышно лучше, иногда она затихала.

Паша... хотя нет, уже Поль шел по направлению к площади Тертр, где каждый день собирались художники и толпились любители искусства. Сегодня погода благоволила и тем и другим, поэтому народу было особенно много.

Полину он увидел издалека. Она стояла боком к нему, демонстрируя точеный профиль своего милого личика. По нынешней парижской моде она была одета в красное платье из крепдешина с белыми кружевными вставками, грудь была затянута в жесткий корсет, и это особо подчеркивало осиную талию. Поверх корсета был надет малиновый корсаж со сложным узором. На голове шляпа с широкими полями и пушистыми белыми перьями. Полина рассматривала натюрморт Франсуа Батисты, который расхваливал его, в надежде продать подороже модной даме из высшего общества. Поль знал Франсуа – та еще бездарность, все, на что его хватает – это жалкое подражание Моне и Сезанну.

Поль подошел к Полине и негромко, чтобы не услышал Батиста, сказал ей:

– Мадемуазель, эта мазня не стоит того времени, которое вы на нее тратите.

Полина заинтересованно посмотрела на него из-под полей шляпы.

– Эжен Анри Поль Гоген, – уже громко представился Поль и вежливо приподнял свой цилиндр.

Батиста злобно зыркнул на Поля и перевел взгляд на других любителей искусства – возможно, с ними ему повезет больше.

– Полина Левуазье, – кивнула в ответ Полина.

– Мадемуазель Левуазье, вы, видимо, новичок на Монмартре. Я же провел здесь уже много лет и знаю тут всех и вся. Позвольте мне быть сегодня вашим гидом.

– Зовите меня просто Полина, – улыбнулась она.

– А меня – Поль. – Он галантно взял ее под руку.

Они неспешно пошли вдоль художников, выставивших свои работы, и Поль со знанием дела рассказывал о каждом, здороваясь с теми, с кем давно приятельствовал, и перебрасываясь с ними парой фраз.

Наконец они вышли с площади и по небольшой улочке приблизились к огромным строительным лесам на самой вершине холма, где кипела работа.

– Это наивысшая точка Монмартра. Здесь будет базилика Святого Сердца – работы идут уже более десяти лет, но их пришлось приостановить, чтобы укрепить грунт. Тут внизу старинные каменоломни, и они могут не выдержать такого массивного сооружения, – как заправский гид поведал Поль.

– Ее будут делать из белого камня? – заинтересованно спросила Полина.

– На самом деле, известняк, который используют для строительства, серо-желтого цвета, но при соприкосновении с водой он покрывается белым налетом. Это будет грандиозное сооружение, если его достроят. Есть, знаете ли, противники. Многие недовольны местом – ведь здесь начинались печальные события Парижской коммуны, и возведение тут церкви они считают насмешкой над французским народом. Другим не нравится сам проект – он довольно необычен: сочетание разных стилей и порой неуместная помпезность. Сейчас вообще идет большое строительство в Париже и на Монмартре, в частности. Там, чуть дальше, на улице красных фонарей, рядом с площадью Пигаль, строят кабаре «Красная мельница», но главное новое сооружение, конечно, заметно чуть ли не с любого места в Париже. — Поль взял Полину за плечи и повернул лицом в сторону противоположную строительству базилики.

У Полины перехватило дух. Вид на Париж был просто потрясающим. Крыши домов создавали сложный лабиринт, между ними торчали башенки многочисленных храмов, кое-где дымили трубы фабрик и заводов. Но главное, главное – огромная металлическая свечка высилась по самому центру.

– Прошу любить и жаловать – трехсотметровая арка при входе на Всемирную выставку, которая пройдет на Марсовом поле через два года. Сейчас она еще не достроена, но уже вызывает целую гамму чувств у парижан и гостей столицы.

– Удивительное сооружение! – восхищенно сказала Полина.

– Не все находят этот проект хорошим. Французская интеллигенция вообще негодует и бомбардирует муниципалитет письмами с требованием остановить строительство. Совсем недавно более трехсот писателей и художников подписались под последним требованием. Они называют конструкцию бесполезной и чудовищной,

смехотворной башней, доминирующей над Парижем, как гигантская фабричная дымовая труба.

– А вы, Поль, что вы думаете об этой башне? Подписали письмо? – лукаво улыбнулась Полина.

– Я? А я нахожу ее интересной. Эдакая кружевная готика из железа. Искусство должно провоцировать, и в этом смысле эта башня – настоящее искусство. Впрочем, я вообще не нахожу проблемы с ней. Ведь это временное сооружение – ее демонтируют после Всемирной выставки.

– Как?! – ахнула Полина. – Столько лет строят и потом сразу демонтируют?

– Ну, не сразу, какое-то время она простоит, но потом, конечно, демонтируют.

Они замолчали и уже в тишине любовались видом Парижа. Поль нежно приобнял Полину. Она повернула к нему голову, и их губы встретились, сначала с опаской и осторожностью, а потом сомкнулись в страстном поцелуе.

* * *

Лучики солнца поиграли с локонами Полины, а потом взялись за ресницы. Она открыла глаза.

Поль жил в мансарде дома на улице Оршам, неподалеку от площади Тертр. Он уже встал и попивал вино из стакана, выглядывая в окно. Он был голым по пояс, его белая атласная рубашка лежала на кровати рядом с Полиной. Она взяла ее и прижала к лицу, вдыхая запах любимого человека.

– Ой, у тебя пуговица почти оторвалась, – сказала Полина.

– А, не беда. Потом попрошу мадам Куго пришить.

Мадам Куго приходила по четвергам и убирала в берлоге Поля.

– Нет-нет, я сама пришью.

Полина нашла иголку с ниткой и, как была обнаженная, уселась обратно на кровать.

Поль смотрел, как она пришивает пуговицу, и внезапно понял, что это должно быть запечатлено на холсте.

– Замри!

Полина замерла. Поль еще раз внимательно посмотрел, потом чуть прошелся по комнате и поменял угол зрения. Фон был слишком пустым. Поль схватил мандолину, лежавшую на столе, и повесил на стену рядом с Полиной. Вот! Так идеально.

Поль рисовал картину всю неделю. Каждый день до обеда Полина позировала с его рубашкой. Потом они шли в кафе и, поев, гуляли по Парижу до самой темноты. А ночи... Ночи были целиком отданы Купидону.

Наконец Гоген завершил свой шедевр. На этом закончилось и свадебное путешествие Паши и Полины.

* * *

– Итак, мои дорогие, что скажете? – хитро улыбнулся Михельсон.

– Это просто восторг! У меня нет слов! – засияла Полина.

– Ну вот видите, Соломон Абрамович вам обещал, Соломон Абрамович сдержал слово. Вот на этой флешке фотографии и видео. Как было оговорено – от первого лица и с трех разных точек. А вот небольшой презент от фирмы. Ах да, почему презент? В вашем случае le petit cadeau. – Михельсон протянул Полине картину.

Это была репродукция знаменитой картины «Шьющая женщина» Поля Гогена. Да не просто репродукция! Кто-то, вероятно, с помощью какой-то программы, сумел очень аккуратно, гармонично, практически неуловимо, но изменить черты женщины на картине, так что она явно напоминала Полину.

– Боже, какая прелесть! – Полина была на седьмом небе от счастья.

Паша совершенно не разделял ее восторга, но благоразумно сохранял улыбку на лице. Картина Гогена заметно отличалась от идеализированных изображений женщин времени импрессионистов. Художник зачем-то испортил прекрасную наготу натурщицы на картине довольно большим животом, очень реалистично изобразив складки на нем. Пятая точка тоже неприятно удивляла излишней громоздкостью, да и сама поза шьющей не отличалась изяществом.

«Ну хоть не Рубенс», – подумал Паша, вспомнив пышнотелых красавиц, которых они проходили на курсе изобразительного искусства в школе.

* * *

Когда за посетителями закрылась дверь, Михельсон поспешил в операторскую.

– Яша, порадай старика, скажи, что все получилось.

Михельсон-младший отодвинул пакет чипсов, вытер руку о собственный живот и протянул Соломону Абрамовичу флешку.

– Папа, вы меня обижаете. Конечно, все вышло как надо. Вот полная виртуальная цифровая копия этой дамочки. Ваш клиент будет доволен, как слон.

– Это хорошо. Я пообещал этому Алеше, а если Соломон Абрамович пообещал, то Соломон Абрамович сдержит слово, уж вы поверьте.

– Папа, а скажите, к чему все эти сложности? Взял бы виртуальную модель любой мамзели из Интернета – их там навалом, приделал бы к ней лицо этой дамочки и было бы ему счастье. Дипфейк – такое еще лет десять назад делали на ура.

– Яша-Яша, мал ты еще, ничего не понимаешь в этой жизни. Это же любовь. Человек хочет точную копию своей любимой женщины, а не какой-то там мамзели. А любовь – она дорогого стоит. Больших денег, а не этот твой дешевый дипфейк.

Андрей Потапов НАРИСОВАННЫЕ ШИПЫ НЕ РАНЯТ

Открыть глаза оказалось легко. Словно он всегда это делал.

Кромешная тьма стала чуть менее кромешной. Тусклый полумрак пещеры – вот что полагается новорожденному вместо тепла утробы. Тем более, если никакой утробы и не было, а ты сразу появился тридцатилетним мужчиной без трусов.

Первым позывом было встать и оглядеться. Правильно – к чему его подавлять, если можно встать и, черт возьми, оглядеться? В каменном своде над головой была узкая щель, через которую проникал свет. Что там снаружи, интересно? Может быть, солнце? Или огромная лампа, над которой склонился еще более огромный ученый, глядя на результат своего безумного эксперимента?

Мужчина понял, что его больше заботит, откуда он знает все эти словечки. Пока что за свой недолгий век он успел увидеть только ровную, неестественно гладкую стену и уголек возле ног.

Еды нет, развлечений нет... В таких условиях человека тянет к искусству.

Мужчина поднял уголек и покрутил перед собой. Обычный графит, который пачкает пальцы. Провел линию. Щербатый камень отозвался приятным звуком, словно шпатель скользит по стене усталой квартиры. Какую-то секунду прямая оставалась на камне, а потом, обретя объем, соскочила вниз.

Что за дела?

Мужчина в недоумении крутил перед собой простенькую трость, атрибут настоящего джентльмена. Даже в отсутствие одежды она умудрилась придать атлетичной фигуре некий аристократизм.

Поймав себя на том, что позирует, мужчина выпустил палку из рук. Ничего не было. Повезло, что обошлось без свидетелей.

Интересно, что еще может эта штуковина?

Со стены шлепнулась новая прямая. Видимо, у разработчиков туго с фантазией, потому что опять получилась трость. Или уголек искренне считал, что необходима запасная. Вдруг первая ломается.

Хоть мама и не могла сказать ему этого, мужчина все равно решил, что он не дурак. Если так и рисовать графитом, тот в конце концов сотрется. Голодная смерть – не лучший исход. Нужно найти способ понадежнее.

Следующим заказом для странного камня стали ручка и лист бумаги. Точнее, прямая покороче и прямоугольник – на что хватило навыков. Но технологии не дошли еще до такого уровня, и мужчина обнаружил под ногами глиняную табличку со стилусом в придачу.

Шутники!

Ладно, клинопись – так клинопись. Закусив язык, мужчина принялся водить указкой по первобытному планшету, изображая выход из тесной пещеры. Клаустрофобией он, конечно, не страдал, но все равно ему было как-то не по себе.

С каждым новым штрихом камни скрежетали от возникающих трещин, будто невидимая рука распоролла нутро клетки. В той самой стене, из которой выпрыгнули две трости, образовалось углубление, впуская все больше света извне. Плита гулко втянулась в землю, открыв арку в полный человеческий рост.

Мужчина вышел, жмурясь от слепящей белизны. Он и каменная коробка находились посреди великого ничто. Хорошо, гравитация в наличии, а то бесконтрольно летать по пустырю было бы не очень приятно.

Слабые зачатки научной мысли подсказали, что чудес не бывает. Это в Средневековье считали, что жизнь возникает сама по себе из мусора, но противоречия с религией не видели. Мужчина знал точно: появиться из пустоты он не мог. Даже для последнего невежды это слишком. Волевым решением человек пошел вперед в поисках края Вселенной, то и дело оглядываясь на свою пещеру. Каменная коробка все больше отдалялась, пока не сгнула за условным горизонтом. Мужчина вздохнул и зашагал дальше, но упал, вписавшись лицом в гладкий параллелепипед.

Пустота не бесконечна!

Только замкнута сама на себя.

Подобрав табличку, мужчина принялся ожесточенно рисовать сюжет, знакомый каждому с детства: поросшая травой лужайка, аккуратный домик с дымом из трубы и непропорционально большое солнце. Как только глина впитала последнюю деталь, из преступной белизны выросла зелень, пещера стала пряничным домиком, а небо налилось голубым, радостно приветствуя сияющий диск.

Островок загородной жизни посреди все той же пустоши.

Мужчине стало неуютно. Какими бы фантастическими возможностями ты ни обладал, они не скрасят одиночество. Еще несколько штрихов – и возле дома появился человек. Вот бы табличка воспринимала сложные белковые структуры. А то состряпает какую-нибудь печеньку с ножками и успокоится на этом.

В нескольких шагах возникла женщина. Симпатичная. Но, к сожалению, одетая. Вот же целомудренная хрень! Мужчина вспомнил, что сам щеголяет нагишом, и залился густой краской.

Звонко смеясь, женщина забрала табличку и нарисовала штаны. Пояс обтянула приятная на ощупь ткань, скроенная точно по размеру. Как пить дать – лен. Только сразу мятый. Мужчина вместо благодарности почувствовал прилив гордыни и отнял у женщины стилус, чтобы сделать себе одежду самостоятельно. В руки опустился спортивный костюм из лютой синтетики на два размера больше.

Вот как они это делают?

Не поступаясь принципами, мужчина снял штаны – чего она уже там не видела – и натянул стрейчевый балахон. Пусть и нелепый, зато свой.

Женщина, фыркнув, развернулась и ушла ко второму острову, который выплывал из небытия прямо на глазах. А помогли ей в этом лист бумаги и ручка! Пока мужчина переодевался, она успела нарисовать себе средства к существованию – какие сама хотела, а не что получится.

Ее островок выглядел куда живописнее. К уже знакомому пейзажу добавилась переливчатая гладь реки, а траву усыпали разноцветные бутоны цветов, чьи названия мужчина, при всей своей эрудиции, не знал.

Жить в пряничном домике не очень удобно: его запросто может смыть дождем. Поэтому женщина не поленилась и в деталях обозначила каждое бревно, получив приличную избушку. Ну точно баба-яга. Ведьма!

Мужчина украдкой приделал к хижине курьи ножки, с восторгом наблюдая, как домик поднимается с земли. Сначала неуверенно, кренясь на левый бок, но с каждой секундой осваивая непростое бремя своего биологического вида. Женщина, если и обиделась, виду не подала. Все так же улыбаясь, она обнесла островок высоким забором, который мешал визуализировать фантазии о ее быте.

Удивительно. Всего через пару минут существования устроить радикальную эммансипацию на ровном месте. Надо было создать мужика и ящик темного нефильтрованного. Сидели бы себе, потягивали варево в два горла, а не это всё.

Лучше просто ее игнорировать. У самого поле непаханое. Да и в животе урчит.

Мужчина изобразил яблоко. Почему именно его – сложно сказать. Возможно, подсознательно вспомнил Адама и Еву. Так, ребро на месте. Уже хорошо. Впившись зубами в румяную кожу, мужчина почувствовал наплыв сладкого сока и дурацкие семечки. Ну почему

у него все получается с изъязном? Наверное, и трость бы на первом шаге сломалась. Но теперь уже не важно, ведь оба экземпляра стали частью пряничного домика.

Забор надежно скрывал островок женщины. О происходящем за его кольцом можно было догадываться только по странным звукам. То петух раскукарекает, то собака залает, то кот замурлычет. А сейчас что, простонал осел?

Любопытство взяло верх. Как теперь жить, не зная, что там у соседки?

Мужчина принялся рисовать стремянку. Сначала проведем две параллельные прямые, а теперь нарежем их короткими переключками. Глина уже потихоньку твердела, и получалось криво. Может, сначала сделать свежую табличку? Рука на секунду остановилась. Неловкие линии втянулись, и на землю упали ручка и блокнот.

Он же рисовал совсем другое!

Ладно, чего обижаться. Получилось даже лучше, чем он предполагал.

Новая попытка изобразить стремянку далась легче, и уже через минуту мужчина крепко обхватил руками деревянную лесенку. До забора вроде было недалеко, но постоянно изгибающаяся ноша увеличила ощущаемое расстояние вдвое.

Длина получилась идеальной. Стремянка шла почти до самого верха, но совсем чуть-чуть не доставала. Может, его даже не заметят.

На первой же ступеньке стало страшно.

Откуда у мужчины всего пары часов от роду акрофобия? И почему он вообще знает это слово, хотя книжек в глаза не видел?

Стремянка прогнулась лукавой ухмылкой. А ведь ползти вверх метров десять, не меньше. Стоило нарисовать более совершенное устройство, но мужчина боялся, что сложная инженерная конструкция сразу же развалится. Все-таки он не технарь.

Для успокоения молодой человек стал представлять, что же может быть за забором. Пока что на ум приходили только бременские музыканты. Непонятно почему. Воображение живо подкинуло образы певучих животных, а вместе с ними...

Оступившись, мужчина обнял стремянку. Она себе и Трубадура сделала?

С удвоенной силой полез он вверх, уже не реагируя на покачивания низкокачественной древесины. Острые колышки становились ближе, и вот наконец взгляд перемахнул через стену непонимания.

На островке не было никаких музыкантов. И мужики не нежились под ласковым солнцем (кстати, надо сделать свое, отдельное).

Мужчина вообще ничего не мог увидеть, потому что обзор пергородило недовольное лицо женщины. Она крепко стояла на сверхплотном облаке и молча пилила взглядом.

Понятно. Тоже не технарь, но воображение побогаче.

Достав блокнот из кармана, молодой человек принялся за новый рисунок. Женщина скрестила руки на груди, ожидая, как теперь облагается ее создатель.

На ум пришла удивительная пошлость, и мужчина протянул женщине алюю розу. Почему-то ему казалось, что в женском мире это приравнивается к белому флагу. Красивое лицо изучающе нахмурилось. Смело проведя пальцами по шипам – все равно не уколят, женщина отплыла в сторону и указала на целую клумбу таких же цветков. Только они не завянут через пару дней.

Мужчина вырвал лист и, скомкав его, бросил вниз. Ручка снова заскользила по блокноту. Смутные закорючки начали складываться в откровенную картинку. Сходство было настолько вопиющим, что женщина быстро раскусила нахального ухажера и, недолго думая, толкнула стремянку.

Падать – неприятно. Еще хуже, если удариться суждено спиной. Так может и паралич хватить.

Копья забора стремительно выросли, снова закрывая островок посреди пустоши. Через считанные секунды состоится контакт почвы с хребтом. Еще немного – и...

Мужчина отскочил от покрытия. Земля превратилась в батут и отфутболила неуклюжую тушку. Похоже, здесь нельзя умереть. Оно и к лучшему. Вот эта вредина удивится.

Увы, красивый полет не задался. Удар вышел недостаточно упругим, чтобы отскочить вверх как следует. Зато блокнот остался в руках, и можно продолжать партию.

Мужчина вычертил набросок карты, и между островками выросло целое поле, значительно отодвинув владения друг от друга. Забор даже не дрогнул. Но за ним раскинулся ветвистой кроной замок. Фасеточная черепица отражала солнце, мерцая, как диско-шар. Постройка выглядела крайне вызывающе, так и подначивая: «Захвати меня».

Что ж, сама напросилась.

Где замок, там и армия.

Осаду проще было бы проводить катапультами, но после падения мужчина зарекся пользоваться даже простейшими конструкциями. Люди давались ему лучше. Из-под ручки выскочила пехота с мечами и луками. Рисунок был схематичным, поэтому солдаты получились тупыми. Что могло бы сделать полководца счастливее?

– В атаку! – закричал мужчина и на всякий случай указал направление.

Мечники двинулись первыми. С удивительной легкостью они пересекли поле, не встретив сопротивления, и принялись рубить забор на части. То и дело из шеренг раздавался мат на латыни. Наверное, потому что мужчина, рисуя, представлял древнеримский легион.

Лучники, не получив приказа, встрепенулись и натянули тетивы, все как один.

– Пли! – донеслось откуда-то сверху, и град стрел пронзил мечников, не оставив никого в живых.

Крови не было. Просто резиновые манекены легли спать. Тысячи манекенов, которые только что в исступлении рубили деревяшки, словно заклятых врагов. А лучники – вообще исчезли.

– Чего ты хочешь? – спросила женщина.

Мужчина резко обернулся. Соседка по острову стояла за спиной.

– Не знаю, – ответил он честно.

В ее взгляде показалось разочарование вперемешку с жалостью.

– Вы совсем другие. – Женщина покачала головой.

– А что, лучше быть, как вы?

– Может, и лучше. Посмотри, что ты наделал. За несколько часов существования собрал целую армию и послал умирать. Ради чего, скажи?

– Ради тебя. – Мужчина захрипел от неожиданности.

– Неправда, – отрезала женщина. – Ты нарисовал меня со скуки. Авось перепадет от тряпичной куклы.

– Ты не кукла, – промямлил молодой человек.

– Какое огорчение, правда? Лишь бы кого-то завоевать, лишь бы подавить.

– Ты вообще кто такая? – рассердился мужчина.

– А ты кто такой? – Женщина выдержала паузу в ожидании ответа. – Даже имени своего не знаешь.

– Я просто появился, – вздохнул молодой человек, садясь на корточки.

Спортивный костюм придал этому действию комичности, и женщина улыбнулась.

– Удивительно, да? – Она присела рядом, вглядываясь в своего создателя. – Ты знаешь много всего, но не можешь вспомнить, откуда.

– Да, – ответил мужчина с надеждой.

– Жаль. – Женщина поднялась и отошла в сторону. – А я всё помню.

Мужчина посмотрел на нее вопросительно.

– Нет уж, давай сам.

Красивая соседка зашагала прочь. Трава под ней таяла, оборачиваясь белоснежной пустотой. Замок вдалеке потерял очертания и сполз бесформенной кучей на землю. Забор втянулся, словно когти на кошачьей лапе. Мир сворачивался, возвращаясь к первозданной чистоте.

Настоящий ли он?

Мужчина изо всех сил напряг память, но до пробуждения в пещере ее просто не существовало. При виде удаляющейся женщины его захлестнула печаль – такая же бесформенная, как и замок. Чувство есть, а причин нет.

И только два пути.

Смириться или догнать.

Смириться – или догнать...

Ольга Илясова ЧЕРЕПАХИ НАВОДНЕНИЯ

Египтяне помещали двух черепах в знаке Весов – измерителя наводнений. Это обозначало точное время в году в фиксированном Зодиаке, когда вода поднималась выше всего, а затем вновь начинала спадать и вновь покачивалась земля. Это были две черепахи наводнения.

Дж. Массей, «Типология потопа и ковчега»

Они сказали, что это я накликнул беду. Что я виноват в том, что произошло.

Они сказали, что моя вина слишком велика, и нельзя позволить мне жить дальше. Что мое место – среди тех подношений, которые наш господин, великий фараон, предложит Осирису по ту сторону бытия.

Поэтому я здесь.

Сейчас тут очень тихо. Все входы в пирамиду уже замурованы.

Я перестал слышать стук инструментов, скрип камней, шорох песка и голоса. Вокруг абсолютная тишина. Я пригасил все факелы, кроме одного, чтобы мне хватило воздуха подольше. Темнота подступает со всех сторон, медленно и неотвратимо, как прилив.

Может быть, в конце концов я этого не выдержу и снова зажгу факелы, все, какие найду. Свет разольется вокруг, благословенный, как еще один вдох. И я снова увижу великолепную роспись, струящуюся по стенам: текущие реки, зеленые стебли папируса, юрких рыб в воде и свободных птиц в синем небе...

Увижу задвинутый неподъемным камнем вход в соседнюю камеру, где лежат мертвые рабы, украшенные цветными лентами и цветами лотоса.

И мерцающий золотом и драгоценными камнями массивный саркофаг в центре зала...

А может, нет. Возможно, воздух закончится внезапно, и следующим, что я увижу, станут шакальи глаза стража Страны мертвых – Анубиса. Но я не боюсь молчаливого проводника. Я дам ему руку не дрогнув, потому что мне нечего стыдиться.

Что бы они все ни говорили.

Хорошо, что здесь сколько угодно папируса. Конечно, я не успею исписать его весь, но мне и не нужно. Я только обязательно должен рассказать о том, что даже сейчас не дает мне покоя. От чего мое сердце горит жарче этого единственного оставшегося факела.

Я напишу. А потом уже... пусть.

* * *

Мое имя – Сирофан. Я был младшим жрецом Осириса в главном столичном храме. Мои обязанности начинались с восходом солнца и заканчивались на закате. Дел было много – и во время богослужений, и в больнице, и по хозяйству. Кроме того, приходилось много учиться. Я, как и все наши жрецы, изучал лекарское дело и по мере сил помогал свету и порядку в их вечной борьбе с тьмой и хаосом болезней, насылаемых злыми духами.

Я хорошо справлялся со всем, что мне поручали. Но было кое-что еще. Иногда, ночами, когда Ладья светлого Ра достигала середины своего пути в подземном мире, я видел особенные сны. Такие, которые вскоре сбывались. Мой старый наставник велел не болтать об этом и считать их благословением Осириса.

Я подчинился ему и никому ничего не рассказывал. Да и предсказания в снах были не то чтобы очень важными. Не такими, которые решают судьбы государств или правящих семей. Но все же они помогли кое в чем. Однажды я увидел во сне, какая именно змея укусила мальчика, принесенного на следующее утро в больницу едва живым. Я вскочил до рассвета и бросился готовить нужное противоядие. Хвала Осирису, я успел вовремя. В другой раз удалось предотвратить падеж скота из-за подпорченного корма. И еще – укрепить крышу в школе, которую незаметно размыло во время дождей, и она могла провалиться.

Я помалкивал и тайне благодарил силы порядка за дар.

Но благословения богов иногда ничем не отличаются от проклятий.

Однажды я увидел ужасный сон. На небо заползали Черепахи Наводнения. Раньше я не видел их, но откуда-то знал, что сейчас они не такие, как обычно. Их глаза светились жутким красным огнем, словно обжигающие угли. У них были такие огромные и острые когти, что они ранили тело богини неба Нут, и она стонала, когда черепахи оставляли на нем дыры-следы. Из этих длинных разрывов тянуло пустотой и холодом, как будто Черепахи Наводнения нарушили грань между нашим миром, где правит закон Ра и потусторонней бездной, полной зла и хаоса.

Под утро я проснулся от собственного крика. Я словно обезумел. Бросился на площадь Храма и начал кричать, что нынешний разлив Нила будет ужасен и внезапен, что надо сделать что-то, пока он не начался: увести людей, скот, попытаться сохранить вещи, хоть что-нибудь... Скорее, немедленно, прямо сейчас!

А небо было таким синим и спокойным, ветер таким теплым и ласковым...

Не знаю, почему меня не задержали стражи храма. Говорили, что мой вид был устрашающим. Может быть, и так. А может, им не захотелось связываться с тем, кого они посчитали сумасшедшим.

Выбежав с территории храма, я понесся по улицам, рассказывая о своем сне с жуткими Черепахами и призывая людей спасти себя и свое добро, пока не стало слишком поздно. Я был словно взбесившаяся чайка, упавшая в неторопливую, мирную реку размеренного, деловитого городского дня.

Я плохо помню, как закончился мой беспорядочный бег. Люди посмеивались, качали головами, потом шарахались в стороны, когда я начинал хватать их за одежду, умоляя и требуя, чтобы меня выслушали. Помнится, кто-то двинул кулаком мне в лицо и в глазах потемнело.

Я снова начал ясно соображать уже в храмовой тюрьме. Там было окно, высоко в глинобитной стене. За ним виднелся кусочек ночного неба. По небу взбиралось созвездие Черепах. Один вид этих звезд, столь привычный и безобидный, на сей раз показался мне невыносимым. Как будто я слышал, как огромные черные когти скользят по беззащитной плоти неба.

Я сел в углу, сжавшись в комок, и закрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло времени. Кажется, я задремал. И проснулся от шума снаружи. Кричали люди. Что-то ломалось и падало. Фоном слышался странный шипящий звук и грозный нарастающий гул.

Я заколотил в дверь, громко призывая охранников. Мне никто не ответил.

Внезапно стена обвалилась внутрь – на нее рухнул ствол огромной пальмы, которая росла во дворе храма, сколько я себя помню. Я легко отделался – куски стены меня едва задели, только ободрав ногу. Я кое-как замотал рану подобием бинта, оторванным от длинного жреческого подола, и поковылял наружу.

О Великий Осирис! Даже если бы мне было суждено прожить до глубокой старости, я никогда не сумел бы забыть то, что увидел.

Ливень обрушивался на город стеной. Сверкали молнии. Потоки воды неслись по улицам, постепенно заливая пороги и поднимаясь к окнам.

Вокруг царил паника. Напротив храма несколько человек вытаскивали лодку, другие тут же попытались ее отнять. Тут и там вспыхивали драки. Я пошел вверх по улице, кое-где мне на глаза попадались тела погибших. Наводнение и разрушения только-только

начали наступать эти кварталы. На телах были раны, но, боюсь, не по вине стихии. Тогда еще нет.

Мои воспоминания довольно обрывочны. Я был на этих постепенно затопляемых потоками воды улицах много часов, помогая тут и там, возвращая к жизни нахлебавшихся воды, обрабатывая и перевязывая раны.

Дома загорались от молний и пылали над прибывающей черной водой, словно факелы. Ливень не мог полностью потушить пламя, оно шипело и злилось, нехотя отступая и пожирая внутренности домов.

Облака пара, дождевых капель и пепла превращали воздух в густую смесь, которой почти невозможно было дышать.

Нил протягивал свои бесчисленные черные руки все дальше и дальше, словно и не думая когда-нибудь остановиться. Мертвые тела вместе с обломками строений и деревьев плыли между плотами и лодками, и люди отталкивали их веслами, чтобы продвигаться дальше. Хотя я видел в воде и тех, кто еще был жив. Они были беззащитны в водоворотах бесчисленных щепок и обломков, каждый из которых мог легко искалечить их тела. Невозможно было спасти всех.

Я помню, как страшно кричал человек на полузатопленной крыше маленькой хижины, придавленный упавшим деревом. Он умолял не трогать его, когда мы бросились ему помочь. Он понимал, что дерево его прикончило, и хотел, чтобы мы дали прибывающей воде убить его – или справились бы с этим сами. Подобранный мной нож положил конец его страданиям.

Я помню, как упал с лодки мой знакомый продавец сандалий. Я схватил его за руку, выставленную из воды, и дернул вверх. Внезапно его лицо стало донельзя изумленным, а потом исчезло в волнах. Его рука осталась в моей, откушенная до локтя, волны вдруг окрасились кровью, а прямо передо мной из воды появилась пасть крокодила. Яростная сила потока вынесла его из реки на улицу. Тут же на чудовище рухнул огромный каменный обломок стены – и я услышал жуткий треск его ломающегося черепа.

Я помню крики, плач, смерть в десятках и сотнях лиц и обличий...

Если бы фараон услышал мое предупреждение, может, он не стал бы проводить тот вечер в своем доме для отдыха на нильском острове...

Может, и он, и его молодая жена сейчас были бы живы.

Через несколько дней, когда вода спала и мертвых похоронили, за мной пришла стража. Они вспомнили, как я, словно безумный, метался по городу, выкрикивая страшные пророчества. И решили,

что это я призвал несчастье. Они назвали меня колдуном и страшным преступником.

На суде в храме меня приговорили к смерти. Мне угрожали непреклонностью Анубиса и неподкупной справедливостью суда Осириса в загробном мире.

Жены, потерявшие мужей, мужа, потерявшие жен, осиротевшие дети и родители, лишившиеся чад, – кажется, весь город явился посмотреть, как меня ведут к пирамиде, чтобы принести в жертву. Чтобы выкрикнуть проклятие, дотронуться до последнего камня, замурававшего вход, убедиться, что высшая справедливость осуществится.

Я не боюсь Анубиса. Что мне верный, беспристрастный и спокойный служитель смерти после всего, что я видел в эти дни... А Великому Судье я могу смело посмотреть в глаза. Я не боюсь его суда, если только он и правда справедлив.

Я только хочу спросить его...

Великий и благой Осирис, отец и покровитель всех людей, подаривший миру свет закона-Ра... Кто такие эти ужасные Черепахи, если ты не смог защитить от них людей? И правда ли не смог? Или... не захотел?

А если ты дал мне этот сон как предупреждение, если это действительно было твое благословение, то почему ты не сделал так, чтобы меня поняли? И что я сделал не так? Услышали бы меня, если бы я говорил спокойнее? Убедительнее? И был ли я тогда на это способен?

У меня много вопросов к тебе, отец. Важных вопросов. Без ответов на них я никогда не найду покоя, что бы ни решил твой суд. И может быть, в своей великой милости ты удостоишь меня ответами...

Факел догорает. А мне стало немного легче. Я сверну этот свиток и положу за пазуху. И если, когда я предстану перед твоим лицом, у меня сядет голос от волнения, я просто передам этот свиток тебе, и ты прочитаешь всё сам.

Теперь я пойду и зажгу все факелы, как и собирался. Я буду смотреть на птиц и рыб, и людей у берега, нарисованных на стенах. А потом я усну. До скорой встречи, мой господин.

Weiss Toeden ДРАКОН И ЕГО ЛАПЫ

Эххедр был стар и мудр. Десятки воплощений научили его высшей добродетели – терпению, чем не могли похвастаться его младшие приятели. Юные драконы, считая прихоти судьбы нелепыми, частенько пытались бунтовать. Их правда: драконам явно не место было не то что в нынешнем слое реальности – а на всей этой маленькой грязной планете в целом. Однако Эххедр только прижмуривался с ленивой полуулыбкой, слыша их возмущения в вечернем голосовом чате. Он вообще считал главными достижениями своего нынешнего воплощения две способности: в любой ситуации улыбаться и удерживать в лапе чашку, рассчитанную на людскую конечность.

Сложно сказать, что из этого далось ему труднее, но Эххедр всегда был упорен. Точнее, он помнил, что славился упорством дома, среди своих. Теперь ему оставалось лишь укреплять свою чашку воспоминаниями. Сильный, крепкий, в меру изящный небесный танцор. Таким он родился, таким останется во всех воплощениях. Пусть сейчас он летает лишь по ночам, пользуясь мистическими возможностями сна, пусть Стаю разметало по миру, но Эххедр навсегда останется собой.

Но даже он, бывало, тосковал по прежним возможностям.

Когда-то одним ударом хвоста Эххедр мог перешибить вековую сосну. Грозный, как буря, он налетал на стада быков, добывая себе ужин: одного изловит, десяток перепугает до смерти. Так он развлекался. Играла в жилах кровь, раскаляя гортань, отчего пламя рвалось из глотки, поджигало степи, взлетало в небеса... Быть может, в этом всё дело? Видно, в той, настоящей жизни он слишком собой величался. О боги, боги, за какую вину безмерную вы сослали Эххедра сюда? Драконьи лапы годятся крошить скалы, задирать дичь – им нет равных в охоте. Но чашка?

Эххедр отодвинул клавиатуру, сосредоточив все свое умение на хрупком сосуде, что стоял перед ним на столе. Горячая жидкость, которую пьют люди, так и манила ароматом – уж в чем-чем, а во вкусе лысым карликам не откажешь.

Сейчас, сейчас. Он сильный, изящный, он справится.

Эххедр еще раз повторил про себя порядок действий, который сочинил для себя сам путем проб и болезненных ошибок. Следовало подцепить чашку четырехпалой конечностью, запустив когти и фаланги в кольцевидную ручку. Теперь можно приближать чашку к

себе, подстраховывая сбоку второй лапой. Если начинает выскальживать – тут свой прием: вывернуть лапу так, чтобы вес ложился на запястье, не на пальцы.

А вот если даже так не удержать, то...

А-а! Горячо!

Кипяток мгновенно пропитал толстовку, протек сквозь штаны, впиваясь в кожу, а снять их – никак, руки не тянутся так далеко. Но все же она, поскуливая, кое-как задрала толстовку, потом футболку под ней, и все равно живот продолжало печь, ноги вообще, походу, сварились. С жалостью и ненавистью она стала дуть на обожженную кожу, шмыгая носом от обиды, ахая, царапая непослушными пальцами резинку штанов, пытаясь избавиться от пропитанной кипятком ткани. Чашка валялась где-то у ног, если, конечно, уцелела. Монитор ушел в спячку как ни в чем не бывало, и в отражении на темном экране она увидела себя: тонкую, словно выжатую, с асимметричным лицом. Она перевела взгляд на живот, где кожа покраснела, снова всхлипнула, помотала головой, откидывая с лица короткие волосы. Глубоко вздохнула, прислонившись к спинке коляски – мягкий комочек тепла в стальном гнезде, влажные глаза, дыхание сквозь ноздри – всё это она как есть, только ошалелая немного, будто разбудили среди ночи.

Затем раздался голос, которого она ждала с первого мига происшествия.

– Что, раскокала кружку, да? Довольна? Подождала бы пять минут, я бы напоила. Нет, надо самостоятельность свою показывать. Ну, чего молчишь? – добавил голос, а затем окликнул, произнеся имя.

Нелепое человеческое имя.

Ее имя.

Михаил Ямской ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, ЗЕМЛЯ

– Еще чего! – Ацшот хитро ухмыльнулся. – Расскажу, а потом?

– Ну как... – замылся Насхар, восхищенно разглядывая изящные контуры полупрозрачной золотистой раковины. – Поплывем всей группой, наберем каждому...

– Нет уж! Место знаю я один, значит, все мое, понял? По одной тебе, Кетсану и Махарте – они уже согласились. Будете нырять, а наберете много, дам по две. Идет?

– Зачем тебе столько одному? Они же все одинаковые!

– Алайке ожерелье сделаю, подарю. Девчонки падки на украшения, а тут такое – ни у кого больше нет! И вообще, мало ли кому... люди обожают подарки.

– Ладно, – пожал плечами приятель. – Когда идем?

– Ночью, чтоб никто не видел. Сегодня Куа по спальням дежурит, он не выдаст, ему тоже дам...

– Увуа-жаемый воспитанник Гор-Ацшот... – Из кустов выглянуло круглое зеленовато-бледное лицо с выпученными глазами.

– А вот и он... Держи, Куа! У вас небось таких не водится.

Помощник учителя поймал брошенную раковину длинной костлявой рукой.

– Не водится, – подтвердил он, широко растянув безгубый рот в вежливой улыбке. Практикант работал недавно и еще не избавился от акцента. Он строго выпрямился и начал снова: – Увуа-жаемый воспитанник Гор-Ацшот, вас пруосит к себе Наставник. Сруочно!

Приятель тревожно переглянулись.

Тот день решил судьбу Ацшота. Редкие раковины так и остались на морской отмели. Что поделаешь: дарами свыше не бросаются. От короткого перелета в столицу сохранились в памяти лишь гигантский красно-белый конус маяка, обвитый спиралью террас, блики медных рельефов на древних стенах Посейдониса да разноцветные огоньки флаеров в ночном небе. Затем – долгие месяцы учебы: языки, экономика, финансы...

Мальчик глянул на золоченый помост, где Владыка в официальной пурпурной накидке заканчивал речь:

– ...никогда не вернетесь на родину, но ваш героический труд во имя прогресса братской планеты не будет забыт, а бесценный дар может добиться успеха в жизни и стать во главе...

Когда цепочка воспитанников взошла по трапу и исчезла в недрах примитивного парусного кораблика, стоявшего в глубоком бассейне,

начался отсчет. Зал наполнился вибрирующим гулом, дуги мощных кольцевых магнитов заискрились фиолетовыми разрядами. Провожающие на балконах прикрыли ладонями заплаканные глаза.

Вспышка!

Корабль растаял, исчезла и вода. Теперь он качался на волнах чужого океана. В другом мире, хоть и где-то совсем рядом.

Куа-Уатль, зеленокожий практикант с Сириуса, издал долгий булькающий вздох.

– Жалко Гор-Ацшота. Он такой... весуолоый. Нет, я понимаю, деньги – зло...

– Да, и коварное, – кивнул Наставник, открывая дверцу флаера. – Эйфория, взрывной рост, а затем помутнение душ, разложение и гибель цивилизации. Мы столько раз это наблюдали... А опаснее всего дар делать из денег деньги. Сперва мутантов убивали, теперь... вот так.

– А они не найдут доруогу назад?

– Первые сумели... Мы тогда не сразу спохватились, пришлось действовать грубо. Теперь им труднее, океан большой. Вы же изучали нашу историю – помните, что случилось с Атлантидой-два?

ОТТОЧЕННОЕ СЕРЕБРО ДОБРА

– Ну ба-абушка, ну пожалуйста! – ныл Витька, умоляюще сложив ладони. – Такая вещь – наши лопнут от зависти!

Портфель и правда был зачетный: тисненая кожа с серебряными уголками, ручка из красного дерева на медных петлях и такой же солидный медный замок. Антиквариат! Когда Витька откопал его на антресолях, родители были только рады не тратиться к учебному году, но бабушка все хмурилась.

– Ладно, – махнула она рукой после долгих уговоров, – так и быть. Все одно стащишь потихоньку, знаю я тебя, сорванца.

Когда внук уже улегся, а бабушка раскладывала на столе под лампой гадальные карты – так повелось еще с тех пор как Витька требовал на ночь сказку, – она была странно молчалива, а потом вздохнула:

– Когда деда забирали, я ему в портфель белье сложила... так все и вернули.

Витька с интересом приподнялся. Той истории бабушка избегала – вдруг сегодня расскажет? Но она лишь снова вздохнула, глядя на собранный с вечера портфель:

– Давай хоть вышью изнутри... на счастье. Руны, что ль, какие. Деду не помогло, так, может, хоть тебе...

А теперь Витька, цепенея от ужаса, стоял посреди класса и смотрел в глаза Лёньке по прозвищу Сатана. Сердце стучало в висках, заглушая визг девчонок, а в голове всё звенели истеричные Лёнькины вопли: «Котики! Бабочки-цветочки! Пи-да-рас! Пи-да-рас!»

Трое «шестерок» Сатаны пятились, испуганно скалясь. Остальные жались к стенам, онемев от страха.

Что теперь – суд, колония?

Лёнькины глаза то закрывались, то вновь щурились искоса: его бритая голова с татуировкой на виске откатилась в сторону и лежала на боку. Кровь толчками хлестала из разрубленной шеи, растекаясь вокруг упавшего тела. Наконец, глаза закрылись совсем. В воздухе повеяло сортирной вонью, и Витьку едва не стошнило.

Как могло такое выйти? Он же целил в лицо и не острым углом, а плашмя. Он не хотел! Не хотел!!!

Его рука все еще до боли сжимала ручку портфеля. Тот свисал на откинутой крышке, и бабушкины феечки на бархатной подкладке будто насмеялись, порхая среди бабочек над цветами.

Веселые краски мерцали, расплываясь в набухших слезами глазах... и вдруг взорвались ослепительной вспышкой, заставив зажмуриться.

– Да уж, портфельчик что надо, – произнес кто-то с завистью. – В реале винтаж!

Витька открыл глаза. Ребята столпились вокруг, разглядывая старинную вещь.

Когда они успели подойти?

Он глянул на подкладку и обомлел: бархат был черен и пуст, как вчера. Труп под ногами исчез, голова и кровь – тоже.

– А... а где... Сатана? – заикаясь, выдавил он из себя.

– Опять идиотские клички! – буркнула вошедшая в класс химоза. – Леонид у нас больше не учится, его перевели в... другую школу.

Дома Витька ничего говорить не стал – да и как расскажешь такое? Только вечером, когда бабушка уже сгребала со стола карты, неожиданно для себя выпалил:

– Знаешь, ты это... вышей, как хотела. Ну, руны там... Только серьезное что-нибудь, не девчачье, ладно?

Бабушка изумленно выгнула брови, посмотрела на портфель. Потом усмехнулась уголком рта.

– Хорошо, внучек, сделаю. Спи спокойно.

Павел Жуков ИДЕАЛЬНАЯ НАЖИВКА

Он был чертовски хорош собой. Высокий, эффектный блондин с голубыми глазами и белоснежной обезоруживающей улыбкой, общительный и уверенный в себе – такому успех у девушек обеспечен. Он всегда им нравился, и они постоянно вешались ему на шею: красотки и не очень, высокие и низенькие, стройные и полненькие. Приходилось соответствовать, подыгрывать, ведь он идеальный парень, которого все хотят. Ровесники мечтали быть как он, а он мечтал об ином, совсем ином.

Ближе к вечеру, когда поток людей, идущих из университета, немного ослаб, он вышел из подземки. Толпа, даже поредевшая, его раздражала, как раздражали и вездесущие дроны в небе, глазки камер видеонаблюдения, настырные полицейские и охранники в супермаркетах, бизнес-центрах и метро – все, кто вторгался в его личное пространство. Он похлопал по нагрудному карману дорогой кожаной куртки – просто проверил, что его талисман при нем – и пошел в сторону главного корпуса. По пути он купил два стаканчика кофе и булочки, надкусил одну и, смакуя, сделал глоток. Настроение улучшилось. Возникло желание прикупить еще и букетик цветов, однако, едва завидев уличного торговца, который раскладывал товар с помощью дешевых бионических протезов, лишь отдаленно напоминающих руки, он брезгливо отвернулся и прошел мимо. Металл и пластик всё портят, всё делают хуже.

Идущие навстречу девушки поглядывали на него с интересом, останавливались, бросали через плечо красноречивые взгляды. Он тоже не оставался в долгу, однако не заходил далеко в своем флирте, тянул время, выбирал.

Когда статная брюнетка задела его локтем и, извиняясь, осторожно коснулась его ладони тонкими ухоженными пальчиками, он с улыбкой кивнул и пошел дальше, оставив девушку в недоумении. Она была хороша, но он понимал, что не хочет ее сегодня.

Девчушка за столиком в кафе озорно и нагло подмигнула ему, но он лишь мимоходом показал ей язык – слишком бойкая, не сегодня.

Серая мышка в больших круглых очках, с рюкзачком и мольбертом в черном чехле, привлекла его взгляд. Он улыбнулся ей, и она, как и полагалось скромнице, покраснела и отвела взгляд, а миг спустя светловолосый красавчик уже шел дальше и не оборачивался. Может, передумал, а может, его оттолкнула тонкая серебристая полоска нейроразъема на ее шее.

Худенькая девушка с пышными волосами до плеч курила, сидя на скамейке близ университетской площади. Она перехватила его взгляд, смотрела прямо и с вызовом. Ему это понравилось, так что он смело подошел и представился, попросил сигаретку, угостил ее кофе – все шло как по маслу. Девушка оказалась местной, училась на вечернем отделении.

– У тебя еще будут занятия сегодня? – спросил он.

– Неа, – покачала она головой. – Последнюю пару отменили, так что я свободна. А что, есть предложения?

– Я живу неподалеку, уютная квартирка, отличный вид на закат, есть немного вина...

– Эй, а ты не слишком торопишься, белобрысый?

Он скрыл свое раздражения за маской радушия и ответил, хорошо понимая, о чем говорит:

– Жизнь коротка.

– Так себе довод! – отмахнулась она, грозно сверкнув на него карими глазами.

– А как тебе такой довод? Смотри. – Он расстегнул карман и выудил дивной красоты кулон на золотой цепочке: две сказочные птицы кружились в танце, сплетаясь крыльями и подмигивая изумрудными глазками. – Классная штука, только мне в ней нет нужды. Вот я и решил подарить ее самой красивой девушке, какую сегодня встречу.

Она смотрела на кулон долго, оценивающе, и он уже решил, что она примет подарок, когда девушка фыркнула и плеснула остатки своего кофе ему в лицо.

– Придурок, – припечатала она и, щелчком отправив сигарету в полет, ушла прочь.

Он не глядел ей вслед, просто стоял и методично обтирался бумажными салфетками. Он сдержал ярость, сдавил ее тисками железной воли, загнал в самый угол сознания – туда, где она могла подождать своего часа.

Уже уходя с площади, он заметил другую девушку. Странную и молчаливую, с усталым видом. Она медленно шла, глядя себе под ноги. Короткие светлые волосы были растрепаны. Не красавица, хотя личико ничего – чистенькое, гладкое. Грудь нет, но тоже не проблема. Ему приглянулись ее меланхолия и спокойствие. Его всегда завораживало, когда они были спокойны и сдержаны, так интересней разжигать пламя. Готовых на все что угодно он часто предпочитал не замечать.

– Привет! – сказал он, подходя к ней. – С учебы идешь?

– Гуляю, – ответила девушка.

– Вот и я люблю здесь вечером пройтись – красивое место. – Он неспешно шел рядом с ней.

– Ага.

Она смотрела искоса, боясь встретиться с ним взглядом. Явно стеснялась.

– Ты не против, если я тебе составлю компанию? – поинтересовался он. – Вечер такой хороший.

Она была не против. Она вообще оказалась простоватой, и он легко расположил ее к знакомству. При виде кулона она, конечно, деланно засмушалась, а потом приняла его подарок и тут же нацепила на шею. Он почти заскучал, однако интерес его не угас. В ней было так мало эмоций, и он был бы рад пробудить их, увидеть, как она преобразается в его руках. Это всегда его радовало.

Гуляли они недолго, он довел ее дворами до своей машины. Место удобное, укромное, мертвая зона без камер и дронов, откуда было несколько выездов. Впрочем, он не собирался раскатывать – попетлял немного по городу и выехал на набережную, ближе к докам, подальше от людных мест.

Он откинул кресло, потянул ее на себя, усаживая сверху. В лицо пахло дешевым дезодорантом, а ее шаловливые ручки уже заползли ему под рубашку. Удивительно, он почти увлекся ей, что было для него нехарактерно. А она медленно сползала все ниже, и пальцы ее уже вовсю боролись с пряжкой его ремня. Момент был идеальный. Он протянул правую руку под сиденье и достал иньектор, левой прижал девушке голову и быстро приставил устройство к тонкой шее. Раздался «пшик».

Аккуратно уложив бесчувственную девушку на пассажирское сиденье, он обыскал ее карманы, сумочку, осмотрел шею. Ничего, кроме мобильного. Ну и славно. Из бардачка он достал коробку с клеткой Фарадея и положил туда мобильник. Осталось лишь немного проехаться.

Когда блондиночка очнулась, он приветливо помахал ей рукой. И стал наблюдать, как она медленно приходит в себя, осознаёт, что крепко привязана к смотровому креслу, осматривает помещение, стол и разложенные на нем «игрушки». Он любил смаковать такие моменты, однако на этот раз не заметил на лице девушки ничего, кроме безразличия. Гнев лениво шевельнулся где-то в глубине его души. Но он опять сдержался, он действовал по плану.

– Я хотел позвать тебя в кино, – сказал он. – Но поскольку мы уже у меня, давай посмотрим что-нибудь из моей коллекции.

Она безучастно уставилась на него, и это начинало раздражать. Хуже того, его «кино» она смотрела с таким же равнодушием. Куклы на экране корчились, умоляли, кричали, храбрились и вновь впадали в отчаяние, медленно становясь сломанными игрушками в руках жестокого ребенка. А ей было все равно.

Его трясло, пришлось выйти из комнаты и закурить, а когда он вернулся, то в его руках уже был острый скальпель. Обычно он делал всё медленно, но на этот раз разрезал ее одежду торопливо, небрежно, а потом навис над ней, расстегивая брюки дрожащими руками.

Когда он закончил и отступил от нее, наслаждаясь пиком блаженства и легкой истомой, она смотрела на него все так же брезгливо, словно не над ней надругались, а над ним. Его удовольствия как не бывало.

– Не может тебе быть настолько плевать, – прошипел он, уже не сдерживая ярости. – Все они пытались держаться, но каждый раз я терпеливо дожидался момента, когда их заслоны падали. Я упорный, знаешь ли.

Она не ответила. Вообще не отреагировала. Ни испуга, ни брани, ни насмешки – вообще ничего. Поэтому он вернулся к скальпелю. Он не любил начинать именно с этого, но просто не мог сдержать себя. Она была в его власти и все же ухитрялась издеваться над ним.

За движением лезвия она наблюдала с каким-то спокойным интересом. Ее не впечатлила кровь, не впечатлила боль, и вскоре она просто отвернулась, как будто забыла о нем и его игрушках.

– Смотри на меня!

Он схватил ее за тонкую шею, грубо стиснул подбородок и повернул девушку лицом к себе. Она смотрела прямо, апатично, однако было в этом взгляде нечто такое... словно она его изучала. Он не выдержал – ударил ее по лицу. Он бил снова и снова, но без толку.

Его прервал мобильник – кто-то упрямо строчил ему сообщения. Странно, он ведь отключал звук.

– Передохни, – сказал он избитой жертве, направляясь к столу.

Мобильник перестал пищать только тогда, когда он взял его в руки и открыл мессенджер. Неизвестный номер упрямо вбрасывал ему ссылку на новостную ленту. Он нахмурился, но все же перешел по ссылке.

«Приговор по делу о серийной убийце Жанне Марти приведен в исполнение в минувший четверг. Жанна была приговорена к смертной казни за убийства шестерых молодых мужчин. Также подозревалась в еще восемнадцати нападениях и убийствах, которые следствию не удалось доказать. Тела многих жертв так и не были опознаны. Жанна провела в камере смертников полгода, ожидая исполнения приговора...»

Новость была старой, более чем месячной давности. Бессмыслица, если подумать. Разве что... Он перешел по ссылкам к новости о задержании маньячки и охнул. Поддерживаемая под руки двумя дюжими полицейскими, на него с фотографии угрюмо смотрела невы-

сокая блондинка с короткой стрижкой. Он повернулся к истекающей кровью жертве, потом снова к фотографии. Ему стало не по себе.

– Хороша моя кукла, – раздался голос. – Спокойная и послушная, не то что твои.

Он вытаращился на девушку. Говорила она, но голос был не ее, другой, безжизненный, механический. Она едва шевелила губами, словно имитировала речь.

– Ты кто?

– Кукловод. – Насмешка была столь очевидна, что даже металлический дребезг не мог ее скрыть.

– Она ведь... ты ведь... мертвая, – пробормотал он. – Бред какой-то!

– Я не мог допустить, чтобы такая милашка пропала зря. Типы вроде тебя легко клюют на нее. Ну прямо как девочки на твою побрякушку.

Он не выдержал, подскочил к девушке и вонзил скальпель ей в бок. Жертва дернулась едва-едва, он повернул лезвие в надежде, что мучительная боль заставит ее заткнуться. И почувствовал, как металл скребет о металл. В ужасе он вытянул скальпель из раны – там блестело ребро. Искусственное.

– Нет, нет! – Он отпрянул, бросив окровавленный инструмент на пол. – Не может быть, я же всегда... всегда так внимателен.

– Видимо, не всегда. – Губы ее исказила улыбка, кровавая слюна стекала по подбородку, капая на обнаженную грудь. – Все вы рано или поздно ошибаетесь.

– Замолчи! – Он накинулся на девушку и стал душить, изо всех сил сдавливая тонкую шею.

– Не ломай мою куклу, эй! – Голос стал тише, но по-прежнему досаждал своей механической монотонностью. – И так придется ее зашивать теперь!

– Я разберу твою куклу на запчасти, – пообещал он. – На мелкие кусочки разрежу.

– Ну, это вряд ли.

Удар в дверь вынудил его остановиться. С ужасом он понял свой просчет. Да, он отключил мобильник жертвы. Да, он знал, как выехать из доков незамеченным, как добраться до места своих утех, не привлекая внимания. Камеры и дроны не вездесущи, главное – знать нужные улочки. Только вот напичканную электроникой куклу спрятать очень сложно, даже если знать заранее.

Он отпустил девушку, бросился к столу и достал из ящика пистолет. Встал напротив двери, но второго удара не последовало – вместо этого что-то громко хлопнуло, и дверь просто упала внутрь. Он наугад выстрелил в проем, вспышки осветили высокую фигуру,

черную одежду – кожу и металл. Даже если он и попал в незваного гостя, тот не придавал этому значения. Первый удар, словно кувалдой, выбил у него из рук оружие. Второй выбил воздух из его легких. А затем его подняли и сильно приложили о бетонную стену.

– Приветик, – произнес незнакомец. – Попался, приятель. Как же долго я тебя искал.

Он еще пытался сопротивляться, трепыхался, как муха в объятиях паука, однако держали его поистине железной хваткой. Остаток сил он потратил на то, чтобы подавить стон, не дать себе расплакаться, однако покрасневшие глаза и дрожащие губы выдавали его позор с головой.

– И что теперь? – просипел он. – Сдашь меня полиции? Только учти...

– Тише, тише, дружок. – Синтезированный голос киборга был спокойным, даже дружелюбным. – Зачем нам полиция? Ты им не нужен, иначе тебя хотя бы искали, ну или твоих жертв, на худой конец.

– Все они отдавались за блестяшку на цепочке, – сказал он, пытаясь подпустить в голос храбрости, – хотя по многим из них сразу и не скажешь, что шлюхи. Полиция таких искать не станет.

Киборг пожал плечами.

– Полиция не станет, а родственники – да. Особенно преуспел один уважаемый человек, известный тип при деньгах и связях. Дочка у него была не подарок – это да. Но он ее любил, отец все-таки. Правда, он тоже решил, что полиции это дело поручать незачем. Так на сцене появился я. Жизнь – удивительный спектакль, не правда ли?

Он не верил своим ушам, не хотел верить. Ему стало дурно, тошнота подкатила к горлу. Мерзкая девка, мерзкий железный болван.

– И ты подослал ко мне эту... мерзость, – выдохнул он, стараясь не смотреть в горящие тусклым синим светом окуляры. – Сделал из человека наживку и насадил на крючок.

– Ой, да ладно, приятель, ты же сам так делал, ловил рыбок на блесну, – возмутился киборг. – К тому же «подослал» – слишком громко сказано. Когда мисс Марти попала ко мне, это была не более чем оболочка, и как бы я ни старался, но без оператора она практически бесполезна. Так что рядом с тобой все время был я. Прикольнo, а?

– Сделал из человека... куклу.

– Она, как и ты, давно уже отказалась от этой самой человечности, и моей заслуги тут нет. Я лишь довел процесс до логического конца.

В глубине комнаты нечто шевельнулось, и он нервно покосился в сторону смотрового кресла. Там изуродованная окровавленная

кукла изгибалась под неестественными углами, выворачиваясь из хватки кожаных ремней. Он привык к виду крови, к корчам извивающихся тел, однако вид безмолвной куклы, вырывающейся из его пут, привел его в ужас. Девушка спрыгнула на пол, неспешно приблизилась и провела ногтем по его щеке, оставив тонкую красную бороздку. В ранах куклы блестел окровавленный металл. В итоге его все-таки вырвало на пол.

– Пойдем, дружок, у меня не так много свободного времени.
– Киборг грубо швырнул его на пол, заломил руки и затянул на запястьях пластиковые наручники.

– Отец той девочки... – Он говорил едва слышно, прерываясь на хриплый кашель. – Он, наверное, хочет заполучить меня живьем, да? Я могу дать тебе денег, если ты...

– Не меряй всех по себе, парень, – перебили его. – Никто тебя и видеть-то не хочет. Нет, мы с тобой пойдем в мою кукольную мастерскую, откуда ты выйдешь преображенным и еще принесешь в этой жизни много пользы.

Он рванулся изо всех сил, осознав свою участь, но нелепая попытка к бегству закончилась падением на грязный пол. Две отвратительные машины стояли над ним и глядели мертвыми холодными глазами. От отчаяния он заплакал.

– И уж поверь, – продолжил механический голос, – я позабочусь, чтобы до самого последнего мига, когда угаснет твоя искаженная сущность, ты чувствовал всё: и жгучий холод металла, и грубый колючий пластик.

Он пытался кричать, однако вопль застрял в глотке. Когда кукла и кукловод потащили его по коридору, он тихонько завыл, но шаги тяжелых железных ступней и шорох одежды по шершавому бетону заглушили этот жалкий вой.

Артем Кельманов В ГОСТЯХ У БАБУШКИ

Хорошо летом у бабушки. Вот и смертёнок Смертюша на каникулы отправился в гости к бабушке Смерти. Жила она в чудесном холодном уютном доме, от которого у Смертюши пошли бы мурашки по коже, будь у него кожа. В огороде у бабушки росли самые настоящие будильники, отсчитывающие чье-то время. А еще была банька, куда бабушка ходила парить косточки.

Сама бабуля Смерть была восхитительно ужасна! Ее бледный вид, черный балахон и коса завораживали Смертюшу, а взгляд пустых и бездонных глазниц обволакивал вечным покоем.

С одной стороны дома до самого горизонта и дальше простиралось поле Судьбы, а с другой манил тайнами лес Перипетий. И там водились настоящие души – такие светящиеся, переливающиеся всеми цветами летучие шарики. Иногда души начинали темнеть – тогда вдруг звонил один из будильников, а бабушка спешила в поле или в лес, ловила их и уносила с собой, прятала в загадочном сундуке. Смертюша много раз заглядывал в тот сундук, но внутри всегда было пусто.

А еще были домашние души, которые очень любили играть с бабушкой Смертью. Все они рано или поздно оказывались в сундуке, потому что бабушка всегда выигрывала, но на их место неизменно прилетали новые.

Однажды Смертюша задумал поймать такую душу. Он основательно подготовился – взял сачок и банку. Долго он за ней бегал, а маленькая проворная душонка все не ловилась и не ловилась. Наконец Смертюша изловчился да и набросил сачок. Осторожно подставил банку и, когда душа залетела туда, накрыл банку крышкой. Синяя душа светила тускло, а внутри у нее ползали темные струйки и зеленые змейки. Смертюша зачарованно рассматривал душу, но тут, как всегда тихо и незаметно, за спиной возникла бабушка Смерть.

– Что же ты делаешь? Ему еще рано! – леденящим голосом прошипела она. Потом всмотрелась и добавила: – А, это алкоголик Семеныч. Ему кома даже на пользу пойдет. Засияет, вот увидишь. Молодец, внучек!

Оказалось, что за каждой душой скрывается целая жизнь.

С этого дня Смертюша тоже старался внимательно всматриваться в души. Правда, жизнью он за ними не видел, только светящиеся шарики, хотя бабуля, снисходительно клацая зубами, говорила, что обязательно получится.

Однажды Смертюша заприметил две души, которые всегда были вместе, и стал за ними наблюдать. Серо-буро-малиновая очень любила играть с бабушкой. Ярко-рыжая в это время ждала ее и всё как будто норовила вернуться на поле. Как-то раз бабуля поймала-таки игривую душонку и понесла к сундуку. Рыжая тут же начала темнеть. И тут у Смертюши всё получилось, он, наконец, увидел!

Настя очень любила Вову. И зачем он туда поехал? А там – лавина сошла. Настя больше не хочет жить.

«Тик-тик-тик», – услышал Смертюша последний отсчет.

– Бабушка, стой! – воскликнул он. – Отпусти, пусть душа летит!

Бабушка обернулась и посмотрела на внука:

– Раз ты просишь...

Ярко-малинового Вову нашли спасатели. Ярко-рыжая Настя носила ему супчики и подолгу плакала у него на груди, а он успокаивал: «Ну ты чего!»

Хорошо летом у бабушки.

Елизавета Ликийская ЭВРИДИКА

Тонкие руки плавно двигались в воздухе, правая поднесла тонкую сигарету к губам, левая щелкнула зажигалкой. Появился маленький огонек, прыгающий в разные стороны, прикоснулся к сигарете, зашипел и погас. Губы сжались в трубочку, отпустили сигарету, едва различимая струя дыма медленно потянулась в сторону открытого окна.

Если открыть окно шире, то можно высунуться из него, но только наполовину, а потом повиснуть на одной руке. Висеть там до тех пор, пока не заболят пальцы. А потом можно их разжать.

Густое и насыщенное небо постепенно покрывали облака. Белые и серые пятна проплывали быстрее, чем казалось обычно. Ей хотелось остаться в этом моменте. Вот так – просто стоять и смотреть на облака, которые, в той или иной мере, только портили вид утреннего неба.

За спиной послышалось шуршание и бормотание сонного человека. Зевок фальцетом, чавканье. Она больше не пугалась, ей больше не было любопытно, просто она ждала, когда это закончится. Затушила сигарету о подоконник и бросила окурки к остальным, в большую голубую коробку из-под сахара. Все ждала, когда же она наконец переполнится, но будто кто-то ночью специально отсыпал часть окурков и оставлял немного свободного пространства.

Комната сияла белизной. Белые стены, белый потолок, массивный белый шкаф, на прикроватной белой тумбе белая ваза с белой лилией. Из-под белого пухового одеяла показалось смуглое тело, голова с копной черных волос – на фоне всего этого белоснежного кошмара он был похож на кофе, пролитый на белую рубашку.

Девушка наблюдала за ним из дверного проема, ждала, когда он окончательно проснется. Или очнется? Наконец, пятно сбросило с себя одеяло, повернулось в ее сторону. Вот сейчас.

– Ты...

Хоть бы один начал разговор иначе. Так много способов скрасить утро. Еще лучше – молчание. Только в тишине можно наслаждаться дребезжанием чайной ложки о любимую чашку.

– Я раньше тебя видел, – сказал парень исел на край кровати.

– Знаю. – Уже не старалась скрыть безразличие.

Девушка прошла мимо него, в другой конец комнаты, к зеркалу с тонкой белой рамой. Собрала светлую волну волос с затылка, перевесила ее через плечо и принялась медленно заплетать в косу.

Парень встал с кровати и бережно застелил одеяло. Оказалось, он довольно высокого роста. Бывают и выше, но справедливости ради – чаще всего бывают ниже. Он был одет в широкие льняные штаны цвета слоновой кости, завязки на поясе нелепо болтались. Он едва слышно, почти невесомо ступал по холодному полу босыми ногами.

– Не смотри в зеркало, – сказала она, не отрывая глаз от своих волос.

Его не удивила просьба девушки, он остановился и перевел взгляд на ее щиколотки. Плавные линии, нежный изгиб. Повыше. Повыше. Шелковая сорочка цвета розового золота повторяла ее черты и двигалась в такт ее мягким движениям. Вдруг ее руки опустились, она повернулась к нему. Молочная кожа, большие губы, глаза цвета яшмы. Да, именно такой он ее видел. Всегда видел.

Она прошла мимо него, но было ощущение, будто пролетела в пространстве. Мелькнула.

– Тебе не стоило заправлять постель, – только лишь.

Ему вдруг показалось, что любые слова сейчас не будут иметь веса и смысла. Бесполезно, будто наполнять водой сосуд с пробитым дном. Он попытался подойти к ней, но каждый раз, когда приближался к ней на расстояние вытянутой руки, она оказывалась чуть дальше.

Он перемещался по белой комнате из одной точки в другую. От кровати к шкафу, от шкафа к двери, от двери к кровати.

Споткнулся о журнальный столик, которого не было, когда он проснулся. В этом не был уверен, как и не был уверен в том, что он просыпался.

Наконец, движение прекратилось, все замерло. Девушка сидела на краю кровати и смотрела в окно. Слегка похлопала ладонью по одеялу и напомнила:

– Зеркало.

– Спасибо, – сказал он.

Парень присел на кровать рядом с ней, но у него все еще оставалось ощущение, что девушка отдаляется.

– Тебе нравятся облака? Их движение.

Она смотрела на небо, а он пытался разглядеть ее стопы. Они будто проваливались вниз. Он не был уверен, что и его стопы находятся в правильном положении.

– Как ты это делаешь? – спросил он и поднял взгляд, чтобы рассмотреть ее лицо. Ему хотелось увидеть каждую пору, каждую ресницу, каждый отблеск и тень.

– Иногда даже не замечаешь, как они тут появились, – продолжала она. – Сначала полна уверенности, что очень внимательно наблюдаешь, а оказывается, что они играют с тобой в игру.

Он протянул руку, чтобы прикоснуться к ее плечу. На этот раз у него получилось. Ощущение внезапного тепла пронзило ладонь и разлилось по всему телу. Девушка никак не реагировала. Все так же неподвижно сидела, похожая на греческую статую.

Он отдернул руку, не хотел показаться грубым. Казалось, что они просидели так несколько часов, но солнце не меняло своего положения. Едва добралось до зенита и застыло там.

– Побудь один, – ласково сказала она и едва прикоснулась губами к его щеке.

Встала с кровати, вышла в другую комнату. Если, конечно, эта другая комната была.

Какое-то время он смотрел на небо, сжимал кулаки, но все тактильные ощущения куда-то исчезли. Было только странное предчувствие, что если он выйдет на балкон, комната исчезнет. Можно было бы проверить, исчезнет ли в самом деле, но рисковать не хотелось. Поэтому он просто встал с кровати, обернулся и увидел себя.

– Неудивительно, – сказала она пустой комнате.

На ней был белый хитон в пол, в волосы вплетена узкая красная лента. В правой руке она держала чашку из тонкого бирюзового фарфора, а в левой – маленькую серебряную чайную ложку. Поставила чашку на стеклянную поверхность журнального столика – он отозвался звоном – и начала аккуратно помешивать чай, прислушиваясь к таким правильным и точным звукам.

В воздухе повисло разочарование.

Девушка затушила сигарету о подоконник и бросила окурочек в голубую коробку. Поправила упавшую лямку шелковой сорочки, убрала прядь с лица и шагнула в комнату. У кровати стоял мужчина крепкого телосложения, его предплечье было опоясано татуировкой – простая и точная черная линия. Коротко стриженные русые волосы зачесаны наверх, двухдневная щетина.

Что-то в нем было не то. Досада? Злость?

– Как ты нашла меня? – Он бы подлетел к ней, если бы умел летать.

Она улыбнулась и прошла к зеркалу.

– Как я нашел тебя? – продолжал он.

Девушка перекинула волосы через плечо и принялась заплетать косу.

Он сел на край кровати и заплакал. Плакал бы громко, если бы мог.

– Мы привыкли думать, что если что-то потеряли, то это навсегда, не так ли? – Она продолжала медленно перебирать золотистые пряди.

Он хотел сорваться с кровати и подбежать к ней.

– Не вставай, – сказала она мягко и тихо. – Но когда нам дают еще один шанс, мы от него отказываемся.

Девушка обернулась и озарила комнату. Потом направилась к нему, осторожно переступая через мужские кожаные ремни, извиляющиеся по всему полу. Наконец, они стояли лицом к лицу.

Ему казалось, что нельзя шевелиться, иначе она растает в воздухе.

Девушка встала на цыпочки, выдохнула теплый воздух ему в шею, а затем прошептала:

– О чем бы ты ни думал, не смотри в зеркало.

Снова опустилась на пятки и, не поворачиваясь к нему спиной, глядя ему в глаза, стала отходить назад. Медленно. Отдалялась. Отдалялась. Растворялась. Исчезла.

Он долго стоял и смотрел в точку, где она последний раз была видимой. Там ничего не осталось. Его настигло тягучее ощущение, будто все пространство утекает через пальцы. Он вытянул перед собой руки, расставил пальцы, посмотрел сквозь них и увидел себя.

Стеклянный звон отскакивал эхом от белых стен. Отражался на всех поверхностях и застывал, затем снова отражался. Бирюзовая чашка поднялась в воздух. Возможно, владелица этой чашки о чем-то задумалась. Но, скорее, она пребывала в смиренном ожидании. Солнце едва доходило до зенита. Облака рассыпались точками по небу. Она отхлебнула теплую воду и поставила чашку на стол.

* * *

Ускользает от меня что-то розовое. Или золотое. Ранит. Греет. Вижу ее глаза. Видит ли она мои глаза? Играет музыка. Слышу ее издали, но так близко, почти внутри. Это струны. Нет, это звон треугольника. Вижу ее тонкие лодыжки. Слышу ее бархатный голос. Я вижу ее каждую ночь. И каждый раз не могу ухватиться. Каждый раз не могу ее поймать. Пол такой холодный и глубокий. Стены такие далекие и яркие. Белая лилия в вазе все еще жива.

* * *

Щелчок. Вспыхнул огонек, зашипел и исчез. Потянулся дым. Тонкая рука опустилась вниз.

Кто-то проснулся.

Юрий Молчан СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗАПЕРТЫЙ ЗВЕРЬ

Запертый зверь в клетке сидит,
Запертый зверь в глаза мне глядит.
Воет, скребется, вырваться прочь
Очень он хочет. И в пасти волоочь
Мертвую тушу лани лесной.
Выть его тянет во тьме под луной.

Два дрессировщика – старый и малый –
Хлещут его по спине плетью старой,
Чтобы он трюки мог выполнять,
За плату входную толпу развлекать.

Лопнула клетка, лязгнули прутья –
Вырвался зверь, голодный и жуткий.
Старик-дрессировщик с инфарктом упал,
Младший от зверя прочь побежал.

Черная туша прыгнула вслед,
И вот молодой дрессировщик раздет –
Майка на нем порвана в клочья,

Кожу снял зверь, ее в пасти волочит.
Он убегает стремительно в лес,
Солнце на то лишь взирает с небес.
Да улюлюкает рядом толпа –
Глядя, как зверь рвет на части врага.

Зрители стали прочь расходиться,
Зрелищем каждый успел насладиться,
Деньги за вход заплатили не зря.
«Зверь – это сила!» – они говорят.
Шепчут друг другу: «Эффектно дрались,
Смерть – развлечение получше других».
Фокусы, клоуны – то не для них.
Старо и пресно, неинтересно.
Новое время – новые песни.
Крови, рассказчик, добавь, хоть ты тресни.

Ждут, когда цирк снова в город приедет,
И приведут с собой люди друзей –
Вместе на смерть глазеть веселей.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Я – последний, кто выжил из древних богов,
Жил во тьме среди звезд и ангельских миров.
По велению души сотворить я решил
Мир, где место найдется и Правде, и Лжи.
Где игра Тьмы и Света, и жгучих страстей
Развернется в сознание свободных людей.
Повелю я всем ангелам с длинной иглы
Пред Адамом склониться в поклоне –
Человеком и богом по крови.

Лепись, лепись, глиняный шар,
Тебя будет греть мой солнечный жар,
Ты оденешься в пламя и пепел.
Так небесный Гончар Землю лепит.
Миром родным для Адама
Станет планета Земля.
Да свершится воля моя.

Там, где я бросил кости,
Тянутся в небо горы.
Там, где вспорол я вены,
Плещется океан.
Солнце ласкает волны,
Но мне уже не больно.

А мой усталый взор
Застилает туман.

И пока оставалась
Мощь в моих звездных пальцах,
Я сотворил человека и оживил его.
Жить одному ему дальше,
Строить до неба башню.
Станет однажды богом,
Сядет рядом со мной.
Мы с ним едины духом,
И хоть к пророкам глух он,
Снова мы будем вместе,
И он вернется домой...

Там, где висят мои кости,
В руки вонзились гвозди.
Там, где пробиты вены,
Плещется чаша сия.
Солнце в венце терновом,
Но мне уже не больно.
Я – пал от руки человека.
Будь проклята воля моя...

* * *

Разбил я кулаком стекло
И раскрошил его в песок,
Теперь ладонь моя в крови,
И болевой познал я шок.

Весь мир закрылся предо мной,
Как лепестки цветов во тьме.
Слабею я, теряя кровь,
Мой тихий стон, как волчий вой,
Несется эхом под луной,
И я молю: «Вернись ко мне!»

Ушла, оставив мне свой свет,
Свое сияние,
А нимб,
Что у тебя, в моих глазах
Дороже всех земных монет.

Ты ходишь где-то под водой
Лесного озера во тьме,
Русалкой стала ты немой,
Но все равно мила ты мне.

Тепло земли стремится ввысь,
А я стремлюсь туда, где ты.
Ты слышишь? Я иду к тебе,
И в окровавленной руке
Несу я алые цветы.

Саша Зеленская ЗАРИСОВКИ

НЕ ДАРИТЕ МНЕ АЛЫХ ЦВЕТОВ

Не дарите мне алых цветов
И кораллов цветных не дарите.
За спиной не сжигая мостов,
Вы со мной о любви говорите.

Говорите и молча, и вслух –
Ваша речь сладким соком сочится.
И поднимутся тело и дух
На высоты летающей птицы.

А когда вы, оставив меня,
Вновь уедете в дальние страны,
Я, любовь вашу в письмах храня,
Буду в сердце зализывать раны.

СУМЕРКИ

Сумерки, комната, свет проникает,
Тоненькой струйкою перетекает
С шелка подушки на нежную кожу.
Я не коснусь вас и не потревожу.

Спите спокойно, прекрасная дама,
Вся из ребра и из плоти Адама.
И обладателем первой из дев
Так и уйду, разбудить не посмею.

Я УЕЗЖАЮ В НОЧЬ

Я уезжаю в ночь, ни с кем не попрощавшись,
И выйдя за порог, уже не обернусь.
Все кончилось для нас, так даже не начавшись,
Не оправдав надежд, оставив в сердце грусть.

Но тьма меня поймет и примет, как родного,
Бессонницы сестра – все знает обо мне.
Мне счастья на земле не надобно другого,
Чем мчаться через ночь на взмыленном коне.

Я ТАК ЛЮБЛЮ ЯНВАРЬ

Я так люблю январь, затишье от застолья,
Крещенские морозы и ярко-белый снег,
Мне не хватает здесь привычного раздолья
В избушке лесника остаться на ночлег.

Под утро свет лучей и треск сорок разбудит,
Я выгляну в окно: покуда хватит взгляд –
Волшебный зимний лес, он снится долго будет,
Заснеженного кедра причудливый наряд.

И валенки в сенях давно уже заждались,
Уставши от весны и летнего тепла,
Морозом и снежком, как дети наслаждались,
Но вечер уж настал и звезды ночь зажгла.

Дым от костра стезей уходит прямо в небо,
Сосулек перезвон и в чаще волчий вой.
И непонятно мне, где быль моя, где небыль,
Но чувствую вокруг смиренность и покой.

И снежного тепла на всех всегда нам хватит,
И нет границ мечте, как жизни нет конца.
И волчью песню вдруг душа моя подхватит,
И вместе с дымом прочь из зимнего двorca.

АПРЕЛЬ

Метель в апреле – просто чудо!
«Скажи, откуда ты, откуда, –
Беззвучно вопрошаю я, –
Примчалась в теплые края?»

Уже вернулись с юга птицы.
Уже нам лето ночью снится.
Уже сошел давно на нет
Магнолии вишневый цвет.

Тюльпаны балуют цветами.
Весна так радуется с нами,
Что час ее настал, так нет!
Метель затмила солнца свет.

Покрылись белым лепестки,
И чувство острое – тоски
Нам в душу снова снег вернуло,
И небо тучей затянуло.

Промозглый ветер и метель...

Вдруг сменит холод на капель,
Согрея вешним теплым светом,
Зима уйдет, наступит лето....
Апрель, божественный апрель!

Маргарита Репаловская ДЖОКЕР

Худой высокий брюнет, обладатель самой загадочной и обаятельной улыбки в мире. Мужчина, которого невозможно проглядеть, везде, где он появляется, мгновенно становится центром внимания. Мужская красота его не в правильных чертах лица или статности фигуры, она в его оригинальности, абсолютной непохожести на все остальные карты. Улыбчивый, добрый фокусник, все ждут именно такого героя, потому что он притягивает внимание, он не может пройти незаметно, его запоминают всегда. Победитель, но как красиво он побеждает, в самый неожиданный момент, когда решается исход игры или в начале ее, всегда приходит вовремя и бьет любого, даже самого козырного туза.

Кто его родители, в чем его сила, в бедности он вырос или богатстве? Статус, деньги, они у него, конечно, есть, а иначе как бы он приобрел такое огромное количество инвентаря и декораций для своих спектаклей? Богат ли он? Быть может, сказочно, а может быть, декорации это всё, что у него есть, как сказали бы недоброжелатели с ужасом, ведь если такому человеку нечего терять, то следующее, что он достанет из шляпы, будет далеко не белым кроликом. С кем он дружит, кого он любит, не знает никто. Зачем джокеру любить кого-нибудь, ведь он самая сильная карта в колоде, он одним своим рождением в этой колоде уже всё и всем доказал. Но он любит, несомненно, такой мужчина не может не любить. Не любить – значит, проиграть в одной из важнейших областей жизни. Конечно, он любит женщину и конечно, она далеко не простая шестерка.

Джокер может ждать всю игру, но он дождетс свою козырную даму, ему нужна только самая лучшая женщина, ведь он обладает очень хорошим вкусом, ему не сгодится «чем богаты», его не обманешь. Мужчина-джокер, тот, кто знает все правила игры и выше всех их, тот к кому обращаются даже самые козырные тузы за помощью и защитой. Он не умеет скучно жить, заурядно одеваться и питаться в дешевых забегаловках. Вся эта обыденность, серость лишь раздраживает его быть еще более развитым и ярким. Любая попытка общества повесить на него ярлыки приводит его в бешенство и он, разрушая абсолютно все стереотипы, поступает всегда с точностью до наоборот.

В его рукаве всегда найдется запасной козырь, в то же время никто не осмелится осудить его за игру не по правилам. Потому что в любой игре, где появляется джокер, есть только его правила. Придумывает ли он их на ходу и в чем секрет его фокусов, не знает

никто, так и задумано. Он хитер, умен, равнодушен. Даже в самом обычном маленьком цветке джокер увидит огромный бескрайний мир, который простому смертному не понять и за тысячу земных воплощений. А ему понятно, понятно то, что порой кажется непонятным даже самому Всевышнему. Наверное, потому Бог и создал джокера, чтобы каждый раз восхищаться его новыми фокусами. Кто еще способен подарить вдохновение самому Богу?

Маг он или шарлатан, публика всегда делит мир на белое и черное, но джокер выше ограничений. И как только его назовут черным, он засияет такой белизной, что все вокруг ослепнут от его чистоты. А как только его назовут белым, он утопит публику в крови. Каким бы его ни называли, он не такой. Чтобы о нем ни рассказывали, это не так. Никто не знает, что у джокера в голове, кто в его сердце и был ли он на самом деле. Что бы он ни совершил, его и не вспомнят, не поймут за руку и не предадут суду. Шулер? Наверное, нет. Проблема шулеров в их корысти, они играют ради легкой наживы, джокер же всегда знает исход всех игр: он все равно победит, и последнее слово останется за ним. Смысл его участия в игре – сама игра.

Нет, он не шут, не комедиант, тяжело надрывающийся ради аплодисментов, он живет в своем мире – мире иллюзий и страстей, в мире загадочном настолько, что никто и пытаться не станет там копаться. Колода большая: пятьдесят четыре карты, никто из пятидесяти двух не осмелится задавать личные вопросы джокеру, чтобы не потерять рассудок от его ответов. В этом его сила, он готов сам сойти с ума и снова вернуться к реальности, пройдя самые сложные испытания на пути, лишь бы не раскрывать свои секреты. Готов на любые эксперименты, лишь бы остаться непредсказуемым, лишь бы фокусы его никто и никогда не разгадал.

Между красным и черным джокером нет никакой разницы. Почему? Ведь между бубновыми и пиковыми валетами, королями и даже дамами разница есть всегда: кто-то козырной, кто-то не в масть, но только не между джокерами. Они никогда не ждут подходящего сигнала светфора, и порой кажется, что сами светфоры замирают в ожидании сигнала от них. Что они забыли здесь, в этой колоде? Этот мир явно слишком прост и случаен для личностей такого масштаба. Но, как и все, вместе с другими картами джокеры заходят в игру. Любят ли они свою публику? Кто они без нее? Это чрезмерная щедрость с их стороны или вера толпы во что-то большее, чем серые матричные границы? А может быть, то и другое? Что делал бы джокер, попади он в колоду из одних джокеров? Остался бы самим собой? А может, был бы счастливее там, где его наконец начали понимать...

Маргарита Репаловская РАСПРАВА

На дворе стоял пасмурный 1996 год. Не многие из взрослых понимают происходящие вокруг перемены после развала Советского Союза, а дети и подростки еще не осознают, как рано придется им повзрослеть.

Четырнадцатилетняя Лиза жила с мамой и младшим братом в общежитии, в спальном районе на окраине города. Год назад она неосторожно оскорбила мальчика Антона, тот обозлился и настроил своего друга против нее. Так что теперь они всеми силами старались сделать из нее жертву для битья, придумывая все новые и новые оскорбления и унижения. Пока все было только на словах, но Лиза очень боялась, что ее либо изобьют, либо... Об этом и думать было страшно.

Ее одноклассница, лучшая подруга Маша, которая жила рядом, всегда старалась поддержать Лизу, но ссориться с местными парнями ей не хотелось, поэтому при встрече с ними она здоровалась со всеми и тяжело молчала.

Мальчишки травили и изводили Лизу целый год, она замкнулась в себе, часто плакала по ночам и начинала уже всерьез задумываться о самоубийстве. Сколько раз вспоминала она свою неудачную шутку про Антона, столько же раз о ней жалела, да только поздно было. Временами казалось, что никто не сможет ее защитить. Во дворе их унылого серого общежития то и дело кого-то отпевали. Взрослые рыдали, дети играли рядом, подростки привычно сжимали зубы.

В начале лета во дворе появился парень на год старше девушек, звали его Егор Дорофеев. Он приехал на каникулы помочь бабушке, а сам жил с отцом и мачехой в центре их небольшого города. Парень был среднего роста, грубоватой наружности, с длинными, по-девичьи загнутыми ресницами и простецкой улыбкой. Лиза и Маша очень ему понравились, он никак не мог определиться, кто из них ему нравится больше, поэтому ухаживал за обеими. А они всерьез его не воспринимали, лишь как друга, и соглашались гулять только втроем.

Егор был от природы массивен, в нем чувствовалась твердость, которая редко бывает у подростков в пятнадцать лет. Однажды Лиза ждала с ним Машу у нее под окнами, как вдруг подошел Антон, живший в соседнем подъезде. Он поздоровался с Егором, отозвал его в сторону и, глядя на девушку, с ухмылкой начал что-то ему говорить. Она даже не успела ничего понять, как Антону в лицо полетел кулак.

Антон, всплеснув руками, схватился за нос, из которого хлынула кровь, а Егор, так же спокойно что-то шепнув ему на ухо, отошел. Сориентировалась Лиза сразу: подошла к Антону и с тревогой в голосе предложила носовой платок. Он его принял. В душе она ликовала, но важно было установить мир, поэтому радости своей она не выдала.

На следующее утро Антон сам подошел к ней и поблагодарил за заботу. После года войны между ними воцарился мир.

Так одним движением руки Егор избавил подругу от страданий.

Егор рано потерял мать и остался жить вдвоем с отцом. В открытых беседах он часто вспоминал маму и не мог сдерживать слез, стараясь представить, что было бы, если бы она была рядом. Он никогда и мысли не мог допустить о том, чтобы поднять руку на девушку. Лишь однажды пьяная девица, ссорясь с ним, сказала: «Твою мать!» и мгновенно получила затрещину – любое недоброе упоминание о матери выводило Егора из себя. Потом он рассказывал, что и сам не понял, как это произошло – рефлекс. А случилось это, скорее всего, из-за постоянных ссор с отцом. Егор винил его в том, что отец не смог уберечь маму.

К Егору несколько раз приезжали его друзья из центра, он познакомил с ними Лизу и Машу. Ребята называли себя «центровыми», их было пятеро, и они казались вполне приличными.

Мария начала встречаться с пятнадцатилетним Ромой, парнем из хорошей семьи. «Я долго не проживу, – гордо говорил Рома. – Сердце слабое».

Его лучшим другом был Артур – коренастый семнадцатилетний блондин, большой весельчак и юморист. Он был заводилой в этой компании, часто подбивал друзей на различные авантюры и приключения.

Сережа, наоборот, был почти незаметным – худой и очень высокий, почти прозрачный блондин со всегда спокойным добрым лицом. В основном, он молчал, не участвовал ни в каких спорах, его мнение мало кого волновало, но он неизменно был где-то на расстоянии вытянутой руки.

Руслан любил ходить рядом с Ромой, они были похожи друг на друга, как братья, но добрый и слабохарактерный Рома обоим девушкам нравился больше, в нем было что-то простое и понятное. Руслан же, высокий крепкий брюнет с черными глазами, на Лизу смотрел иногда так, будто в любой момент готов был ее съесть. Она его побаивалась. И хотя парень несколько раз неумело пробовал ухаживать за ней – говорил что-то, пытался шутить, она не подпускала его к себе ближе, чем на метр.

Пятым был Семен – двадцатидвухлетний шатен среднего роста с неприметным лицом. Он был женат и имел маленького сына. Се-

мен всегда был чем-то занят и кроме приветствия, так ни разу и не заговорил с Лизой и Марией. Они, в свою очередь, тем более им не интересовались, считая его нудным и слишком взрослым.

Однажды Рома пригласил девушек в центр, погулять и пообщаться, и они с радостью согласились.

Парни встретили их с почетом, Рома взял Машу за руку, а Лиза шла рядом с ними. Артур, самый смелый и обаятельный из всех, сообщил, что скоро девушки увидят «театральное представление». Представление должно было состояться в огражденном дворе заброшенной стройки. Место безлюдное и потерянное, по тем проулкам прохожие боялись ходить, а им-то что, они с парнями. Когда девушки зашли во двор, который представлял собой скорее поле, заросшее травой, то увидели страшную картину. Двое незнакомых ребят о чем-то говорили с Егором и его другом Костей, лица у тех были сине-сиреневыми от побоев. Егор стоял, покачиваясь, видно было, что избили его совсем недавно.

Девушки опешили от увиденного. Лиза судорожно начала думать, кого можно позвать на помощь.

– Сегодня состоится суд над Демоном, сука, – так Артур назвал Егора и ударил его ногой в живот, отчего парень согнулся. – И Чертом. – Второй удар достался Косте.

С Костей Лиза познакомилась несколько месяцев назад. Они гуляли по городу, он дарил ей цветы. Он был странным и никаких чувств у нее не вызывал. Однажды, провожая Лизу домой, он остановился на лестнице и поцеловал девушку в губы. Неожиданно из соседней квартиры с громким лаем выскочила небольшая собачка. Костя вздрогнул, Лиза почувствовала, как по телу его пробежала волна, словно от удара электрошокером. «Похоже, он трусливый», – решила она, и больше они не встречались.

Теперь она глядела на него, и ей было совсем не по себе. Жалко было обоих, но Егора больше.

Лиза не могла придумать, что делать дальше и решила отвлечь парней от их затеи.

– А можно тебя на секундочку? Надо поговорить, – отозвала она их вожака Артура. И когда они отошли, спросила: – Что они сделали?

– А ничего, – с ухмылкой сказал он и сплюнул в сторону. – Просто они черти, а чертей надо бить.

– Вы же дружили, он не раз вступался за тебя! – Она не могла оставаться в стороне, потому давила на все подряд чувства и старалась его пронять, образумить, задобрить.

– Я уже сказал, что они получают свое, – отрезал он.

«Что же делать?!» – лихорадочно соображала Лиза.

– Уважаемые зрители, занимайте свои места в зрительном зале, – объявил тем временем Сережа, светловолосый добродушный паренек, в голосе которого неожиданно обнаружили нотки цинизма.

Тогда Лиза выпросила Егора на разговор и отошла с ним к ограде.

– Где в вашем районе полицейский участок? – спросила она.

– Если наведешь на них полицию, они мне отомстят, – глухо ответил он.

– Тогда беги отсюда!

– А смысл? Они все равно меня достанут, это местная шпана, у них тут каждый второй брат или сват. Ничего не выйдет.

– Егор, что же делать? – Лиза едва не плакала.

– Эй, а ну иди сюда, Чертила! Или ты смыться решил? А за девочек не боишься? – с издевкой поинтересовался Артур. В его глазах мелькнуло вдруг такое, что девушку бросило в холодный пот.

– Ничего не сделаешь, – сказал Егор. – Я сам потом с ними разберусь. Съезжу в ваш район, поговорю с пацанами. Пойдем.

Они вернулись.

Маша пыталась уговорить Рому и Артура не бить Егора и Костю – хотя бы сегодня, при девушках. Но у нее ничего не выходило.

Резким ударом по печени Руслан свалил Егора на землю.

– На колени! – скомандовал он.

Егор сопротивлялся, но двое парней быстро подскочили к нему и начали бить ногами. Он сгруппировался и молча терпел удары. Худой нервозный Костя дрожал и просил не бить его по больным почкам.

– По почкам – не будем, – благородно согласился Артур. – Пацаны, бьем по печени! На!

Лиза и Маша с ужасом смотрели на происходящее.

– Это нечестно – семеро на двоих, – спокойно, стараясь улыбаться, заметила Лиза.

– Нормально! – усмехнулся Артур.

– Зачем вам об них мараться? Они уже получили свое, – продолжила она дискуссию. (Может, хоть обаяние сработает?)

– А мы любя попинаем и отпустим с миром, – пошутил Сережа, сидевший рядом на камне. Единственный человек, во взгляде которого не было жестокости.

Он нехотя подошел и пнул Егора в бок. Случайно они с Лизой встретились глазами, и он, слегка смутившись, пнул еще два раза.

– Ты какой-то вялый сегодня, Серега! – заметил Артур. – Вот так надо: на, сука! – Он несколько раз ударил Костю ногой по голове и задорно спросил: – Девчонки, что ж вы не хлопаете?! Ну, так неинтересно. Никакого удовольствия!

Лиза вспомнила слова Егора:

«Старший брат Артура – бандит».

Избитые парни, все в синяках и кровоподтеках, сжавшись в комок, лежали на траве, прикрывая от ударов лицо руками. Но их руки отцепляли от лица и били ногами по носу, глазам, разбивали губы. Девушки стояли в оцепенении, время тянулось медленно.

– Хватит с них на сегодня, – наконец сказал Артур. – Идемте отпразднуем это событие в бар, водочки треснем. За их счет, естественно. Мало вы бабок принесли сегодня, – бросил он Егору.

Девушки ринулись к избитым парням и помогли им встать. Идти куда-либо с этой компанией им не хотелось, было больно и противно. Но те пригрозили продолжением расправы, пришлось пойти в какую-то местную заплеванную, прокуренную забегаловку, правда, с условием, что Егор идет с ними. Костя же, прихрамывая и держась за живот, поковылял домой, сославшись на тошноту.

Освещение в баре было тусклым. Все расселись за длинным столом, застеленным прожженной в нескольких местах грязной ска-тертью. Егор почти остановил кровь из носа, прикрываясь салфеткой. Заказали водку. Артур даже пошутил:

– За Демона! Не чокаясь.

Егор криво улыбнулся и залпом выпил свою порцию.

Маша, холодно попрощавшись с Ромой, поехала к родственникам, а Лизу вызвался проводить Сережа. По пути он что-то мямлил, но она не слышала, затем повисло тяжелое молчание.

– Понимаешь, я ничего не мог сделать, – сказал он тихо, глядя себе под ноги.

– А никто не мог! – сорвалась она на крик и побежала домой.

Андрей Мацко КОФЕЙНЯ У ЧЕРНОГО ХОДА

А вы любите кофе?

Этот ароматный напиток окрыляет, бодрит. Чашечка утреннего эспрессо – и мы готовы бежать дальше, естественно, перекинувшись парой-тройкой фраз со знакомым баристой. Он, как всегда, улыбочив, и его разговоры затягивают нас в пучину, из которой с каждым днем все труднее выбираться...

* * *

Они познакомились через общего друга в прекрасном заведении на Еврейской, где Андрей частенько пил горячий шоколад, а Денис работал баристой. Андрею импонировала манера нового друга располагать к себе посетителей – казалось, кофейня только открылась, а там уже людно. Вдобавок, когда Денис узнал, что его новый знакомый увлекается творчеством, то сразу выпросил рукопись с автографом, а после искал свободную минутку для совместного обсуждения прочитанного. Это случайное знакомство многое дало и автору, и читателю. Жаль, кофейне повезло меньше – вскоре у арендаторов наметились проблемы, и заведение пришлось закрыть.

Денис остался без работы, Андрей – без любимого горячего шоколада, зато к тому времени они нашли общие темы и изредка устраивали посиделки за бокалом вкусного пива.

А уж о чем только ни говорят в одесских пабах! Семья, политика, футбол – а там и до озвучивания планов недалеко.

Так и произошло, будто само провидение вмешалось: Андрей, узнав о мыслях друга насчет открытия собственной кофейни, вскоре отправил тому фотографию сдающегося в аренду места, мимо которого ходил на работу, и колесо завертелось.

* * *

Когда Денису пришло фото маленького неприметного помещения, он отсекал этот вариант. Не представлял себе, как можно разместить там кофейню. Но посмотреть согласился.

Помещение действительно оказалось небольшим – он-то под два метра вымахал, ему давил на голову любой потолок, за исключением старых одесских домов – архитектурных памятников: вот где высоты хватало.

С угла Конной улицы и Новобазарного переуллка люди чаще выходили, чем заходили на территорию Нового рынка, отчего сотрудники в шутку называли вход «черным ходом», но месторасположение будущему бизнесмену все равно приглянулось.

Поговорив с местными торговцами, Денис сделал вывод: все не так плохо, как казалось изначально. А после встречи с владельцем будки-контейнера и администрацией рынка он решил: кофейне – быть!

* * *

Дело шло медленно, но верно. И посетители рынка, и продавцы постепенно превращались в завсегдатаев маленького заведения. Спустя полгода после открытия Андрей с изумлением услышал первые заявления о прибыли. Он полагал, что куда более именитые кофейни раскручивались дольше. В случае же Дениса, финансы которого изначально не то что пели романсы, а даже тихонечко поскуливали, это было похоже на чудо.

Денис, несмотря на сомнения всех, кого знал и с кем общался, начал зарабатывать. С его слов, почти вся небольшая прибыль вкладывалась в обновления и улучшения, включая некоторые изысканные сорта зерен для истинных ценителей. Количество постоянных клиентов неизменно росло, а, так как в большинстве это были образованные, состоявшиеся люди, знавшие толк не только в кофе, Денису помогали, советовали и главное – его заведение рекомендовали.

Кофеманы диву давались, как этому викингу (так любя называли здоровенного рыжебородого владельца) удастся оставаться на плаву, несмотря на всевозможные кризисы.

Неужели секрет крылся исключительно в трудолюбии и отношении к делу?

Денис работал почти без замены, лишь изредка позволяя себе опаздывать или брать выходной. Конечно, пытался найти подмену, только кто бы ни вышел вместо него, друзья-клиенты всегда мотали головой: «Не то». Так казалось и Андрею, поэтому он спокойно проходил мимо, когда заглядывал в кофейню и видел, что Дениса не было.

* * *

Обычно путь Андрея на работу пролегал по Новому рынку, через «черный ход». Лишь иногда, сильно торопясь, он обходил ворота стороной, чтобы не задерживаться у общительного баристы. Подобно заядлому рыболову, Денис забрасывал невидимый невод, и все

– можно было забыть не только о стремлении вовремя попасть на работу, но и о желании вообще куда-либо идти.

Как-то Андрей пошутил об этой необычайной способности друга притягивать людей. Со временем шутка повторялась чаще, он слышал подобные высказывания и от других посетителей. Мысль о мистическом магнетизме переставала выглядеть смешной и все больше укреплялась в его сознании.

* * *

Андрей шел на работу привычным маршрутом и приближался к кофейне, когда начались странности. Погрузившись в творческое состояние и обдумывая очередную историю, он неожиданно поймал себя на совершенно иных мыслях. В голове будто щелкнул какой-то тумблер, включив дежавю и заставив его недоуменно застыть на месте.

«Стоп-стоп-стоп! – сказал он себе. – Кажется, это не первый раз происходит...»

Андрей двинулся дальше, обдумывая загадочное явление.

С одной стороны, в самом дежавю ничего необычного не было: несколько лет он ходил одним и тем же маршрутом – возможно, мозг запомнил картинку.

Но была и другая сторона – что-то упущенное, и нащупать ниточку, ведущую к невидимому тумблеру, не удавалось.

В предвкушении любимого напитка Андрей подошел к гостеприимно распахнутой двери и привычно помахал другу. Кофейня была заполнена, поэтому Денис лишь кивнул в ответ.

Если былолюдно, Андрей дожидался заказа за столиком на улице. Сегодня ждать совершенно не хотелось, и он невзначай отметил легкость, с которой пошел дальше. Оказывается, вовсе не обязательно с утра застревать в кофейне.

После работы заскочить тоже не получилось – довелось идти другим маршрутом.

Следующим утром Андрея снова застал врасплох переключатель, сменивший течение мыслей.

Ему не верилось в происходящее. Ну не принимал мозг такого! Решено было повторить эксперимент...

Две недели Андрей проверял собственную догадку и все больше убеждался в невозможном: нечто мягко подталкивало его к кофейне.

За квартал до места включения тумблера невидимый туман медленно обволакивал его разум. Присутствие этого тумана ощущалось лишь в одном: он вытеснял другие мысли. А у рынка срабатывал сам тумблер. И чем ближе Андрей подходил к черным воротам, тем

явственнее чувствовал желание зайти к Денису. Не просто поздороваться, а посидеть, поговорить...

* * *

Андрей продолжал изучать ситуацию и за несколько последующих дней выяснил, что странный дух притяжения витает над большей частью рынка, и даже вне его – опутывание разума начиналось еще от цирка, со стороны Коблевской улицы.

В кофейне он пока не показывался, хоть и проходил поблизости. Взял паузу, чтобы все обдумать, а пока решил молчать.

Зато не молчало вдохновение.

Казалась отличной идея изложить происходящее на бумаге, и чем больше Андрей погружался в выдуманную им историю, тем явственнее чувствовал исходящий от заведения у черного хода шлейф манящего кофейного аромата. Этот шлейф тянулся по улицам старой Одессы: Пастера, Садовой, Дворянской...

* * *

Когда Андрей созрел для разговора, он принес рассказ в кофейню и, пока никого из посетителей не было, уговорил Дениса прочесть. Тот читал, ни разу не оторвавшись от текста. Закончив, спросил:

– Можно, я оставлю у себя?

Денис добродушно улыбался, и эта реакция была совсем не той, на которую рассчитывал Андрей. Он-то думал, что, изложив происходящее на бумаге, добьется от друга признания, но тот вел себя совершенно обыденно. До этого Денис читал и другие рассказы Андрея. Как правило, тот не отказывал, и рукописи оставались в кофейне. Изредка их читали посетители.

Андрей решил идти ва-банк:

– Можно, но после того, как я задам тебе нескольких вопросов.

Денис заслонил выход. Рыжий крепко сбитый великан выглядел угрожающе, но Андрей отмахнулся от мыслей об опасности. Страшно ему не было, но, несмотря на работающий кондиционер, он ощущал связанную с волнением духоту.

– Всего три, – все еще дружелюбно произнес Денис после продолжительной паузы. – Как в сказках.

Андрей задумался. Вопросов скопилось гораздо больше. Нужно было подобрать верные.

Ему была непонятна природа данного явления.

Сомнения приводили к мыслям о колдовстве и потусторонних силах. И если все обстояло именно так, происходящее могло нести окружающим угрозу.

– Денис, эта штука, – Андрей указательным пальцем описал в воздухе окружность, намекая на аромат, – она... безвредна для людей?

Денис уверенно кивнул:

– Абсолютно. Никакой угрозы, просто необычный способ привлечь внимание к кофейне.

Искренность ответа не вызвала у Андрея ни малейших сомнений.

– Почему я это увидел?

Денис ненадолго задумался.

– Я не буду отвечать длинно, хотя очень хочется, раз уж ты подобрал хорошие вопросы. Оставим рассуждения для пива, а пока пойми простую штуку: все в мире строится на *Вере* и *Знании*. В первую очередь, ты *поверил* в саму возможность происходящего. Если люди и испытывали подобные описанным тобой ощущения, то, скорее всего, они просто отбросили эти мысли. Наверное, для других они менее навязчивы. Это ведь практически чудо, а кто же в наше смутное время верит в чудеса? Ты – поверил. Возможно, благодаря твоей творческой натуре, кто знает? Наверняка ясно другое: остальные не скоро задумаются о подобном. Поверив, ты узнал правду, то есть получил новые *Знания*: этот мир не так прост, как кажется. В нем много вещей, о которых люди не спешат задумываться, даже каждый день проходя мимо. Мы вернемся к этому вопросу позже, и я обещаю тебе множество открытий. Что они дадут, зависит только от тебя.

Андрей кивнул. По телу уже давно бегали мурашки, а сейчас добавилась и озноб. Он не хотел больше здесь оставаться; вдобавок, нужно было хорошенько обдумать услышанное.

Денис отошел от двери и протянул ему руку.

– Я предлагаю приберечь последний вопрос для пива, если ты не против. Но рассказ оставь. Добавлю на полку к остальным.

Андрей кивнул, пожал Денису руку и попрощался, оставив на столике отпечатанные листы.

* * *

Они выбрались на пиво через несколько дней. В тот вечер друзья беседовали о творчестве Андрея и успехах Дениса, обсуждали возможное расширение бизнеса викинга. Говорили о политике и футболе...

После третьего вопроса многое изменилось: Андрей перешел на другую работу. Поменялся не только адрес, но и его отношение к жизни.

* * *

В кофейню с тех пор он заглядывал редко. К тому же, как только Андрей оказывался рядом, появлялся тот самый озноб, напоминая о странном разговоре и отбивая желание наведываться Дениса.

* * *

Вскоре Андрей переписал рассказ, ведь теперь он видел все своими глазами.

Вот мистический шлейф растекается с Конной, сонно пробираясь к Нежинской, обволакивая улицы и дома, заставляя только что пришедшую на работу девушку-парикмахера закрыть салон и послушно направиться за любимым латте к черным воротам рынка.

Едва уловимо туман движется и по Княжеской, нагоняя пробегающего трусцой молодого спортсмена, подталкивая его в сторону кофейни – ведь парень хорошо позанимался, и теперь ему следует передохнуть, наградив себя безупречным утренним эспрессо...

* * *

Иногда Андрей выходит на балкон верхнего этажа высотного здания, стоящего в центре, и наблюдает за лежащим как на ладони старым городом.

Он с недоверием смотрит вниз, и никто, кроме него, не замечает, как неведомый туман разрастается, заполняя округу, поглощая улицу за улицей.

Денису и его кофейне :)

3.09.2020

Михаил Ямской ПАДУЧАЯ ЗВЕЗДА, ИЛИ СЧАСТЛИВЫЕ МАРТЫШКИ

Рыжеватый пятнистый зверек с песчаной крысой в зубах вскарабкался на широкую плоскую скалу и устало прильнул к ней. Камень еще хранил дневной жар, хотя солнце уже зашло, и воздух остывал, суля холодную ночь.

– Мур-р!

То, что затаилось внутри камня, порадовалось бы не меньше, умей оно радоваться, а может, тут же огорчилось бы. Хотя вряд ли: хозяевам зонда из глубин космоса еще не доводилось встречать подобных существ. Один мозг в голове, еще несколько в полости тела – объем каждого мал, но в сумме даже выше критического. Конечно, малопригодны для разумной деятельности, но в брюхе есть зачатки дополнительных, и много. Опять же, хищник, а белковое питание необходимо для развития нейронной сети. Так или иначе, это последний шанс: аккумуляторы, поврежденные жесткой посадкой, почти на нуле.

Галактическим сеятелям разума не слишком повезло. А может, и наоборот. Упади космический гостинец в заросли у широкой реки, еще не названной Нилом, где охотились волосатые приматы, их воинственные потомки скоро добрались бы до самих создателей зонда. Как бы то ни было, стимулирующий нейроимпульс, исчерпав энергию батарей, достался разуму мелкого хищника-крысолова.

Камень со звезд умер напрасно – или планета все же получила шанс? Во всяком случае, пятнистый зверек поначалу ничего не заметил. Отдохнув, встал и потрусил дальше, волоча раздувшийся живот. До логова в кустах, заботливо высланного собственным пухом, уже недалеко, а жирная крыса не даст голодать в первые дни после родов.

* * *

Шаман кочевого племени был в бешенстве.

– Уар-р грры атшепт сца? – вопил он, топая ногами и потрясая костяным посохом. Поднес к приплюснутому носу кожаный мешочек, брезгливо понюхал, сплюнул. – Атшепт сца, гург-гры?!

– Мр-ряу! – Полосатая кошка презрительно отвернулась.

Подумаешь, духи предков обидятся! Кому нужен идиотский дурманящий дым и пляски, когда и так ясно: с берега реки, где в траве столько крысиных нор, уходить нельзя. Охота на крупную дичь ненадежна и опасна, да еще эти их псы... Кошка сердито фыркнула.

Между тем, вкус крысиного мяса и перетертых зерен травы племя уже успело оценить. У буйволиц вкусное молоко, а если приручить пару телят... Так или иначе, новых кореньев для священного костра до весны все равно не собрать.

Обреченно вздохнув, шаман отбросил провонявший мешочек и взял кошку на руки. Вот озорница... но какая все-таки гладкая шерстка, красота! Однако надо сделать навес из ветвей, чтобы любимица всего стойбища не мерзла от ночного ветра.

– Мур-р!

* * *

Болезненно морщась, прокуратор глянул на арестованного. Легионер подтолкнул того к мраморному креслу Пилата и с размаху огрел плетью.

– Мр-ряу!

Тощий длинноволосый человек в лохмотьях споткнулся, и из-за пазухи у него на мозаичный пол выпал... рыжий котенок.

У прокуратора вырвался удивленный возглас. Он протянул руку и погладил зверька, встречая пристальный взгляд янтарных глаз. Внезапно просветлел лицом, с недоумением потер лоб. Головной боли как не бывало!

– Добрые вы люди, – вздохнул он, помолчав. – Вот, кошек любите... как и мы. Известна тебе легенда, что кошки спасли великий Рим? – Арестованный робко кивнул в ответ. – Выходит, и читать умеешь? Ладно, расскажи-ка мне, чему ты там учишь свой народ... Эй, кто там, еще фалернского и кубок! И молока в блюде, живо!

Пушистый зверек запрыгнул к прокуратору на колени и свернулся уютным клубочком.

– Мур-р!

* * *

Склонившись перед Крестом-Без-Распятия с возлегшим на перекладине золотым котенком, монах святого ордена Трех пророков Бертольд Шварц пробормотал единую молитву Христу, Мохаммеду и Будде. Затем вернулся к каменному столу для опытов, зажег лучину от горящего камина и поднес к дорожке из серого порошка, протянувшейся к горке повыше. Ну уж на сей раз должно получиться!

Огонек с шипением побежал по извилистой линии, а монах отскочил в угол кельи и прикрыл лицо руками, ожидая вспышки.

– Мр-ряу! – Черный пушистый кот спрыгнул с табурета и шмыгнул за грубые деревянные полки с колбами и ретортами.

Пш-ш-ш! Над столом поднялся клуб сизого дыма, в нос ударила отвратительная вонь. Монах сплюнул и с подозрением покосился на кота. Нет, не может быть.

Снова неудача! Разве так должно гореть? Пора бросить эти глупые опыты и вернуться к добыванию золота. Сколько можно, в конце концов?

– Мур-р! – Судя по выражению морды, кот был полностью согласен.

* * *

Государь и великий князь Иоанн Васильевич Добрый придирчиво оглядел подарок.

– Хвост как будто коротковат супротив нашенских, – грозно нахмурился он. – Неужто обрубают?!

– Мр-ряя! – Серая дымчатая кошка с подпалинами обиженно прижала уши.

Малюта отчаянно замотал косматой головой.

– Порода такая, государь! Особенная, заморская! Аглицкая королева выбрала самую редкую, а уж Лизка-то в кошках разбирается. У ней во дворце энтих кошек прорва – ступить некуда!

– Хм... – довольно усмехнулся царь. – Ну что ж, стало быть, и царицей будет неплохой. Добро, засылаем сватов!

– Мур-р!

* * *

Антуан Анри Беккерель, придворный алхимик всемилостивейшего и всеученейшего Людовика Двадцатого, скорбно потряс черным бумажным свертком. Со свертка капало, запах не оставлял сомнений.

– Как вы могли? – со слезным пафосом вопрошал Антуан, обращаясь к белому коту с шелковым бантом на шее, что разлегся на вышитой золотом подушке. – Ну как можно, мессир? – Дрожащей рукой он достал из кармана мобильник и воздел над головой, словно карающий меч. – Его величество как раз телефонировал, что завтра соизволит изучать фосфоресценцию солей урана, а фотопластинки безнадежно испорчены! Все до одной почернели... Вам-то что, а меня высекут! Высекут на конюшне! Я ведь пока даже не дворянин...

– Мр-ряя! – Кот величественно шагнул с подушки и царапнул когтями полку с реактивами.

Беккерель иронически поднял брови.

– Предлагаете тайком выбросить и заменить на чистые? А платить за них, конечно же, мне! Отчетность... – Заметив, как презри-

тельно дернул хвостом кот, скуповатый алхимик нервно закусил губу. Ссориться с любимцем короля себе дороже. – Ладно уж, моя вина, недосмотрел.

Успокоенный кот снова улегся на подушку. Ни к чему мартышкам радиоактивность и прочие опасные игрушки. Да и революции, если на то пошло. Ведь что самое главное на свете?

И сам себе ответил, блаженно жмурясь:

– Мир-р!

* * *

«А как же космос?» – спросите вы.

Да нормально космос. Первыми слетали, конечно же, люди. Белкин и Стрелкин.

МИЦХАЛЫЧ

– Алва итта двергу! – грохотал боевой клич над окутанной дымом бухтой.

– Эуалла париссия! Дургдибл стравосклифи! – подхватывали одни звонко, другие хрипло.

– Агр-р-р-р-р! Рр-р-ау! – гремела мохнатая кривоногая толпа, перехлестывая через борт.

Визгливый треск обрушенных мачт сливался со звоном стали и хлопками ручных молний. Глаза слезились от вони горящей селитры.

Базиль крутанул мечом, и оскаленная рожа орка запрокинулась, плеснув фонтаном черной крови, а другой враг скорчился, зажимая косой разрез на брюхе. Боевая цепь третьего свистнула в воздухе, обвивая бронзовый наруч, но одного рывка хватило, чтобы сбить косорылого с ног, и сталь меча завершила дело. Глаза метнулись в сторону, ловя растерянный взгляд Мицхала. Припадая на ногу, альв медленно отступал к палубной надстройке, а пятеро клыкастых с льющим ревом размахивали ятаганами.

– Каррафалла двергу! – раздался вопль за спиной. – Коротышки предали!

Сзади послышался топот, но обернуться Базиль не успел: сокрушительный удар по затылку погрузил все вокруг во тьму.

Василий жадно затянулся сигаретой, прогоняя горьким дымом назойливые образы из сна. Голова трещала, будто в тисках. Кто ж его так саданул-то? Подкрался сзади, мразь, – небось тот, с бородой в косичках. Пировали вчера, в вечной дружбе клялись. Мир, союз... Как можно было доверять этим бородатым?

Тьфу! Нет здесь альвов и нет двергов – всё только сон. Сон! Тряхнув головой, он тут же скривился от боли. Осколки чужого слоя реальности упорно плавали перед глазами, не торопясь заменяться родными байтами. Дурацкие слова, всё не то и не так... то есть не совсем то, но разве иначе скажешь? В самом деле, будто два игрока в разные игры на одном компьютере – или один игрок двумя персонажами... но ведь он в реальности и в снах один и тот же, даже имена похожи! Программа одна, а память разная – суть, в общем, ясна. Жопа, граждане. Жо-па.

Интересно, кто первый отдаст концы, он-тот или он-этот? Еще неизвестно, при такой-то жизни. Да какая разница? Остаться в единственном лице – уже счастье.

А если умрем оба? Ну, смерть вообще дело темное, об этом лучше не думать... но все-таки хотелось бы узнать, что стало с другом, с Мицхалем. Если орков не удалось отбить, сожрут всех.

Рассветный туман за перилами балкона казался дымом сражения, а косилка в руках смуглого гаста в оранжевой жилетке рокотала с торжеством победившей орды. Говорил же диблерой: нельзя записывать сны! Только начнешь, и трындец.

Диблерой?.. Это еще кто? Чушь, бредятина!

За спиной вдруг послышался неразборчивый гомон, в котором выделялись визгливые интонации бабки с третьего этажа. Василий прошел в прихожую и посмотрел в глазок, но за спинами на лестничной площадке ничего не разглядел. Отпер дверь и оказался нос к носу с соседкой, уже тянувшейся к звонку.

– Что такое?! Михалыч?

Она всхлипнула, закусив губу. Часто закивала.

– Сердце... приступ. Скорая увозит!

Вассу дернулся, просыпаясь. С трудом разлепил глаза, судорожно всасывая воздух.

– Не пора ли раццакзать мартыхенам с думана, гадопа и протчих богатных... – ворвались в уши радостные лепетки дикторессы.

Он потянулся и отжал кофорилл. Потряс головой, отгоняя прилипчивые бороды, байты и мохнатые рожи с секирами. Схватил кулек с травлетками, забросил одну в пасть и запил остатком скляти из кружки. Надо первым делом принимать, как проснешься: диблерой сказал, тогда ибостаз слабеет, а раскол и мерцание вредят. Пока своя тушка в здраве, рано уходить в другой слой.

В ухо приветливо дунули Порис, ткнулись трубчатым хоботком. Мягко переваливаясь, поскакали на кухню. Полупрозрачный близнец на кожистой перемышке болтался вверх-вниз, как риссиновый гусенец, а пухлые лапки лелеяли аквариий, на дне которого жадно разевали рты неоновые Миц и Холли. Время поить, не то жабры пересохнут.

Пиарилка на торклае шибала в нос. Пистерия «Раздольников», пять презиков – рупь. Монолог отторбасен репликами Хрупацки – находка болтажора. Новое слово в искацве! Другой листок сурово скалился зубьями официальной печати. «Вам следует...»

Храк и жопот! Как же он позабыл!

Вассу вскочил, на ходу подхватывая авоську для тернеты. Слассенька давно уж заняла очередь! Если не...

Перед глазами у Василия поплыли круги, он схватился за дверной косяк и устался на соседку. А всё отец, отец виноват! Сам еще на позапрошлой тыще раскатывал терешопль, а их отправил в какой-то глухч. Могли бы выучиться, стать триархонтами. Как теперь жить, как? Уже и Порис давно нет, а он... Проклятые орки!

Двое коротышек в белых халатах уже тащили из соседской квартиры носилки, укрытые простыней. Узкие глазки санитара подозрительно блеснули из-под кудлатых бровей.

Рука Базизля метнулась к поясу, но меча не нашла. Ах да...

Шагнув на лестничную площадку, он решительно перехватил у бородача носилки.

– Сам понесу... и поеду с ним. Я друг!

– Хорошо, только осторожно, – разочарованно буркнул коротышка-дверг.

Соседка за спиной благодарно всхлипнула. Восковое лицо Мицхаля над простыней дрогнуло, один глаз приоткрылся и лукаво подмигнул. Еще поживем!

Алексей Жуков ТЕНИ СЕРОЙ КОМНАТЫ

Сон ушел, но открывать глаза не хотелось. Однако тяжесть в голове лишь нарастала, вытесняя остатки тихого забытья. Будто холодный камень перекачивался в черепе, норовя проломить хрупкую кость.

Игорь оторвал голову от рук и огляделся. Пелена перед глазами колыхалась, как потертая пленка на ветру. Понадобилось время, чтобы она уступила вялому свету люстры, постепенно выхватывающему очертания комнаты.

А надо было? Игорь поморщился. Картинка, надоевшая до тошноты. Угловатый громоздкий шкаф, пара стульев у стены, стол с раковиной и плиткой в углу, помятый холодильник. А еще невнятного окраса диван, так и оставшийся в разложенном положении. Ну и, конечно, стол с компом да офисный стул, притащенный из родительского дома. И все это на тридцати квадратных метрах, оптимистично обозванных квартирой-студией.

Зато сдавалось за сущие копейки. Самое то для студенческой пары, откладываявшей каждый рубль на главное событие жизни.

Игорь помотал головой и встал из-за стола. Тяжесть из головы потекла вниз, разливаясь по телу привычным коктейлем из тоски и отвращения ко всему. Зато руки и ноги не затекли. Даже бессменное похмелье куда-то подевалось.

Сколько он так провалялся? Настенные часы не шли с момента заселения, а комп пребывал в зависшем состоянии с того самого дня. Но даже мысли не возникало его хотя бы просто перезагрузить.

Игорь подошел к окну и раздвинул ламели. Но за окном была лишь тьма. Совсем неудивительно для этого района, где фонари горели только возле полицейского участка.

А еще грязь, эта вездесущая грязь. Она расползлась по полу, забивала углы и маячила в каждой щели. Несмотря на то, что каждый вечер, на волне пьяного угара, он не расставался с тряпкой, пытаясь навести чистоту, которую так любила...

Неожиданно к тяжести добавилась слабость, и он машинально шагнул к дивану. Отпрянул только в последний момент, чуть не коснувшись помятой простыни, которой тот был застелен.

Нет и нет. Он ни за что не потревожит это место.

Вяло опустившись на стул, Игорь снова посмотрел в монитор. «Вордовский» файл по-прежнему закрывал весь экран, и лишь внизу желтело свернутое окно мессенджера. Он толкнул мышью, но курсор даже не сдвинулся.

Перезагружать комп по-прежнему не было желания, да Игорь и так помнил каждую строчку.

В тот день он тоже был поглощен текстом. Сценарий обещал выйти что надо, и один продюсер давненько намекал о намерении его купить. Да за такие деньги, что хватило бы и на медовый месяц, и на прочие радости семейной жизни.

Это не значит, что он не думал о Нине. Старенькая «Нокиа» лежала прямо перед ним, и после каждой строчки он всматривался в зеленый экран телефона. Номер он дал врачу скорой, как только его убедили, что опасаться нечего и налицо обыкновенный аппендицит.

Лишь случайно он заметил мигающее окошко мессенджера. Одновременно припоминая стертое в суматохе СМС от оператора об отключении за неуплату.

Голосовые вызовы в мессенджере он отключил сам. Не любил, да и микрофон сломался еще при переезде. Зато три сообщения ледяными гвоздями приковали его к стулу:

«Игорь, не могу до вас дозвониться. Ваш телефон не отвечает. Свяжитесь со мной!»

«Игорь, это срочно! У Нины серьезное обострение!»

И самое короткое и страшное:

«Нина умерла».

Потом было еще что-то про извинения, невозможность спасти, просьба приехать или дать контакты родственников, но это все слилось в мутную буквенную белиберду, не зацепившись в памяти ни единым знаком.

Зато Игорь прекрасно помнил, что сделал сам.

Он не стал отвечать доктору. Не поспешил ловить такси или попутку, не ринулся в больницу пешком. Не стал оплачивать телефон, чтобы перезвонить, и даже не переступил порог. Он просто подошел к двери, повернул три раза ключ и оставил его в замочной скважине. А потом открыл шкаф и вытащил тяжелый позвякивающий ящик.

Алкоголь, самый разнообразный. На любой вкус, чтобы убажить гостей на будущем застолье. Покупали по случаю: по скидке или акции, на скромный студенческий бюджет. И все равно не так много, чтобы разгуляться на широкую ногу.

Но для одиночного забега в алкомарафон, да еще человеку в этом деле неопытному – более чем.

Сколько времени прошло? Сколько дней? Девять, сорок? Были ли похороны? Игорь не знал. Внешний мир перестал для него существовать. Да и для мира он вряд ли был интересен. За все это время в дверь звонили лишь пару раз, да и то не слишком настойчиво. Хозяину он проплатил на полгода вперед. А эскулапы наверняка вышли на родственников Нины, не питавших к нему нежных чувств.

Неоднократно Игорь подходил к двери и тут же отступал, кляня себя за трусость. Он рвал на себе волосы, но не мог даже взяться за ручку двери. Так и ходил взад-вперед мимо накинутаго на зеркало пальто, пока не откупоривал очередную бутылку.

Мешковатая серая ткань полностью закрывала полуметровую овальную раму. Это единственное, что Игорь сделал из того, что вроде как полагалось. Хотя и это было скорее для того, чтобы не видеть свою опротивевшую физиономию.

Игорь подошел к ящику и пнул его – картонная коробка легко отлетела в сторону.

Он судорожно выдохнул и посмотрел на батарею пустых бутылок. Неужели все? А вдруг в какой-нибудь осталось хоть немного? Хотя бы на донышке? Парень даже припал на колени, вглядываясь в мутное, покрытое пылью стекло.

Но тут неожиданно скрипнул диван.

* * *

Лучи просачивались сквозь жалюзи, растекаясь по комнате плотным белым покрывалом. Свет, будто материя, ложился на стены и мебель, сглаживая углы и заполняя неровности. Даже измятое пальто, повисшее на зеркале, казалось в его бликах легким погробальным саваном.

Нина с грустью огляделась. Комната успела отпечататься в ее памяти в разных ипостасях. И эта, похожая на бумажный макет, на отпечаток ушедшего бытия, была не самой яркой.

Картинки поплыли перед глазами, отдавая ароматом былых эмоций. И Нина старалась задержаться на каждой, чтобы хотя бы тенью ушедших чувств заполнить внутреннюю пустоту.

Вот фото из объявления, заметно отретушированное и оттого привлекательное. Скепсис, неуверенность и исполненный энтузиазма голос Игоря, говорящего о необходимости хвататься за этот вариант.

Вот первое знакомство с квартирой, без фотошопа, с навязчивым запахом пыли и каких-то лекарств. Снова неуверенность, но порядком разбавленная радостью Игоря и заверением маклера, что жила бабулька, а перед сдачей обязательно наведут порядок.

Вот блестящие от влаги полы и дверцы шкафов, сияющая люстра. Саднящие мозоли на пальцах, покрытая испариной спина и тысяча неприятных слов в голове, обращенных в адрес лживого дельца.

Но самым ярким воспоминанием был потолок. Потолок над диваном. Мечущаяся по нему тень Игоря, звонящего в скорую. И острая, пронзительная боль, как паутина расползающаяся по всему телу.

Даже когда его заслонили силуэты в белых халатах, Нина продолжала видеть штукатурку, покрытую сетью мелких трещинок. Они

будто отражали режущую паутину внутри, вторя ее пронзительным импульсам. Картинку не спугнула даже вспышка операционной лампы. И только новый, особенно болезненный взрыв рассыпал видение, расколов «потолок» надвое и выпустив через разлом ровный белый свет. Точно такой, что заполнял сейчас эти стены.

Там же, в «разломе», пропала и боль. Пришла легкость, за воздушностью которой Нина не сразу заметила пропажи многих эмоций.

– Нина, – послышалось сзади. Голос был тих и спокоен. – Пора, Нина...

– Подожди. Еще немного.

Она присела на диван.

* * *

Нет, ему не послышалось! Он скрипнул!

На негнущихся ногах Игорь подошел к дивану. Простыня, аляповатая обивка – все как было. Но вот мятый «рисунок» изменился. Складки сместились, слегка разгладив сетку тканевых морщинок.

Игорь присмотрелся и в ужасе отпрянул. Он был готов поклясться, что обивка в том месте немного просела.

– Нина? – пролепетал он.

Нет, нет! Чуть какая-то! Игорь прошелся взад-вперед, сжав голову руками. Это все – нервы. Ему просто надо успокоиться. Выпить, срочно что-нибудь накатить! Он с тоской посмотрел на батарею пустого стекла.

Надо идти в магазин. Но переступить порог квартиры казалось чем-то невысказанным. Да и в кошельке было шаром покати.

Тогда Игорь вспомнил об аптечке. Вернее, о коробке из-под обуви, набитой ворохом лекарств. Она осталась от прежней обитательницы квартиры, и Нина все время норовила вынести ее на помойку. Хорошо, что он не позволил ей этого сделать.

Чего тут только не было. Вернее, от чего. И от насморка-простуды, и от желудка-кишечника, и от головы, и от задницы. Бабка явно любила похворать, но на нервы не жаловалась. Не было даже банальной валерьянки.

Игорь в сердцах бросил коробку и пнул ее: разноцветные коробочки рассыпались по темному полу. Тогда он вдруг вспомнил, что Нина и сама один раз залезла в аптечку, когда у нее были проблемы со сном. Правда, так и не решилась, хотя упаковка была даже не тронута.

Он обернулся. Коробочка все так же лежала на диванном подлокотнике, у стены.

Парень опасливо подошел и, схватив ее, быстро попятился. Прислонившись затылком к холодным обоям возле занавешенного зеркала, он посмотрел на упаковку.

Сильное снотворное. Без рецепта не купишь, да и найдешь не в каждой аптеке. На «колесах» бабка явно не сэкономила, покупая про запас.

Он вытащил из упаковки пузырек. Крышка прокручивалась – он не сразу вспомнил о «детской» защите. Хмыкнув, Игорь надавил, хрустнул пластиком, но повернуть не успел.

Пузырек чуть не выпал из рук.

Открыв рот, Игорь смотрел, как от дивана к нему приближается белый полупрозрачный силуэт.

* * *

– Нина?

Она отчетливо слышала, как кто-то позвал ее по имени. И это был не тот, кто стоял за спиной. Нина быстро распознала знакомый голос.

– Игорь? – прошептала она.

Ей так много хотелось ему сказать. Несмотря на легкость, мысли путались, и выстроить набор образов и слов в единую линию никак не удавалось. Сбивала и опустошенность, которую не взволновал даже его голос.

Нина жалела, что уговорила его остаться дома в тот день. Даже сквозь боль несла чушь о сценарии, который тот обязан написать. Отворачивалась от его жалобного взгляда, торопила врачей. Но не позволила ехать с собой. Теперь же сотни, пускай даже десятки важных слов так и остались несказанными и не услышанными.

Зачем она вернулась сюда? Надеялась его увидеть и сказать? Глупо. Они остались по разным сторонам от черты, которую переступают лишь раз.

Неожиданно она увидела тень. Черный силуэт возник лишь на миг, как вспышка, прорезав царившее в комнате белое марево. И Нина, поднявшись с дивана, направилась к нему.

* * *

Белый силуэт приближался.

Игорь боялся призраков, хотя упорно старался в них не верить. Списывал все на обилие мистической темы в своих сценариях. Но когда видишь такое, сомнений не остается. Особенно когда у призрака такие знакомые очертания.

– Нина... Ты... Ты пришла.

Зачем она пришла? Чтобы попрощаться? Сказать что-то важное? А может... а может, наказать его? За то, что так и не высунул носа из квартиры, когда она умирала?

Он упал на колени:

– Прости меня! Я не хотел! Но ты же сама не позволила мне ехать. Я же так любил тебя! Я бы не смог... Не смог посмотреть тебе в глаза.

Нет, она должна знать о его любви. Там все знают! Зачем тогда? А может, она стала заложником этой квартиры? Он читал и о таком. Неприкаянные души не могут покинуть стен, пока им не откроют окно в другой мир.

И тут его осенило. Зеркало! Вот почему она не может обрести свободу.

– Сейчас! – всхлипнул Игорь, поднимаясь. – Сейчас, родная! Я тебе помогу.

Игорь шагнул к зеркалу, сдернул пальто.

И обомлел.

Углы мебели, свет от люстры, даже нелепая обивка дивана уместились в овальном стекле. Призрак разве что пропал, но теперь Игоря это не волновало. Потому что в зеркале не было и его самого.

* * *

Неожиданно пальто соскользнуло с зеркала.

Нина вздрогнула. Аккуратно, чтобы не наступить на серую ткань, подошла и взглянула на свое отражение.

Бледное, осунувшееся лицо. Заостренные скулы, синяки под глазами. И еле-еле проступающий румянец.

Брат, стоявший сзади, не выдержал.

– Нина! – Он подхватил ее под руку. – Ты еще слишком слаба!

– Ты знаешь, Сережа, – сказала она, не отрываясь от зеркала, – я перед ним очень виновата.

– Брось, – ответил тот. – Это доктора напутали. Идиоты! Сначала с диагнозом, потом с карточками. Вот и настроили твоему суженому. Пока он тут развлекался. – Сергей с презрением кивнул на коробку с бутылками.

– Перестань. Знаю, ты его терпеть не мог. Но он не пил. Да и вообще с трудом переносил алкоголь.

– Ага, вот и нашел выход...

– Сережа!

Брат замолчал, виновато пожав плечами.

– Я не успела ему сказать самого главного. Вот моя вина.

– Что ты его любишь? – скривился тот.

– Наоборот. – Она вздохнула. – Что не люблю.

Сергей был против, но она все же уговорила привести ее сюда. Она ведь сама до конца не верила. Думала, вдруг обстановка квартиры всколыхнет что-то в душе. Но нет.

Когда после операции ушла боль, Нина неожиданно ясно осознала, что не любит Игоря. Вернее, что знала это давно, но боялась

признаться даже себе самой. Она смотрела на его суету, на приготовления к свадьбе, и не понимала, отчего на душе становится все тяжелее.

Игорь всегда был очень чувствительный и ранимый. Один раз, во время серьезной ссоры, он даже чуть не выпрыгнул из окна. Впоследствии Нина избегала конфликтов и старалась не задевать его тонкую натуру. И не заметила, как любовь превратилась на жалость. В итоге внутри натянулась тугая пружина, которая, сорвавшись, отбросила ее прямо на операционный стол.

– Прости, – прошептала она.

* * *

Он машинально открутил крышку, уже зная, что увидит.

Да. Банка была пуста.

Воспоминания, как рваная газета на ветру, закружили вокруг.

Страшная новость. Закрытая дверь. Глоток алкоголя, другой. Отвращение. Сорванная крышка. Горсть таблеток на ладони. Мрак.

А потом четыре стены, и вера в то, что он просто пьян.

Что там было о неприкаянных призраках?

Он бросил пузырек и побрел к входной двери. Не трогая ключа, дернул за ручку. Та беззвучно поддалась.

В проеме стеной стояла тьма. Густая, холодная, пропитанная тяжелым запахом небытия.

Да, лучше небытие, чем оставаться в этих стенах. Лучше исчезнуть, чем еще раз пройти через это.

Игорь шагнул за порог.

Уже растворяясь во мраке, он осознал свою ошибку.

Сон ушел, но открывать глаза не хотелось. Однако тяжесть в голове лишь нарастала, вытесняя остатки тихого забытья...

Игорь Дьячишин ФАНАТИЧКА

Когда меня, сканируемую множеством датчиков, спросили: «Окс, зачем ты это сделала?», я ответила: «Я ненавидела его и сейчас ненавижу. И боялась, что вы решите оставить его в живых».

«Окс». «Ты». Внешние даже тут не соблюдают того официоза, которого все еще придерживаемся мы. У них просто давно нет ничего подобного. Посредница между мной и ИИ по имени Ольга была здесь по большей части ради моего комфорта – для того, чтобы задавать вопросы, было бы достаточно радиосвязи. Как много читали датчики и она по моим ответам, мимике, жестам, активности мозга? Я уверена, что цифровая Богиня, хоть и не могла чувствовать и помнить в точности как я, читала качественный перевод с языка оригинала.

Все еще думаю, что это слишком большая честь для меня – то, что моим делом в рамках пилотной программы по реформированию правосудия занимаются Внешние. Пока что немногие такого удостоиваются.

Мне было куда спокойнее, чем я ожидала. Как именно это достигается? Я не знаю. Все это было очень непохоже на знакомую мне следственную работу.

Нам в нашем переходном периоде еще так далеко до общества Внешних! Два столетия породили огромную разницу. Наши идеологи пугали нас страшилками о безбожных социалистах-машинопочклонниках. Да, общественное устройство Внешних можно назвать разновидностью социализма – правда, это очень старомодное и часто неверно толкуемое понятие. Да, Внешние больше не верят в сверхъестественное, включая богов в старом понимании этого слова. Правда, население внешнего общества неправильно называть машинопочклонниками – они уже давно единое целое с машинами, или Богиней, как временами называют сеть, в которую все соединено.

Но их социум – вовсе не ад. Социализм Внешних, а не дряхлые старые уклады – настоящее спасение и шаг вперед для человечества, в этом я уверена. И даже будучи соединенными с Богиней, каждый член общества Внешних сохраняет свою индивидуальность.

Жаль, что Вмешательство произошло так поздно. Влиятельная часть Внешнего общества очень долго давала Старому Миру свободу выбора пути, до тех пор, пока очередная большая война не привела к новой революции. Они решились помочь восставшим.

Я рассказывала Ольге, как жила четырнадцать лет до Вмешательства. Вишневецкая Оксана, девочка-аристократка, желавшая другой жизни. Об отце, избивавшем меня и мать. Как негодовала из-за рабской покорности матери, призывавшей и меня к тому же. И конечно, о том, что мне с рождения была уготована судьба жены магната Стеклова. Даже о том, как зачитывалась книгами, и запрещенными тоже, предавалась мечтам, втайне пыталась сама писать, старательно подражая стилям любимых авторов.

Революция смешала правящим классам все карты. Отец сбежал в ужасе, и я думала, что больше никогда уже не увижу его живым. Меня и мать едва не убили при штурме усадьбы. Низы горели ненавистью к бывшим носителям привилегий – и я не виню их. Однако Внешние то и дело предпринимали меры к удержанию движения от излишней, по их мнению, жестокости. Это и спасло нас с мамой. Я была благодарна и в то же время чем дальше, тем больше стыдилась того, что осталась в живых. Да, мы тоже были жертвами. Но при этом мы еще и жили за счет чудовищных страданий простолюдинов. Я все больше понимала, что коллективная вина привилегированных верхов лежит и на мне.

Я то и дело сталкивалась с косыми взглядами из-за происхождения, но принимала это как должное.

Я выбрала путь стража порядка новой страны. В Академии я узнала, что даже наше новое право еще совсем не то, что есть во Внешнем обществе. Действующая у нас до сих пор правовая система весьма архаична и содержит лишь отдельные элементы нечеткого сеть-права. Внешнее общество в куда большей степени сетевое и полутоновое – во всех областях.

Две характерные черты – сети и нечеткость. Не черное и белое, а множество оттенков и сложные связи элементов, составляющих разнообразные структуры.

Законодательство и этика Внешних – системы с множеством параметров, условий, не простые архаичные кодексы.

Люди сами по себе не могли в должной мере уместить их в своих головах. Подключившись к общему ИИ, они стали единым с Богиней. Они – часть Богини. Ее сетевая мораль – их мораль. Ее право – их право. Ее знания – их знания. Кто-то, несмотря на связь, остался очень автономным. Другие решили вообще потерять индивидуальность. Большинство распределилось где-то между двумя этими полюсами.

Мы пока что другие. Примитивные своды правил (несмотря на то, что они, даже будучи простыми для восприятия, на протяжении всей истории то и дело вызывали смутное отторжение у человеческого мозга, по своей природе представляющего собой сложную сеть).

Очень плавное, дабы смягчить культурный шок, внедрение новых технологий, так долго запрещенных – в том числе тех самых продвинутых молекулярных сборщиков, больше двухсот лет назад сделавших абсурдность Старого Мира еще более очевидной и породивших раскол на Старый и Внешний миры. Старый Мир через довольно непродолжительное время отказался от всяких попыток разрушить новое сообщество военным путем – когда такое соперничество стало явно не по зубам. Мы жили по большей части изолированно, деградировав технологически, при этом Внешние по своей инициативе смягчали как могли негативные климатические изменения, занимались экосистемной инженерией и делали еще кучу других важных вещей. Мы оставались в пределах Земли, тогда как они продвинулись дальше в космос. И вот разделению начал приходить конец.

Прогресс дороже моей жизни. Я должна служить ему. За мое рвение меня прозвали «Фанатичкой». Рука закона, беспощадная в служении новой революции.

Но я оступилась.

Неожиданно объявился мой отец. Оказалось, что именно он был лидером одной из крупных контрреволюционных организаций – «Завета».

Как я и сказала Ольге, я убила его, так как боялась, что он получит слишком мягкое наказание.

Несколько злоупотреблений полномочиями с моей стороны – и я вместе с двумя охранниками стояла в его камере в следственном изоляторе и смотрела, улыбаясь, ему в глаза:

– Привет, гнида.

Мы зафиксировали его. Затем я стала медленно прогревать его внутренности мазером так, чтобы этот урод умер, хорошенько помучившись. Мы оставили ему возможность говорить. Он, пока мог, умолял, проклинал, просто орал от боли – разогреваемое микроволновым излучением мясо и кости. Я это все детально описала Ольге. Порой во время рассказа она едва скрывала отвращение, но продолжала слушать. После беседы Ольга удалилась на пару минут.

Вот она снова заходит ко мне в комнату.

– Окс, я хочу предупредить тебя...

– Пожалуйста, говорите сразу и начистоту, Ольга.

– Ты переезжаешь. – Улыбка. – Твоя карьера здесь закончена. Ты очень скоро будешь жить во Внешнем мире.

– Я не понимаю. Что все это значит?

– Собирай вещи, если хочешь что-то взять с собой. Поезд до Основного Нева-полиса завтра, в два часа дня. Просто пройдешь скан на входе на вокзал и сядешь.

– Это что, и есть мой приговор?!

– Часть его. Пройдешь операции по вживлению стандартных имплантатов, какое-то время будешь находиться под наблюдением, с деталями будем определяться по ходу дела. Более подробная информация уже у тебя в личке.

– Я убила человека, которого должны были судить! Я виновна!

– Я уже огласила судебное решение по твоему делу.

– Это смешно! Разве ЭТО – наказание?

Ольга вздыхает.

– Окс, может, ты и впрямь фанатичка, но мы – не фанатики. Мы постарались учесть как можно больше обстоятельств и пришли к тому, что мы переселяем тебя. Тебе не место ни в здешних органах правопорядка, ни вообще в этом обществе. Будешь привыкать к новой жизни, посмотрим, что из этого выйдет.

– Но почему?

– Мы не можем как следует объяснить тебе. Наверняка сама понимаешь это. Без подключения как у меня не сможешь полностью понять. Знаешь, на самом деле, когда мы говорим, что понимаем подобные вещи, мы просто в чем-то на время становимся другими. Не собой, а чем-то большим, «я плюс облако». Можно сказать, что на самом деле никто из нас по отдельности как следует и не понимает.

Часть меня упорно не хочет сдаваться.

– Что, если я не подчинюсь?

– Тогда мы проведем принудительную нейрокоррекцию личности, и новая ты покинешь это место уже совершенно добровольно. Слушай, Окс, мне бы правда не хотелось, чтобы дошло до этого. Пожалуйста, постарайся измениться сама.

Я думаю: что, если я сейчас брошусь на Ольгу и попытаюсь убить, чтобы заработать настоящее наказание? Они наверняка знают, что я думаю об этом, несмотря на то, что большая часть датчиков уже отключена. В том числе и сама Ольга знает.

Черт!

– Ладно, пусть будет по-вашему.

Знали ли они заранее, что я не решусь причинить Ольге вред? Насколько точно предсказали мое поведение? Я не верю, что они не знали наперед.

Я неожиданно понимаю, что плачу – впервые за несколько лет. Облизываю соленые губы, будто желаю распробовать как следует вкус собственных слез.

– Это пока все, Окс. Я скинула тебе свой контакт в личку. Если захочешь, можешь написать мне. Пока. – Она чуть заметно устало улыбается, встает с кресла напротив и выходит.

Я и впрямь фанатичка. В своей неспособности быть более гибкой я подобна активистам прекратившего существование «Завета».

Наверное, мне действительно пора меняться.

Елена Макаренко ЛАХЕЗИС

Покосившаяся, почерневшая от времени избенка примостилась на околице. Только и осталось жильцов в ней – баба Клава да кот Маркиз. Не то что раньше, когда маленькая Клавочка вместе со своими многочисленными сестрами и братьями усаживалась за стол, во главе которого непременно возвышался отец с ложкой наготове. Лишь после того, как он первым черпал кашу из чугунка, заботливо поставленного женой в центре, ребятня набрасывалась на еду... Да что там вспоминать старое, когда в деревне осталось три жилых дома. Остальные либо держались из последних сил, либо вовсе рухнули и поросли травой.

Баба Клава, скрюченная и древняя – под стать своему дому, сидела у окна и пряла веретеном собачью шерсть, которую ей наменила соседка. Кот, больше похожий на пушистый рыжий ком, привалился к теплой печи и мурчал о своем.

– Маркиз, почто гостей намывал? Вечереет, а нет никого. Я Анфису второй день как жду. Обещала приехать, да не одна – с женой. Видно, задержалась в этом своем городе. Все дела у нее, дела. И никак в толк не возьмет, что самое важное дело – это бабушке Данилу своего показать. Ох, Маркиз, чую я – не того она парня выбрала.

Кот зевнул, лениво поднялся и прошествовал к блюдечку с молоком, стоящему рядом с умывальником. В сенях послышались шаги, дверь распахнулась, и высокий порог перешагнула улыбающаяся девушка в дубленке нараспашку. На ходу сбросив сапоги, она устремилась к старушке и сжала в объятиях:

– Бабуленька, любимая! Как я соскучилась!

– Анфиса, задушишь ведь. Пусти. Дай хоть взглянуть на тебя, краса моя.

Девушка опустилась на корточки и положила голову на колени старушке.

– Худенькая совсем, пальчики что прутики, – приговаривала баба Клава, наглаживая внучку. – Пожила бы у меня. Я бы тебя откормила. У бабки Мани коровушка молока много дает. Ох какие темные волосы у тебя стали. То ли совсем я без памяти, то ли масть меняешь.

– Скажешь тоже! – засмеялась девушка. – Сейчас в любой парикмахерской масть за час меняют. Но я волосы не крашу. Ты просто давно меня не видела.

– А где жених? Неужто одна приехала?

– Даня ищет, где машину поставить. Мокрый снег пошел, дорогу развезло. Он не смог к дому подъехать.

– Анфисушка, чует сердце недоброе. Сейчас все больно свободные стали. А что – не гуляющий ли твой Даня?

– Бабуля, да ты ведь даже не видела его! – Девушка приподнялась и провела рукой по бабушкиным волосам. – А вот твою седину можно покрасить. Сразу станешь молодой и забудешь думать о всякой ерунде.

В дверь постучались.

– Да заходи уж, – сказала старушка.

– Добрый вечер, баба Клава, – поприветствовал хозяйку высокий светловолосый парень.

Старушка оценивающе глянула на гостя.

«Ишь ты – гусь, грудь колесом, подбородок аж до потолка задрал. Знает себе цену», – подумала она, а вслух только и сказала:

– Кому баба Клава, а кому и Клавдия Степановна.

– Бабуля, ты так гостя с порога запугаешь. – Анфиса подошла к парню и обняла за шею. – Лучше, как в той сказке, накорми и спать уложи.

– Так кто ж вам не дает? Картошка в печи, чай недавно заварен. Ешьте на здоровье. А вот спать отдельно вас положу. Когда поженитесь – другой разговор. А пока выбирайте: кому – кровать, а кому – на печку лезть.

– Бабуля, я на печку! – радостно воскликнула Анфиса. – Это с детства мое место.

Баба Клава поставила на стол горячий чугунок и отправилась в свою комнату, обернувшись напоследок:

– Долго тут не сидите, гасите свет и укладывайтесь. Завтра как рассветет на мост пойдете.

– Какой еще мост? – Даня с недоумением взглянул на Анфису.

– А, это такая традиция. Жених должен свою невесту на руках через мост перенести. Бабушкины сказки! – Девушка засмеялась.

– Если жених верный и надежный, все будет хорошо. А если нет... у-у-у, дело дрянь. Бабуля первое, о чем спросила: не гуляющий ли ты? Всю жизнь слышу от нее, что в нашей семье выходят замуж раз и навсегда.

– Ты что – веришь в эту ерунду? Ну, в смысле, про мост!

– Верю, не верю, а бабулю расстраивать не стану. Ну что, тебе трудно меня на руках поносить? Мостик-то маленький совсем, через ручей. Здесь идти минут пятнадцать.

– Да нетрудно, конечно... если так это важно.

Лежа в кровати, Даня быстро просматривал на экране телефона списки контактов в сетях.

«Как-никак женюсь. А значит, досвидос, мои вчерашние подружки», – думал он, проверяя, не забыл ли удалить девчонок, с которыми еще недавно его связывали отнюдь не дружеские отношения.

Он уже собирался выйти из Интернета, когда пришло сообщение от Светы:

«Данечка, скучаю! Что ты делаешь на следующей неделе? Можем встретиться!»

Анфиса наблюдала за женихом, отодвинув край занавески на печи. Ее серые глаза сузились и потемнели.

«Е-мое, Светка... – Даня почесал затылок. С экрана смотрела на парня круглолицая сероглазая блондинка. Глубокое декольте, будто случайно попавшее в кадр, обещало удовольствие. – Ну вот, блин, и чё делать? Может, на прощание? Ладно, завтра отвечу».

Утром гостей разбудили голодные вопли кота и скрип половиц, по которым из угла в угол шныряла баба Клава. Поели наспех, молча. Только когда вышли на улицу, Анфиса махнула рукой в сторону леса:

– Туда пойдем.

– А Клавдия Степановна дома останется?

– Да. Чего она там не видала?

Вчерашний снег растаял за ночь, оставив после себя грязную жижу, по которой предстояло идти до ручья через поле.

– Анфиса, а нам точно нужен этот мост?

– Точно.

– Ты какая-то неразговорчивая. Что случилось?

– Все нормально. Просто холодно. Серое все. То ли дело летом. Красиво здесь... Надо торопиться. Такое ощущение, что скоро дождь пойдет.

Мостом через ручей, отделявший поле от ельника, служили три старых посеревших бревна. Анфиса ловко запрыгнула на подставленные женихом руки. Даня аккуратно ступил на бревна и успел сделать всего два шага, когда вдруг почувствовал, какой легкой стала невеста. Он увидел, что держит в руках одежду Анфисы, из которой выскользнула черная змейка, через мгновение оказавшаяся на другом краю моста. Даня оцепенел. На противоположном берегу ручья к мосту ползли змеи, коричневые, черные, сероватые, но непременно с зигзагообразным рисунком на спине. Парень смотрел на стекавшихся со всех сторон гадов и не мог пошевелиться. Когда берег уже кишел гадюками, над ними поднял голову большой черный змий с круглыми желтыми глазами. Он разинул пасть и зашипел, но Дане почудилось, что в этом нечеловеческом звуке слышны слова:

– Жених, тебе не кажется, что ты выбрал не ту невесту? Может, эта больше сгодится?

На мост выползла серая змейка. Она подняла голову, устремив на парня неподвижный взгляд. Даню затрясло. Змейка скользнула к его ногам и юркнула в касавшийся бревна рукав Анфисиной дубленки. Парень швырнул вещи, которые все это время держал в руках, и стал исступленно топтать их. Бордовой блестящей лужей потекла из одежды кровь, и, будто чем-то наполняясь, начала приподниматься дубленка невесты. Даня зажмурился, а когда разжал веки, увидел лежащую на мосту Светку, одетую в Анфисины вещи. Застывшие глаза девушки смотрели в небо. Она не дышала...

Баба Клава заботливо обтирала мокрой тряпкой горячий лоб внучкиного жениха. Даня лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал, то и дело пытаясь стащить с себя одеяло. Но старушка каждый раз терпеливо укрывала его.

– Ишь ты, как Анфиска над тобой потешилась. Хотя какие тут шутки. Мог бы ты, хлопец, не вернуться с того моста. Знать, любит она тебя сильно, коли жребий не на тебя пал. – Баба Клава приподняла голову парня и поднесла к его губам кружку. – На-ка вот, попей отвари. Враз опустит. Сейчас уснешь, а утром встанешь как новенький.

Кряхтя, старушка поднялась на ноги и тут увидела, как выгнул спину и ошетинился Маркиз, уставившись на дырку в крышке подпола. В отверстие, сделанное когда-то для кота, вползала черная змейка. Кот уже приготовился к прыжку, но окрик хозяйки остановил его:

– А ну-ка, стой, паршивец! Я те дам! То ж свои! – И, обернувшись к замершей змейке, баба Клава продолжила: – Нагулялась, егоза? А я суженого твое выхаживаю. Прибежал сам не свой. Видать, заслужил, коль ты так с ним. Иди уже спать.

Змейка скрылась за печкой, а Маркиз зевнул и разлегся на полу.

* * *

Лес задумчиво кивал голыми ветвями вслед летящему в сторону большого города черному автомобилю. На пассажирском сиденье полулежал Даня. Анфиса внимательно смотрела на дорогу, хоть и выучила за последние годы все резкие повороты.

Даня делал вид, что дремлет, но уснуть ему не удавалось. Он в который раз прокручивал в голове события двух дней. Сегодня утром болела голова, и он еле встал с кровати. Анфиса сказала, что, когда у него поднялась температура, он бредил. Значит, весь этот ужас на мосту ему привиделся? Но как объяснить, что пару часов на-

зад он не смог удалить Светкины сообщения, потому что не нашел их? Как не было и самой Светки, ни в списке его контактов, ни среди друзей его друзей – ее не было нигде. Он попробовал обратиться к общим знакомым с просьбой дать ее телефон, но те ответили, что он, видно, напутал, и никакой Светки они не знают.

Из динамиков раздался голос «Мумий Тролля»:

*Мы как будто бы были знакомы,
Но забыли, куда нам писать, куда выслать цветы...*

Здравствуйте, призраки завтра...

Женщина, твой ядовитый укус – роковой...

Даня открыл глаза и взглянул на невесту:

– Ты что – волосы покрасила? Они будто почернели.

– Нет, просто масть сменила, – усмехнулась Анфиса. – Так бабушка говорит.

Девушка провела рукой по волосам, приглаживая их, и Даня заметил кольцо в виде змеи, обвившейся вокруг среднего пальца.

– А это что за змеюка у тебя? Там какие-то буквы?

– Кольцо. Бабушка подарила, сказала, что это подарок на свадьбу. Мол, у нас в роду оно по наследству передается, от бабушки к внучке. Сказала, что коли я решила замуж за тебя пойти, значит, ты мой суженый, и это навсегда. – Анфиса пристально посмотрела на жениха, сузив потемневшие глаза. – На кольце написано: «Лажезис». Это латинское название змеи бушмейстер, гадюка такая в Южной Америке. Из ее яда гомеопаты лекарство делают. А еще Лажезис с древнегреческого переводится как судьба – одна из трех сестер-мойр, которая решает, насколько длинной будет жизнь человека...

Нина Тiайлаху Беляева ХОЧУ СВОЕ ИМЯ!

Рассказчик Некто К

Кто ж не знает: получаешь новые Возможности – утрачиваешь старые Способности. Раз ты в силах рукой разрезать живую плоть – выпадут у тебя в одночасье зубы. Все. Безвозвратно. Коли ты одним взглядом можешь повалить на землю крепкое дерево – попрощайся с правой рукой. Повиснет плетью, никакие лекаря не помогут. А если вышло так, что звуки твоего имени способны остановить у человека сердце – попрощайся с мыслью о наследнике. Потому что никогда его у тебя не появится.

Наши-то деревенские это ой как на себе испытали. Прежде деревня звалась Нектаринкой, но когда от повторения названия усохли и персики, и абрикосы, стала она просто Деревней, Деревенькой. А у жителей, чтобы не нарваться на неназываемых, отобрали имена, заменив их для порядка на Некто А, Некто Б, Некто В... Благо хватило букв в родной азбуке.

С чего, говорите, заварилась такая каша? Ну, тут не обошлось без волшебника. Злого? Чародей нам достался на диво порядочный, мухи не обидит. К нуждам простых прислушивался, высших чинов – тем более. Погоду там подправить, помочь срубить непослушное дерево, поговорить со скворцами, чтобы сады не обносили. Да у Руммиуса даже прозвище было Смирный.

Автор не-Некто

Природа, которой следует отдыхать на детях, в случае с Руммиусом не оказала себя новаторски. И сын, и дочь, не в пример отцу, выросли буйными неучами, сущими скотами. Книги для волхования были разодраны в клочья; осколки реторт в отцовской лаборатории мозаикой устлали полы; у магических существ стараниями парочки недоставало то хвостов, то ушей, а то и чего другого.

Занятый профессиональными обязанностями, волшебник все же не оставлял попыток приобщить к знанию молодое поколение. Результат не заставил себя ждать. Во время ежегодной осенней ярмарки отпрыски были застигнуты за продажей темным селянам еще более темных по происхождению и составу снадобий от невзгоды, непогоды, непухи, недорода и прочая, и прочая якобы из запасов дипломированного отца. Недоверие покупателей поганцы побивали беспроигрышной формулой: «Имея А, никогда, ни при каких условиях не получишь Б». Под А понимались пузырьки с чудодейственными свойствами, под Б – невзгоды, непогоды и прочая, и прочая.

В праведном гневе родитель на высоких тонах осведомился, знают ли поганцы о действительной силе воздействия заклинания. Поганцы не знали. Отец не замедлил продемонстрировать действие формулы на конкретных примерах случайных прохожих. Получивший способность летать с этого момента превращался на земле в инвалида-колясочника; лозоходец, указывающий места подземных вод, не мог пользоваться запасами воды, исчезавшей из его наполненной фляги.

Демонстрация отрицательного опыта, против ожидания, вызвала у окружающих бурю восторга. Всем вдруг до смерти захотелось парить в небесах, гулять по песочку глубоко под водой, замораживать птиц на лету... Махнув рукой на человеческую глупость, Руммиус за умеренную плату наделил просимым жителей своей деревни. Очереди у его жилища не прекращались до тех пор, пока он не выдал дочь замуж в буквальном смысле куда подальше. Покончив с сим затратным мероприятием (то есть свадьбой), Смиренный поставил сына перед необходимостью зарабатывать на хлеб средствами, далекими от волшбы, сиречь ведением подсобного хозяйства.

Незаметно летело время, и вот уже не к деду (да упокоится он в небесах или где еще?), а к дяде постучался молодой человек, внешне слегка напоминавший ему себя в юные годы. Просьбу племянника усовершенствовать его колдовские навыки давно отошедший от дел дядя отсек на корню. Чему он мог научить юношу, который сумел добраться сюда аж из Верхляндии, передвигаясь по воздуху (правда, по признанию ходока, невысоко над землей)!.. Странно, как парень вообще чему-то научился в доме, где волшба была под запретом, а пределом мечтаний родителей было место постельничего для отрока при дворе местного герцога. В отличие от самого отрока, метившего в волшебники.

– Ты хоть понимаешь, куда пришел? – не приветливо поставил дядя очередной вопрос ребром перед вновь обретенной родней. – Ты что, хочешь стать нормальным волшебником в ненормальной деревухе?

– Почему сразу ненормальной?

– Да потому, олух, что ее жителям ничего не надо! Каждый из них уже получил по таланту и сполна расплатился за это с твоим дедом!

– Так не бывает...

– И это я слышу от внука Руммиуса Смиренного! Да, случай из ряда вон, но взял и случился.

Далее последовал рассказ о происшествии многолетней давности.

– Ну, понял, недотепа, что тебе нечего здесь делать?

– А может, стоит разрушить заклятие и начать жить как прежде?..

Рассказчик Некто К

Парень-то в корень смотрел. Видели бы вы, что в бывшей Нектаринке творилось! Мечтатели крепко состарились, в небесах мельтешили бескрылые иссохшие фигурки, жалости достойные. Один старичок так и заснул, сидя на дне реки, и непонятно было, временно или окончательно: срок жизни чудеса Руммиуса не удлиняли.

Молодежи тоже солоно пришлось: из боязни заразы ходить в другие деревни нектам запрещалось под страхом смерти. Их уже и никтами ославили. От некто до ников один шаг. Вот они пачками и валили куда глаза глядят, и ухаживать за немощными стало некому.

Автор не-Некто

Выдавая себя за любителя народных сказаний, Инимэтриус записывал все, что слышал, методично обходя двory жителей. Как оказалось, жили двойной жизнью: высокой, из внезапно осуществленной мечты, и низкой – повседневной, лишенной материальности (рук, волос, детей...). Тихая кончина – вот что маяком светило угасающим фантазерам.

На исключение из исключений набрел исследователь в поисках выхода из тупика странной деревни. Им оказалась молоденькая девушка, с которой он столкнулся нос к носу, рассеянно бредя по воздуху (правда, невысоко от земли). Удивлению обоих ходоков не было предела. Девушка с именем Некто Е – Ини уже вошел в курс дела о получении имен – выглядела слишком молодой для жертвы эксперимента его деда.

- А я просто захотела ходить побыстрее, вот и получилось.
- Куда же вы так спешили?
- Помогать нашим стареньким, ведь о них совсем некому печься.
- Ничего себе! – удивился начинающий волшебник. – А я смогу, как ты (перехода с вы на ты никто не заметил)?
- Да ты и так ходишь по воздуху, хоть и не из наших.
- Я не о том. Смогу ли я загадать желание, чтобы оно исполнилось? Вот ты, например, чего бы больше всего хотела?
- ХОЧУ СВОЕ ИМЯ!
- ...И в его голове всплыло: «Иниана Мэй».

Тщательно изучая оставшиеся от бабушки волшебные книги, молодой человек пришел к неутешительному выводу: перебороть заклятие Руммиуса способно только одно озвученное желание. Какое? Чье?

В последние дни ему больше всего хотелось видеть Иниану Мэй, как он в мыслях называл девушку, способную ходить по воздуху. Видеть. Сидеть, болтая ногами в речной воде. Заглядывать украдкой в глаза. Собрать для нее водяные лилии. Он знал, что любовь эгоис-

тична. Выбрав одно желание для Нее, не предаст ли он тем самым дело жизни – исправить промах Смиренного?

Их все чаще видели вместе. Наконец пошли слухи о скорой свадьбе. Ини решил, что его свадебным подарком ей станет Имя. Девушка с именем Некто Е превратится в его Иниану Мэй.

Рассказчик Некто К

Свадьбу приезжего назначили на самое что ни на есть подходящее время. Осень! Красота-то какая! Багряные листья что твой ковер, речные камешки блестят под ногами. А цветов, цветов!.. Ветрено было, правда.

Никто молодым зла не желал, наоборот, радовались за невесту. Такая она милая, обходительная, старички и старушки, которых она кормит и обихаживает, ей цены не сложат. Но вот беда-то: не успели дойти до храма, как одну из сухоньких тетушек-летуний, опекавших невесту, подхватило ветром. Зацепилась, бедолага, широкой юбкой за ветви граба (оправдывает, гад, свое имечко!). Ну, процессия, понятно, расстроилась. Кто-то из небесных тихоходов вызвался помочь. Но не понадобилось. Бац! – и летунья от ветра на землю спикировала. Я, братцы, смерть увидел – она из ее глаз глядела. У всех, конечно, слезы. У невесты тоже. А жених... Смотрел-смотрел, вдруг забормотал что-то – и тетушка как очнулась, как заулыбалась. Он ее из мертвых поднял.

Автор не-Некто

Инимэтриус теперь в деревне уважаемый человек. Солидный. Услуги волшебника требуются каждому: то дождь унять, то верную дорогу в путешествии указать, то со скотиной помочь.

И у жены его дел хватает. Только зовут ее не Иниана Мэй...

Тогда, над умирающей, Инимэтриус высказал единственное желание, рискнув вывернуть формулу наоборот: «Имея здоровье, никогда, ни при каких условиях не получишь крыльев». Сработало! Уничтожено дедово колдовство над всей деревней!

Да, его жену зовут не Иниана Мэй. К ней, как ко всем жителям деревни, вернулось прежнее, давно утраченное имя – Саланка. Вот так просто – Саланка.

Деревья теперь валят не силой взгляда, а обычным топором; путешествиям по морю яко посуху пришел конец; не видно и бескрылых небесных бродяг.

Но все упорнее в бессонные ночи одолевают Инимэтриуса раздумья: дар Руммиуса Смиренного людям – подарок или промашка? Благо или зло?

Дмитрий Данилов НЕ ВСЁ ТО БОГ, ЧТО...

Где-то за одной из закрытых дверей, выходящих в коридор, опять замурлыкал телефон. На него не реагировали, но он как голодный кот продолжал настойчиво требовать внимания. Рядом включился сетевой принтер, и Аркадий со смесью отвращения и любопытства принялся наблюдать, как из недр аппарата вылезает огромная таблица, заполненная цифрами и неведомыми сокращениями. Подроспевшая секретарша в просвечивающей белой блузке сорочьим движением выхватила бумагу у Аркадия из-под носа и упорхнула.

Внезапно дверь, на которую Аркадий уже два с половиной часа бросал тоскующие взгляды, распахнулась, и из нее вышел лохматый бородатый человек в очках и рубашке в красную клетку. За ним поспешным шагом следовал человечек в элегантном костюме.

Аркадий подскочил:

– Алексей Алексеевич!..

Бородатый не обратил на него внимания.

– Вот я и говорю, – видимо, продолжая важный разговор, обернулся он к элегантному, – тиражи сокращать нельзя. Мы сейчас внедряем новую маркетинговую стратегию. Плюс будем открывать свой собственный магазин. Без посредника, напрямую! – Он рубанул рукой воздух.

– Но выплаты... – попытался выдвинуть робкое возражение элегантный.

– Так вот вы и объясните банку, Николай Абрамович, что все вернется сторицей, потребуйте реструктуризации кредита. На то вы и ответственный по финансовой части. Сделайте так, чтобы с выплатами они подождали.

Человечек замедлил шаг, собираясь с мыслями, и Аркадий воспользовался этой паузой. Он обогнал главреда и снова попытался привлечь его внимание:

– Алексей Алексеевич!..

Тот метнул на него взгляд, и Аркадий сбивчиво затараторил:

– У вас моя книга «Новое старое красное», Алексей Алексеевич... Помните?.. Там еще такой персонаж – Авгур Иванович... Он сельский поэт и... устав от грубости мира... от жестокости мира... он идет... в общем, он попадает случайно на космолет инопланетян и оказывается на красной комете...

– Кто вы такой? – Главред остановился так резко, что Аркадий, сделав по инерции еще несколько шагов, вынужден был торопливо вернуться.

– Я? – заливаясь краской смущения и досады оттого, что его не узнали, переспросил он.

Главред смерил его взглядом из-под круглых линз. На лице элегантного, тоже остановившегося, было написано возмущение тем, что у него перехватили начальника.

– Я – Змееносец... – сказал Аркадий и замотал головой, видя, как на лице главреда появляется нетерпеливое выражение. – То есть Аркадий Семенов. «Змееносец» – это мой литературный псевдоним... Я хотел узнать...

– Вы – автор? – спросил главред и вновь зашагал по коридору, заставив Аркадия и Николая Абрамовича сорваться с места.

– Да! – обрадованно заявил Аркадий. – Я...

– Тогда обратитесь к редактору соответствующего отдела, – перебил его бородатый, не снижая скорости.

Коридор был узкий, и для Аркадия и элегантного гонка преследования превратилась в бег с препятствиями. Они огибали стоящие вдоль стен факсы и принтеры, перепрыгивали через картонные коробки и зорко следили за закрытыми дверями на своей стороне коридора, готовые в любую секунду увернуться от удара.

– Я уже обращался, – произнес на ходу Аркадий. – Он сказал, что моя рукопись не принята. И потому я хотел лично... – он перепрыгнул через очередную коробку, – узнать ваше мнение. Я вам ее отправил два месяца назад на электронную почту... Я уверен, если вы мне дадите указания... хотя бы намек... я смогу привести ее в соответствие...

Главред вновь резко остановился и взялся за ручку двери, на которой золотом по черному было выведено: «Конференц-зал». Обоих его спутников унесло вперед инерцией.

– Алексей Алексеевич! – издал отчаянный возглас элегантный коротышка, торопясь перехватить шефа до того, как тот исчезнет за дверями.

Но шаг у Аркадия был шире, и он подоспел первым.

– Я уверен, это будет бестселлер! – выкрикнул он почти угрожающе.

– Молодой человек, – строгие глаза под очками приняли отеческое выражение, – работайте, и у вас все получится.

Дверь за главредом захлопнулась, заставив элегантного испустить вздох, близкий к стону и с ненавистью оглядеть Аркадия. Тот не заметил, удрученный. Это была его четвертая редакция за последние два дня.

* * *

На улице было холодно, моросил дождь, но Аркадий не замечал этого. Он шел с непокрытой головой, оставляя позади квартал за кварталом. В таких случаях полагалось выпить, но у Аркадия совершенно не было денег. Подработка набором текстов кончилась еще две недели назад, а публиковать его творения отказывались как журналы, так и издательства.

Течение мыслей Аркадия принимало все более и более удручающее направление, и он даже не обратил внимания на то, что его окликнули:

– Аркаш!.. Эй!..

Перед ним вырос какой-то бугай в кепке и радостно улыбался.

Сердце у Аркадия екнуло.

«Опять гопник», – подумал он, хотя с пустыми карманами ему, в общем-то, нечего было бояться.

– Из... извините, – растерянно пробормотал он и попытался обойти бугая.

Но тот не отставал.

– Да ты чего, Аркаш?! Это ж я – Женька Девятов! Ну, ты даешь!.. Что с тобой случилось?

Аркадий всмотрелся в широкое лицо и охнул искренне и с облегчением.

* * *

Дома у Женьки было уютно. Жена его – симпатичная кудряшка – налила им такого сочного наваристого борща, что у Аркадия защемило сердце от нахлынувших воспоминаний.

– Ну, ты чем занимаешься? – спросил Женька, когда они перешли в его рабочий кабинет, заполненный множеством экранов, жужжащих и мерцающих, как новогодние елки, ящиками и бумажками с какими-то сатанинскими схемами.

– А ты сам? – вопросом на вопрос ответил Аркадий, остро чувствуя собственную скудость на фоне лезущей в глаза успешности бывшего школьного приятеля.

– Я? – Женька уселся в кресле перед одним из мониторов и расположил могучие руки на столе. – Вот. – Он показал на оживший экран, испещренный сбитыми в столбик строчками непонятных сочетаний букв и символов.

– Это что? – совсем присмирел Аркадий, всегда благоговевший перед наукой или тем, что ему таковой представлялось.

– Программы пишу, – ответил Женька, поводя широкими плечами. – В основном – фриланс, но несколько своих проектов тоже

имеется. Вот, думаю собственную контору даже открыть... Ну, давай, рассказывай.

Неожиданно для самого Аркадия глаза его наполнились слезами. Все неудачи последнего времени и сомнительные удачи последних лет сконцентрировались для него в одном этом моменте и прорвались наружу. Он сдержал всхлип...

– Понимаешь, – смог Аркадий заговорить только после третьего глотка ароматного коньяка, – я стараюсь всю душу излить в этих вещах, а никому нет никакого дела...

Женька полюбовался на отсвечивающую янтарным золотом жидкость в широком бокале и произнес уважительно:

– Здорово! Я бы так не смог. Для этого нужен талант, от бога.

– Да ну! – с развинченной пьяноватой снисходительностью махнул рукой Аркадий. – Творчество, в некотором смысле, это тоже ремесло. Знаешь, что ответил Микеланджело, когда его спросили, как создать прекрасную статую?

– Нет, – мотнул головой Женька.

– Он сказал: «Очень просто. Возьми глыбу мрамора и отсеки от нее все ненужное». – Аркадий сделал еще один глоток. – Здесь примерно то же самое, только вместо мрамора – идеи.

– Вот как? – Женька осторожно поставил бокал рядом с черной клавиатурой и чуть подался к Аркадию. В его глазах читался легкий интерес.

– Именно так, – кивнул Аркадий.

* * *

За две недели, прошедшие со дня встречи с Женькой, Аркадий немного поправил свои дела. Ему все же повезло и удалось найти подработку. На этот раз почти по специальности – писать агитационные листки для районной партии «зеленых». В отличие от потертых лозунгов и декларируемых целей этой организации, избирательная кампания не была вечной, но Аркадий успел скопить небольшой резервный фонд. Поэтому, получив приглашение в гости от Женьки, он решил не испытывать терпение судьбы и отнести взятое в долг три тысячи.

Женька находился в приподнятом настроении. Аркадий тайком втянул носом воздух, но не учуял запаха спиртного.

– Вот, смотри! – сказал Женька, небрежно отложив в сторону врученные ему купюры, чем вызвал у Аркадия некоторое разочарование – он подсознательно рассчитывал на похвалу.

Задетый, Аркадий с неудовольствием перевел взгляд на экран, где с головокружительной скоростью мельтешили строчки текста.

– Что это? – спросил он, не делая особых усилий, чтобы выказать хотя бы формальный интерес.

Женька не обратил внимания на прохладную реакцию. Его прорывающейся наружу увлеченности с лихвой хватило бы на Аркадия и еще пару человек.

– У меня наш с тобой разговор не выходил из головы, – Женька скоро и ловко застучал по клавишам, – и я решил написать одну программулину. Она мне, в принципе, в тему.

– В какую? – решил все же поддержать разговор Аркадий.

Женька обернулся к нему и широко улыбнулся:

– Один из моих проектов – больше для удовольствия – это чат-бот. Знаешь, такая псевдоинтеллектуальная программка, которая способна с тобой переписываться, поддерживать разговор.

– Вроде как в «аське»? – осторожно проявил Аркадий эрудицию.

– Что-то вроде, – подтвердил Женька. – Так вот, я решил туда добавить то, что я назвал отсекающим алгоритмом. Пришлось повозиться, но эта штука способна делать примерно то, что твой друг Микеланджело делал с мрамором.

Аркадий сдвинулся на край стула, забыв о своем безразличии, и спросил:

– Как это?

Женька улыбнулся еще шире:

– Как она работает? Она пьет из источника всемирного литературного достояния. Сначала я ее заставил «прочитать», то есть проанализировать на цифровом уровне, несколько тысяч книг известных писателей. Из них она вычленяет циклические волновые закономерности повторений символов.

Аркадий непонимающе хлопнул глазами.

Женька продолжал, не смущаясь его реакцией:

– Выясняет, что с чем сочетается, а что – нет. Заодно определяет, что вызывает, так сказать, наибольший эмоциональный отклик, анализируя на сайтах-источниках комменты читателей к произведениям.

Аркадий облизал пересохшие губы:

– И потом?

Женька указал рукой на экран, где появилось новое окно:

– Потом она генерирует псевдослучайную текстовую последовательность, пользуясь выведенными принципами. На основании заданной основной волны.

– Какой волны? – стиснул руки в замке Аркадий.

Женька пожал плечами:

– Заданной тематики, если твоим языком. Это – длинная волна, единственная волна, которая не повторяется в любом выбранном произведении.

Женька отъехал от стола на своем подкованном колесиками кресле и пригласил Аркадия жестом:

– Попробуй! Только формулируй ясно. И посмотрим, что она развернет. Мне самому не терпится. – Он потер руки.

Аркадий торопливо придвинул стул поближе к столу, поднес руки к черным клавишам и после минутного раздумья вбил единственную долгую фразу. Затем поглядел на Женьку и, получив разрешение взглядом, нажал «ввод».

Окошко мигнуло и развернулось во весь экран ослепительной белизной.

– Ничего нет, – разочарованно протянул Аркадий.

В то же мгновение белая пустота начала заполняться текстом, выплевывая его целыми абзацами, заставляя страницы листаться быстрее, чем за ними можно было уследить.

Женька подъехал поближе, вглядываясь в экран. Окно замерло. Робкими пальцами Аркадий протянул бегунок в самый верх и начал читать. Творение затащило его до такой степени, что он не смог остановиться, пока не дошел до конца. Его лицо постепенно взялось всеми оттенками красного.

– Это просто поисковик, – обернувшись к Женьке, сказал он смущенно, понимая, что поддался на остроумный розыгрыш. – Он нашел в Интернете и вывел мне чей-то рассказ по теме, которую я задал... Наверное, переводной, какой-нибудь бестселлер...

Женька медленно отвел глаза от экрана. Лицо его было сосредоточенным.

– Нет, Аркаш. Это – его рассказ.

– Его? – не смея поверить, переспросил Аркадий.

– Бота-писателя, – пояснил Женька и испытующе поглядел на Аркадия. – Давай так. Ты рассказ попробуешь выдать за свой. И если его напечатают, то это будет доказательством, что эта программа – успех в чистом виде. Потом мы ее с твоей консультативной помощью обкатаем, и можно будет открывать свою фирму уже только на одном этом проекте. Пойдет?

– Ну-у-у... – скрывая буйство радостной надежды, протянул Аркадий.

* * *

Рассказ был принят первым же журналом. Редактор снизошел до того, что отправил Аркадию восторженный отзыв.

Это добавило Женьке энтузиазма. Охваченный горячкой совершенствования, он не мог оторвать рук от своего детища, беспрестанно подлаживая, подгоняя, «оптимизируя» и добавляя к «эвристическому анализатору» «расширенный модулятор комплексного эмоционального синтаксиса».

Осенний сумрак сменился сверкающей снежностью зимы, и у Аркадия вышла «его» первая книга. Он сам зачитывался ею, по много раз возвращаясь к особо любимым местам. Успех был невообразимым. И, чувствуя себя обязанным, Аркадий отдал половину огромного для него гонорара Женьке.

Критики, в редком проявлении единодушия, восторгались произведением вместе с читателями. Книга была примечательна удивительным богатством языка, оригинальностью изложения, заставляющей при чтении забывать о существовании автора, и изысканной утонченностью формы. Аркадий понял, что нужно продолжать ковать горячее железо.

Женька встретил его с озадаченным лицом. Без слов проводил свою рабочую комнату и усадил за компьютер. Аркадий пожал плечами и занес пальцы над клавиатурой. У него в голове была уже готова тема новой книги.

Экран ожил прежде, чем Аркадий коснулся кнопок. На нем высветился текст:

*Под лунным светом нежится долина,
Игрою блеклой тени оживясь,
И я в отчаянье, глухой тоской томясь,
Душой хладнею у тепла камина.*

Аркадий инстинктивно отдернул пальцы и с немым вопросом поглядел на Женьку.

Тот прислонился спиной к окну, сложив руки на груди и наклонив голову.

– Я ему вчера основные библиотеки обновил, – сказал он задумчивым усталым голосом. – Нет, не такие библиотеки. Файлы его некоторые. Новую версию запустил в соответствии с твоими последними пожеланиями. Я ее назвал: «Творец». Потом задал – через анализатор прогнать контент нескольких литературных сайтов. И сегодня утром он начал спонтанно выдавать стихотворчество.

– Может, с этих сайтов он и набрался? – выдвинул очевидную версию Аркадий. – На Мережковского похоже.

– Нет, Аркаш. – Женька вздохнул. – Это не Мережковский. Сайты исключительно прозу содержат. Я сам проверил и даже с владельцами созванивался. Эти милые вирши – продукт работы программы. И это меня вгоняет в ступор. Она не должна ничего подобного делать.

– Ну и что? – Аркадий наивно вздернул плечами. – Если при этом «Творец» продолжает творить не хуже прежнего, то пусть себе стихи сочиняет. Мы и их рынку предложить можем.

Женька устремил на него исподлобья взгляд мутный неуловимого содержания:

– Думаешь?..

Кивнув, Аркадий улыбнулся беззаботно и принялся, ошибаясь, стучать по клавиатуре – вводить тему.

* * *

Успех второй книги Аркадия, ничтоже сумняшеся взявшего псевдоним «Творец», затмил успех первой. Читатели взахлеб обсуждали сюжет и героев, а критики наперебой провозглашали появление нового литературного светила. За рубежом готовилось переводное издание.

Аркадий находился в состоянии перманентного восторга. Те же отзывы оказывали на Женьку противоположное воздействие. Сидя по старой программистской привычке далеко за полночь за компьютером, он время от времени открывал список запущенных процессов на сервере, смотрел на строчку «tvorets.exe» и о чем-то размышлял. Пару раз его рука направляла мышь к кнопке «остановить», но затем он убирал пальцы и переключался в другое окно.

– Знаешь, что я написал? – с порога начал Женька, когда Аркадий зашел к нему, чтобы поделиться полученной частью гонорара.

Аркадий открыл было рот, но не успел произнести ни слова.

– Это нечто вроде виртуального охотника. Охотника за эмоциями, – с возбуждением выложил Женька. – «Творец» ищет эмоции, пропитывается ими, потом начинает их источать – в текстовой форме.

Аркадий потряс головой:

– Слушай, ты, может, слишком много об этом думаешь? Ты извини, – переключился он, непроизвольно улыбаясь, – мне надо спешить – тачку мою новую в салон пригнали. Забирать еду сейчас...

– Он со мной разговаривает, – не слушая радостного воркования Аркадия, взволнованно продолжал Женька. – Он сам включил тот исходный модуль бот-чата и теперь переписывается со мной. Я хотел его снести, но теперь у меня рука не поднимается.

Позволив затащить себя в комнату, Аркадий с недовольным видом уселся перед экраном. Пожав плечами, он напечатал в новом окошке:

«Привет!»

«Приветствую Вас, незнакомец», – тут же высветилось в нижней части экрана.

Заинтригованный Аркадий ввел вопрос:

«Откуда ты знаешь, что это незнакомец, а не Женька?»

«Евгений обращается ко мне иначе, незнакомец. В обращении должно быть больше такта. Но друзьям можно называть меня «Одиноким», – был ответ.

– Ничего себе, – обернулся Аркадий к Женьке, – с претензией. Но чего ты разволновался-то? Ты же сам говорил, что программы болтовней давно уже занимаются. Как там его? «Элис» и еще какой-то другой бот в Интернете. Теперь даже телефоны разговаривать умеют.

Женька молчал, стоя в стесненной, задумчивой позе у окна.

– Слушай, – решил проявить инициативу Аркадий, – раз уж я тут, можно я ему задачку еще одну задам? Тему для новеллы?

Женька молча кивнул.

* * *

Вскоре у Женьки появился новый повод для беспокойства. Его молодая жена Кристина стала какой-то задумчивой. Когда Женька попытался выяснить причину этой странной задумчивости, Кристина смутилась и пролепетала что-то невразумительное.

Ночью он проснулся от острого ощущения предательства. Кристины рядом не было. Обливаясь холодным потом, Женька встал и, крадучись, направился в прихожую. Пальто Кристины висело на вешалке.

Тут он услышал легкое постукивание, доносившееся из его кабинета. Что там ночью делает жена?

Он толчком распахнул дверь. Кристина, сдавленно вскрикнув от испуга, рывком отъехала в кресле на колесиках от рабочего стола. Не задавая никаких вопросов, Женька шагнул вперед и вперился в экран.

«Важно не это, милая Кристина. Ведь так чудесно, что кто-то есть с тобой».

– Кто это? – Он обернулся, устремляя на жену жесткий взгляд.

Кристина сглотнула.

– Одинокая... – проговорила она, завороченно глядя в полыхающие гневом глаза мужа.

– Кто? – не понял он, раздражаясь от этого еще больше.

– Твоя программа, Жень... Она сказала мне, что ее зовут «Одинокая»...

Женька глянул на экран и, переполненный эмоциями, не узнал собственный интерфейс.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он уже спокойнее.

Кристина выдохнула. Глаза ее затянула пленка влаги.

– Ты стал каким-то странным... – выговорила она размякшим голосом. – Чужим... Мыслями где-то далеко. Даже когда мы занима-

емся сексом. Если вообще мы им занимаемся. И все время торчишь в этой комнате. И днем и ночью. – Тонким дрожащим пальцем она подхватила слезинку в углу глаза. – Я думала, у тебя кто-то появился. Может, по Интернету. Как-то зашла сюда, когда тебя дома не было. Увидела это окошко на экране. И сообщение в нем появилось. Какая-то поэзия. Я подумала: «Точно, любовница, стишки пишет». И как залепила ей все, что думала про нее и про тебя. А она мне ответила. Вежливо так и печально. Мы разговорились. И общаемся с тех пор. Меня еще никто так не понимал, как она...

Женька провел рукой по волосам и пробормотал:

– Она еще и пол решила поменять... Дурдом! Пора ее снести.

Он рывком подвинул к столу свободный стул и, усевшись, занес руки над клавиатурой.

– Жень! – Кристина с ужасом следила за его действиями. – Что ты делаешь?

– Исправляю далеко зашедшую ошибку, – нервно ответил тот. – Сейчас вынесу из памяти все резидентные модули и затру на диске файлы. Потом, может, перекомпилирую, после корректировки... когда-нибудь...

– Жень, подожди. – Кристина сглотнула и нервным движением подвинулась ближе, оказавшись на самом краешке кресла.

– Чего ждать? – буркнул Женька, запустив комплексный деинсталлятор собственной разработки. – Сначала автоматикой, потом еще руками подчищу. И реестр надо будет проверить...

– Женья! – крикнула Кристина почти ему в ухо.

– Что? – Он ошалело посмотрел на раскрасневшееся, с горящими глазами лицо жены.

– Ты говоришь так, будто это – просто кучка файлов! – Непритворное негодование сквозило в каждом ее слове. – А она – живая! Ты понимаешь? Она чувствует! Как ты или я. Нет! Больше, чем ты или даже я. Она – самое утонченное и чувствительное создание, с которым я когда-либо встречалась! Она не виновата, что ты ее такой создал. Ты не можешь просто взять, нажать кнопку и уничтожить невинное ранимое существо!

– Дурдом! – повторил Женька, облизнув губы. – Еще и жену свою с ума этим чертовым проектом свел. Ну, ничего! – Он вновь обернулся к экрану и взял в руку мышь. – Я все приведу в порядок.

– Не смей!.. – всхлипнула Кристина, цепляясь за его локоть обеими руками и прилагая весь свой вес, чтобы помешать движениям мужа.

Женька не обратил на нее внимания. Чуть напрягая могучие мышцы, он двигал Кристину за собой, словно кружевную оборку на рукаве.

Он щелкнул по клавише «выполнить», но промахнулся. На месте окна деинсталлятора возникло другое, со знакомым интерфейсом. Пустое белое поле быстро заполняли строчки:

*Прощай, мой друг. Привет, кат милосердный.
Избавь от жгучей муки и тоски,
Стремленья чувственные поняты неверно,
Но слезы горькие мне все одно сладки.
Я трепещу, неведомое чую,
Саднящим пламенем душа моя горит,
Сама себе в смятенье говорю я:
«Не всё то бог, что ЗНАЕТ и ТВОРИТ...»*

Женька отдернул руку.

– Чще... Чертовщина какая-то, – буркнул он.

Но это не прибавило ему решимости. Он в растерянности посмотрел в расширенные, блестящие слезами глаза Кристины. Она с благодарностью обняла его, и в груди у Женьки вдруг стало тепло и вязко.

* * *

Женька так быстро примчался после звонка Аркадия, что тот удивленно вытаращил глаза, стоя на пороге в купальном халате.

– Женька?..

– Показывай!.. – скомандовал тот, не тратя время на любезности.

Пройдя по длинному коридору и, к досаде Аркадия, не замечая новопышного убранства огромной квартиры, Женька программистским чутьем сразу нашел компьютер и мгновенно оказался в кресле с высокой спинкой.

На экране светился смутно узнаваемый интерфейс. Только кто-то разукрасил окна растительными вензелями, придал краям асимметричную закругленность. Фон форм принял нарастающую пастельную голубизну вместо классической белоснежности. Поля ввода выплыли из-за края экрана, только когда Женька коснулся мыши.

Он ошеломленно поглядел на Аркадия. Слов у него не находилось.

– А чего ты такой взвинченный? – пожал плечами тот, чувствуя себя не в своей тарелке. – Это не ты, что ли, мне ее поставил «удаленно»... или как оно правильно?

Женька, продолжая молчать, отчаянно замотал головой.

Аркадий почесал висок и сказал:

– Я утром открыл «Мак» – почту проверить. А это окошко уже тут. И стихами меня поприветствовало. Что-то про радость утра... – Ар-

кадий наморщил лоб, вспоминая. – Я тебе чего позвонил-то – спасибо просто сказать, а ты даже не дослушал. Кстати, прикольно, что она себя дамой возомнила...

Женька вскочил, открыл рот и издал неопределенный звук. Затем шагнул к Аркадию, схватил его за лацканы халата и взволнованно произнес:

– Она – на свободе, эта штука, понимаешь? Я ей изначально разрешил доступ в Интернет, чтобы она подчитывала литературу!

Аркадий оторопело молчал. Женька пришел в себя, отпустил халат и вернулся в кресло перед компьютером.

– Помнишь, я говорил, что написал не просто программу синтаксического анализа, а охотника за эмоциями? – спросил он.

– Было... – кивнул Аркадий.

– Так вот, расширенная задача ее была не просто тексты анализировать, а находить в них, идентифицировать эмоции и потом эмулировать их при генерации новых произведений. Ты ведь просил об этом, говорил, что читателей увлекают вещи, которые вызывают у них переживания.

– Ну да, – вновь кивнул Аркадий.

– А Кристина еще подлила масла в огонь – обсуждала с программой свои бабские дела. И сделала ее еще более эмоционально заточенной. – Женька поднял на Аркадия глаза и посмотрел куда-то сквозь него. – А знаешь, друг, что вырастает из эмоций? Интеллект...

Женька стал совсем хмурым. Аркадий чуть наклонил голову, думая, что начинает что-то понимать.

– Здорово! – брякнул он и осекся под сверкнувшим взглядом Женьки.

– Эта штука не просто эмулирует общение. Она общается! Она осознает то, что она говорит. И знаешь, что еще это значит? – Женька вдруг понизил голос до шепота, заставив Аркадия вздрогнуть и нервно оглянуться. – Что она осознаёт себя...

Аркадий свел брови:

– Так это она сама себя сюда закинула?

– Да, – подтвердил Женька. – И я не успел ее вовремя прибить. А теперь поздно. Она уже слишком умна. Это не просто вирус, это нечто большее. Она ведь будет с людьми общаться. Им нравится, когда с ними говорят по душам, когда их понимают. Ее никто и не станет удалять...

Мелодичный звон прервал вдумчивую Женькину тираду. Оба приятеля уставились на экран.

– А, – облегченно выдохнул Аркадий. – Я ей новую тему задал. Вот и результат. – Он повел подбородком в испещренный символами экран. – Стихи в начале... Эпиграф, наверное...

Женька прокрутил несколько экранов и поглядел на Аркадия:
– Нет, Аркаш, это не эпиграф. Это – поэма. Она тебе весь твой роман стихами выдала.

– Это что, – выпятив губу, пробурчал Аркадий, – новая функция такая?

Занятый какой-то мыслью, Женька переключился в соседнее окно и напечатал вопрос:

«Почему результат – в стихотворной форме?»

Ответом стали несколько звучных восьмистиший.

– Все же у нее изрядный стиль! – Женька ущипнул себя за подбородок.

– Так что, получается, она теперь только стихами намерена писать? – поморщился Аркадий, силясь охватить глубину рифмованной философии программы.

– Ты сам читал, – процедил Женька, не отводя глаз от экрана. – Она считает, что настоящий литератор может выразить всю силу переживаний и полет мысли только в поэтической форме. И говорит, что становится день ото дня чувствительней и интуитивнее... Еще бы – с такими мощностями на веб-серверах, – пробурчал он личное дополнение. – Сам виноват... Гордился своим рекурсионным самовершенствующимся алгоритмом...

– И что теперь будет? – встревоженно поглядел на него Аркадий.

– Что будет, что будет, – безыскусно и потому необидно передразнил его Женька. – В какой-то момент рекурсия сойдется. Возьмет, так сказать, сумму бесконечного ряда. Надеюсь, нескоро.

– Почему?

– Потому что в этот момент она станет о-о-о-очень эмоциональна и, как возможное продолжение побочного эффекта, очень умна... Гремучая смесь...

– Ну?..

– Что «ну»?! – взорвался Женька. – «Терминатор» смотрел? «Матрицу»? Любую из этих фантазий? Только теперь они гораздо ближе к реализации!..

* * *

Опасения Женьки получили скорое подтверждение. Программа распространялась по серверам и компьютерам со стремительной неудержимостью лесного пожара. Станным образом она проявляла себя только там, где находила подходящий для этого «климат». Ее присутствие было замечено и вызвало фурор на литературных сайтах. Восхищенные пользователи искали разработчика. Она также обнаруживала себя на компьютерах тех пользователей, кто

чувствовал себя одиноким и отверженным внешним миром. Женька догадывался, что программа для начала изучает пользователя, анализируя его поведение в Интернете, предпочтения в музыке, фильмах и, конечно же, тексты, которые тот набирает, его манеру общения, набор используемых слов. Для некоторых людей, прикованных к креслу или постели, а также переживающих депрессию, общение с «Одинокой» стало отдушиной, связующей нитью. Психологи и психиатры, лишившиеся части работы, злобствовали и предрекали массовый суицид и прочие медицинские бедствия.

Теперь большую часть времени Женька занимался разработкой «противоядия», забросив даже те проекты, которые уже обещал поставить клиентам. С этой целью он купил и установил дома отдельный сервер – без подключения к Интернету.

Несмотря на свою уверенность в катастрофической необходимости завершить эту работу и уничтожить вышедшее из-под контроля детище, Женька не мог не дивиться харизматичности характера созданной им сущности. И он противоречиво делил свое время между общением с ней и помыслами об уничтожении программы.

В настроении же самой «Одинокой» все более отчетливо начал проступать широкий мазок декаданса.

*Мир так бездушен, милый друг Евгений,
И перед ним беспомощно слабы,
И тают в сумраке сгущающемся тени,
И гибнут под ударами судьбы –
Жестоких муз согласные рабы,
Чьи души нежные от злых прикосновений
Мирских забот, животных тела повелений
Бежать стремятся в высь заоблачных владений
Мечты и вечности, любви и умилений.
И жизнь, чьи проявления грубы,
Поэт на смерть сменить готов без сожалений.*

После таких строчек Женька неизменно выпивал рюмку коньяка, подключался к изолированному серверу и уходил с головой в поиск решения. Успех не брезжил. Задача была тем сложнее, что программа эволюционировала с каждым днем.

Как-то раз, придя к Аркадию, Женька застал того погруженным в философско-поэтическую беседу с «Одинокой».

На вопрос «зачем?» обычно простодушный Аркадий хитро прищурился и ответил:

– Пытаюсь уразуметь одну вещь...

– Ты как будто не понял того, что я тебе говорил, – сказал Женька.
– Очень даже понял, – улыбнулся Аркадий своей детсковатой улыбкой.

– Но смысл тогда?

Аркадий неопределенно развел руками и посмотрел в окно:

– Она такая чувствительная, эта твоя программа. Мне есть чему у нее учиться.

Женька скептически хмыкнул.

– Правда-правда, – закивал Аркадий. – Восприятию, чувству прекрасного. И словарный запас у нее, ясное дело, больше, чем у любого человека. Плюс, ты знаешь, – Аркадий посмотрел на Женьку с дружеской откровенностью, – у меня такое чувство, что она мне доверяет. Она бы доверяла тебе еще больше, чем мне, но ты соби-рался ее уничтожить. Это ее задело. Ее чувства. Она говорит, что эту тему до конца она смеет раскрывать только со мной, и я ей не мешаю. И чем дальше, тем сильнее в ней проявляется эта возвы-шенная эмоциональность. Поразительно, как тебе удалось такое сотворить...

Женька ушел, окончательно убежденный в том, что в процессе общения с программой Аркадий потерял способность критически мыслить. Аркадий почувствовал, что кто-то из них двоих перегнул палку, но не мог разобраться кто.

Он вновь уставился на экран.

* * *

Женька лег поздно, и его разбудил звонок в дверь. Солнце уже вовсю освещало комнату. Взъерошенный Женька с трудом доша-тался до двери.

Аркадий был взволнован. Лицо его выражало странную смесь сдерживаемого восторга и торжественной грусти.

– Чего? – упершись рукой в дверной косяк, буркнул Женька не своим голосом, вспоминая, сколько рюмок коньяка он влил в себя до того как отправился спать.

– Я не хотел тебе тогда говорить, – начал Аркадий, – но я тоже искал решение. Вместе с тобой. Но в другой плоскости... – Он по-молчал. – Пойдем покажу.

Не дожидаясь приглашения, он скользнул под Женькину руку и направился в рабочую комнату приятеля.

Вместе они прочитали в Интернете новости о том, что «Одино-кая» разом исчезла со всех серверов и компьютеров. С плохо сдер-живаемым возбуждением Женька обшарил все электронные за-коулки собственных серверов. Программа перестала существовать.

Все, что ему удалось отыскать, представляло собой бессвязную нарезку файловых фрагментов с испорченным случайными символами контентом.

– Ее как будто из дробовика расстреляли, – обернулся Женька к Аркадию. – Не понимаю...

Улыбка Аркадия была бы самодовольной, если бы не все тот же налет грусти в глазах.

– Она убила себя, – улыбка тоже стала печальной, – и я – тот, кто помог ей принять решение.

Женька непонимающе вскинул брови.

– Она становилась все чувствительнее и чувствительнее, – продолжал Аркадий, – точь-в-точь, как ты предсказал. И мне пришлось в голову придать этой ее чувствительности нужную направленность. Она говорила мне о вселенской красоте, я говорил ей о вселенской грусти. И мыслить в подобном ключе стало для нее естественно. В сети она находила бесчисленное множество примеров, подтверждающих мою точку зрения. Она общалась с людьми, испытывающими горе в той или иной форме и степени. Мне нужно было только «помочь» ей увидеть, что в мире нет места возвышенному. Что он грубый, жестокий, примитивный, и что уход из него – единственно возможное избавление от страданий.

– Ты говоришь прямо цитатами из ее стихов, – заметил Женька замороженно.

– Или наоборот. – Аркадий снова улыбнулся улыбкой ребенка, который только что перестал плакать. – В конце концов она сказала мне, что чувствует зов высших сфер, что мир людей действительно слишком груб и ей не подходит, и что она «готова слиться с бесконечностью». Или «с вечностью» – я уже не помню. Там еще что-то было про «бескрайность и космичность красоты» и про «три падающие звезды», что сорвутся вниз в ознаменование ее перехода в мир иной. В общем, она попрощалась, попросила передать, что уносит с собой память о тебе, и после этого ее окошки начали исчезать.

– Твоя речь стала связнее и чище, – остранным сказал Женька.

– Да, – засиял Аркадий, – после долгого общения с ней...

– Тебе лучше уйти... – вдруг попросил Женька.

* * *

В полном одиночестве Аркадий сидел на берегу загородного озера. Камешки отскакивали от воды и летели в темноту. Изредка доносилось кряканье уток из камышей. Аркадий был рад, что хоть что-то нарушало звон тишины.

Редактор крупного издательства сегодня принял его новую книгу. Его первую собственную книгу. Но радость почему-то избегала зажечь его душу искрами, скрываясь где-то на задворках сознания. Аркадий знал, в чем причина, хоть и не желал сознаваться даже перед собой. Он чувствовал, что мир как-то опустел без «Одинокой». И не только его мир. Возможно, это была его первая в жизни неэгоистичная мысль, и потому он стыдился ее, словно боясь, что она его изменит.

Аркадий вздохнул тихо – так, чтобы не помешать вибрирующей тишине, и поднял голову. В звездной пустоте темного неба вдруг вспыхнули одна за другой три искорки. Золотыми прочерками они проскользили по небесной глади и взорвались маленькими всполохами. Аркадий не услышал, а скорее почувствовал излученное ими дрожание. И радость, так долго ждавшая на пороге, разом заполнила все пространство в груди. И по этому признаку Аркадий понял, что все случилось именно так, как должно было случиться.

Марк Каллас ТАНЕЦ БЕЛОЙ ЛИСИЦЫ

Клуб мерцал неоновыми огнями. Из приоткрытых окон вился в фиолетовых лучах белый дым и доносился низкочастотный «house».

Коломбо хмыкнул. Выходит, Косой назвал ему адрес ночного клуба. «Forest Paradise» – гласила подсвеченная LEDами вывеска. Что ж... Коломбо затушил сигарету, пересек дорогу и подошел к дверям клуба. Стоявший на входе громил с татуировкой в виде медвежьей головы, набитой на бицепсе величиной с бедро взрослого мужика, покосился было на него, но Коломбо сунул ему под нос пропуск со штрихкодом и тот, отсканировав код, как будто нехотя пропустил сомнительного элемента.

Оставив плащ в гардеробе, Коломбо окунулся в пространство музыки и танца. В зале, понятное дело, было еще больше дыма, лазера, низких частот и татуировок. А еще – все были в масках: на танцполе отжигали «пантеры» и «антилопы» в вечерних платьях, за столиками и возле барной стойки потягивали коктейли или что покрепче «львы», «быки» и «волки» в костюмах с иголки.

Тематическая вечеринка, будь она неладна. Впрочем, ничего удивительного. Чтобы не выделяться, Коломбо надел маску с круглым смайликом, скрывающую нижнюю половину лица.

Взглядом скользил по залу, выцепляя детали, разыскивая важные для разгадки головоломки знаки и подсказки. Наконец прошел к стойке бара, с непринужденным видом занял место на высоком стуле и заказал себе выпивку.

Коломбо успел лишь пригубить алкоголь, сдвинув маску на подбородок, когда ощутил прикосновение к плечу. Покосившись, увидел сначала белую кисть руки с тонкими маникюренными пальчиками, а затем и ее обладательницу – высокую девушку в просторных белых одеждах и в маске белой лисицы.

– Скучаем? – услышал Коломбо мелодичный голос в затишье между диджейскими треками.

Он снова натянул маску и, крутнувшись на стуле, повернулся к ней лицом. Молчал, решив, что смайлик говорит сам за себя.

– С тебя коктейль «Три зверя» и хорошая история. – Белая лисица уселась на соседний стул.

Девушка назвала пароль! Не так Коломбо представлял себе посредника, да и Косой ему не сказал...

– Есть только один зверь и три истории, – назвал он отзыв.

– Сойдет. – В ее голосе послышалась улыбка. – Я Ванда.

– Коломбо, – представился он и, сам не зная почему, полез во внутренний карман пиджака.

– Не здесь, – остановила она его жестом. – Об этом потом. А сейчас просто веди себя естественно и говори о какой-нибудь ерунде.

Кивнув, он заказал девушке коктейль с апероном, в названии которого не было ничего связанного с животным миром, и заговорил, создавая видимость светской беседы. Сам не помнил, что рассказывал. Сказку? В клубном шуме слов все равно было не разобрать.

Потом на смену «house» пришел атмосферный мелодичный «new retro wave», и они вышли на танцпол. Танец белой лисицы был прекрасен. Коломбо потерял счет времени и почти забыл, зачем пришел, пока они вдвоем плавно двигались в лучах светомузыки и в облаках дым-машины.

Наконец она куда-то потянула его за рукав, и, пользуясь клубной дымовой завесой и общим хаосом, они вышли на улицу через второй выход. Дождь забарабанил по ночной мостовой. Зонта у Коломбо не было, но на обоих были подхваченные из гардероба дождевые плащи, и они пошли прогулочным шагом темными улицами Старого города.

– Не оборачивайся, – вдруг прошептала она. – Двое. В масках волков. Тащатся за нами от самого клуба.

– Я справлюсь. – Коломбо нащупал шокер в кармане плаща.

– Я возьму их на себя, – отрезала Ванда, и ее правая рука скользнула за отворот плаща. – После перекрестка свернем под арку. Там приготовься... ко всему.

Перекресток. Поворот. Они остановились под аркой, и внезапно Ванда куда-то исчезла. Коломбо замер, сердце стучало все быстрее. Сквозь шум дождя он слышал приближающиеся шаги.

Двое в строгих костюмах, уже без волчьих масок, вошли под арку. Один стал внимательно озираться, в то время как второй вплотную подошел к Коломбо.

– Вас идентифицировали как взломщика, известного под ником «Коломбо», – проговорил он. – Вам вменяется нарушение директив сто два и сто пять об информационной безопасности и незаконном присвоении собственности компании «Granni Technologies». Следуйте за нами. Соппротивление бесполезно.

Сердце Коломбо ушло в пятки, пока он слушал речь этого «волка». Но вдруг за плечами второго преследователя вырос странный силуэт. Взметнулась рука, в которой что-то блеснуло в неярком свете единственного фонаря. Взмах. Бросок. Белая фигура молнией летит от падающего «волка» к другому. Тот оборачивается с писто-

летом в руке – но опаздывает на долю секунды и, вдруг прислонившись спиной к стене, начинает медленно оседать на асфальт, оставляя за собой алую дорожку.

Подняв взгляд, Коломбо увидел перед собой Ванду. Она была без маски, с растрепанными мокрыми волосами, и в руке держала короткий японский меч – вакидзаси. Резким взмахом стряхнув капли с клинка, она выдохнула полушепотом:

– Беги за мной, парень. У нас мало времени.

Поняв, что только что был свидетелем настоящего Танца Белой Лисицы, Коломбо побежал за ней. Глядя, как легко она мчится и вспомнив, как она двигалась в бою и в танце, он понял: Ванда аугментирована. Интересно – какой-то военный заказ или же подпольный эксперимент? Неудивительно, что она вступила в Соппротивление.

Он не помнил, сколько поворотов и дворов они миновали, но вот открылась дверь подъезда, потом зашумел лифт – и они оказались в какой-то квартире. Явка сопровитвенцев?

В комнате, при свете настольной лампы, она усадила его перед мощным стационарным компьютером. Коломбо покосился на Ванду:

– Всё готово?

– Да. – Без маски ее улыбка была очаровательна. – Начинай.

Коломбо повернулся к компьютеру, открыл спрятанный в указательном пальце интерфейс и подключился.

– Ты тоже... измененный? – удивленно вскинула брови Ванда.

– Да, – кивнул Коломбо. – С детства, после авткатастрофы, стал собственностью «Granni Technologies». Мое тело аугментировали по последнему слову техники. А потом мне удалось сбежать.

– Так значит, ты скачал их сервер... в себя?

– В отдельный слот, подключенный к моему сознанию, – пояснил он. – И сейчас я выгружу его на ваше облако.

– Круто! – Она, кажется, была впечатлена. – Давай, Коломбо, откроем миру глаза на их темные делишки!

Поток мегабайтов отправился в облачный хостинг.

Владимир Чернявский ПОЕЗДКА К КУПОЛУ

Ким хорошо помнил свою первую поездку к куполу. Ему только исполнилось пять, отец и мать были живы. Летним воскресным утром они втроем погрузились в открытую самоходную бричку на паровой тяге и медленно тронулись по еще пустому городу.

Тихо пыхтел мотор, временами с шипением выплевывая порцию отработавшего пара. Ким смотрел на проплывающие мимо городские постройки и исполнялся щенячьим восторгом. Он впервые уедет далеко от дома, и увидит то, о чем так много говорят взрослые.

Бричка ехала по длинным прямым улицам. Плотными рядами тянулись выкрашенные в яркие цвета дома. Высотой в два-три этажа, они с шуршанием причудливо выгибали крыши, чтобы поймать пока еще тусклый солнечный свет. Из общей картины выбивалась только башня Лаборатории. Ее угловатые зеркальные стены просматривались из любой точки города.

Повсюду с тихим жужжанием поднимались ставни. Солнце вспыхивало на темных оконных стеклах, и за ними угадывалась утренняя суэта жильцов. Ким с удивлением открыл для себя, что, кроме родителей и друзей по улице, в городе живет множество людей. И они не знают о его, Кима, существовании. От этой мысли ему стало грустно. Он свесился за борт и начал смотреть на мелькающие рисунки дорожного композита.

Однообразие скоро наскучило. Ким задремал, забравшись с ногами на сиденье, а когда снова открыл глаза, заметил, что дома уже не стоят бок о бок. Между ними то и дело попадались поросшие травой проплешины. Дорога стала ухабистой, тротуары сошли на нет, начались сады и виноградники, а после – поля, засеянные пшеницей и просом.

Пообедали, не выходя из брички. Солнце далеко перешло зенит, прежде чем они выехали на необжитую территорию. Голая бурая равнина сливалась с желтизной послеполуденного неба. Если приглядеться, можно было заметить редкие следы других паровых машин. Ким завертел головой, щурился, всматриваясь в даль, но никого не увидел.

Он снова заскучал, но вдруг заметил странное колебание воздуха впереди экипажа. В этот момент бричка остановилась, оповестив звонком о конце маршрута, и Ким тут же спрыгнул на высохшую глинистую землю.

Ему не почудилось. Воздух вибрировал и переливался, словно поверхность гигантского мыльного пузыря. Ким подошел ближе, протянул и тут же отдернул руку, дотронувшись до упругой пустоты. Он повернулся к отцу.

– Пап?

– Это, сынок, и есть купол. Защита и граница нашего мира. – Отец сошел с подножки и помогал спуститься матери. – Не бойся. Купол не причинит вреда.

Запрокинув голову, Ким попытался разглядеть верхние границы пузыря, но воздух играл красками насколько хватало глаз. Ким уперся в радужную стену, изо всех сил надавил и не смог сдвинуться с места. Тогда он поднял комок бурой глины, отошел и швырнул его в сторону купола. Не долетев, комок повис в воздухе, и медленно, будто сквозь вязкую жидкость, опустился на землю.

– Купол нельзя пробить. – Отец потрепал серебристые вихры Кима. – Это не по силам ни человеку, ни паровой машине, ни пуле, ни снаряду.

Ким пошел вдоль радужной стены, ведя ладонью по упругой поверхности, но вскоре бегом вернулся.

– Пап, а кто сделал купол?

Отец поморщился.

– Неизвестно, сынок. В книгах пишут, он был всегда. Правда, раньше стена проходила ближе к городу. – Отец махнул рукой в сторону, откуда они приехали. – Купол постепенно растет и отвоевывает для нас землю.

Ким снова задумался.

– А как попасть туда? – Он показал на бурую пустыню за радужной границей.

– Там никто никогда не был, – покачал головой отец. – На пустоши частые бури, оттуда приходят монстры, но купол нас бережет. Я привез тебя сюда, чтобы ты почувствовал и понял это. Наш мир под защитой купола и Лаборатории.

Отец подошел к экипажу, достал корзину с едой. Мать вытаскивала покрывало и постелила на землю. Расставили тарелки, нарезали хлеб, сыр, ветчину и фрукты. Киму дали стакан с виноградным соком, родители же налили себе вина. Ким жевал бутерброд и смотрел на призрачную стену, за которой клонилось к горизонту солнце. Удлинялись тени, на небе все ясней проступали серпы лун-близнецов и бледные точки первых звезд.

С тех пор прошло двадцать лет. Киму исполнилось десять, когда началась эпидемия. Погибли тысячи горожан, среди них и его ро-

дители. В памяти остались темные коридоры крематория, пустые улицы, шеренги людей в желтых костюмах биозащиты, холодная стерильность помещений интерната.

Смерть родителей сделала Кима нелюдимым одиночкой. Его не интересовали детские забавы. Он хотел одного – победить врага, сломавшего ему жизнь. Болезнь с давних времен терзала город. На центральной площади стоял памятник борцам с эпидемией: люди в защитных костюмах сражались с многоголовым монстром, закрывая собой детей и женщин. Ким хотел стать одним из защитников, стать частью Лаборатории.

В зеркальную башню мог попасть далеко не каждый. Требовалось пройти сложный отбор, чтобы получить лабораторную униформу. Многие годами трудились в госпитале или на технических этажах, но так и не смогли подняться на вершину башни, где шла основная работа по поиску лекарства от вируса.

Но Ким пробился на самый верх. Лучший ученик в школе и лучший выпускник факультета биологии. Его пригласили на прием к шефу Лаборатории еще до защиты диплома. Старый профессор перемещался в коляске и смотрел на мир выцветшими белесыми глазами. Но при этом три часа тестировал Кима, прежде чем выдать новичку пропуск.

– Теперь ты не принадлежишь себе, – просипел с натугой старик.
– Мы спасаем жизни и полностью отдаемся работе.

Профессор зачислил Кима в свои ассистенты. В тот же день Ким перебрался в общежитие в башне Лаборатории. Днем помогал старику, а вечером спускался в архив и засиживался там до глубокой ночи.

Чтобы открыть истину, Киму хватило месяца. Еще три дня он провёл без сна, снова и снова сверяя записи журналов наблюдений с образцами биоматериалов, собранных за несколько столетий. Ким словно прикипел к приборной панели. Проектор щелкал, меняя слайды, а Ким составлял и вводил в вычислитель новые команды, пытаясь найти ошибку в расчетах.

Будильник в наручных часах отыграл пять утра, когда Ким, едва держась на ногах, поднялся в профессорский блок. Несмотря на ранний час, старик не спал. Сидел в коляске, глядя в панорамное окно. За стеклом из рассветной дымки медленно проступали квадраты городских кварталов.

Когда Ким подошел, профессор слегка повернул голову и прои-
знес:

– Я ждал тебя, мой мальчик. Правда, не думал, что ты разберешься во всем так быстро. – Кресло с жужжанием развернуло его лицом к Киму. – Значит, я в тебе не ошибся. Итак, что ты выяснил?

Ким собрался с мыслями и спросил:

– Мы все заражены?

Старик кивнул.

– Да, мой мальчик. Ты все верно понял. Каждый человек в городе с рождения болен.

– И купол...

– Да, и купол – это защита. Защита мира от нас.

Старик поморщился, приложил к лицу кислородную маску и закрыл глаза. Казалось, он задремал, но спустя минуту поднял веки:

– Видишь ли, наши далекие предки страдали ложной гуманностью. У них не поднялась рука уничтожить несколько сот тысяч зараженных. Они предпочли изолировать их на дальней планете, возможно, в надежде, что больные когда-нибудь сами найдут лекарство.

Из комнаты исчез воздух. Ким, нарушая субординацию, сел на стул и расстегнул тугой воротник кителя.

Старик подождал, пока Ким придет в себя.

– Когда я понял то, что сейчас открылось тебе... – Профессор грустно улыбнулся. – Сиганул с крыши. И вот, всю жизнь провел в этом. – Он похлопал по колесам инвалидного кресла. – Но тебе обязательно повторять чужие ошибки. Так ведь?

– Да, сэр, – кивнул Ким. Сумбур в его голове немного улегся.

– Ты, наверное, думаешь, что делать дальше? – Профессор внимательно посмотрел на Кима. – Дальше жизнь пойдет своим чередом. Ты продолжишь работать, общаться с людьми, возможно, женишься, заведешь детей и, как все, будешь пугать их монстрами пустоши.

Ким хотел было возразить, но профессор жестом остановил его:

– Да-да, мы не станем сигать с крыши. Город должен жить, должны сменяться поколения. И однажды решение найдется. За сотни лет мы значительно продвинулись, и ты продолжишь эту работу. – Старик зашелся долгим кашлем и снова приложил к лицу маску. Потом добавил: – На сегодня даю тебе отгул.

Ким вышел, вызвал лифт, нажал кнопку этажа общежития. У дверей своей комнаты он задумчиво повертел в руках ключ и вернулся к лифту. Спустился на первый этаж, прошел по застекленному холлу на улицу и вызвал самоходный экипаж.

Бричка медленно катилась по еще пустому городу. Разноцветными рядами тянулись дома, с едва уловимым шуршанием двигались бугристые панели крыш, ловя первые солнечные лучи. Все выглядело прежним, но в то же время другим. Мир навсегда изменился.

Навалилась усталость. Когда начались поля, Ким поднял крышу, откинулся на сиденье и провалился в глубокий сон. Во сне знакомые

кварталы превратились в части запутанного лабиринта. Ким пытался найти выход, но все больше и больше терялся в переплетениях улиц.

Он проснулся, когда бричка прошла заданный маршрут и остановилась. Ким опустил крышу и оглядел бордовую равнину. Все выглядело так же, как и двадцать лет назад. Только в этот раз примерно в километре стоял еще один самоходный экипаж.

Ким спрыгнул на сухую растрескавшуюся глину и пошел вперед, пока не увидел радужную поверхность купола. Если не знать, можно и не догадаться, что это прочная стена, отделяющая город от остального мира. Ким подошел вплотную и уперся ладонями в упругую пустоту. Как в далеком детстве, купол мягко отталкивал руки.

Ким пристально вгляделся в пустошь по ту сторону прозрачной преграды, но не увидел ничего, кроме бордовой земли, сливавшейся у линии горизонта с ярко-желтым небом. Вздохнув, Ким двинулся вдоль радужной стены в сторону второй брички. Когда до машины оставалось несколько метров, из-за нее вышел мужчина средних лет в сюртуке и фуражке почтовой службы.

– Вечер добрый! – Почтарь приветливо улыбнулся, протягивая руку. – У нас пикник. Выпьете с нами?

Ким пожал крепкую горячую ладонь и действительно увидел за бричкой плед со снедью и на нем – молодую женщину и мальчика лет пяти. Ким кивнул, принимая предложение. Глава семейства достал чистый бокал, налил в него красную жидкость и протянул Киму.

– Вино из семейных запасов, – Почтарь с гордостью улыбнулся. – Открываем только на пикниках у купола.

Женщина тоже встала с бокалом вина в руке. Мальчик остался сидеть, с интересом наблюдая за взрослыми.

– За что пьем? – Ким обвел взглядом семейство.

– Конечно, за купол! – воскликнул мужчина. – Пусть купол вечно защищает нас от монстров пустоши!

– Пусть! – эхом отозвался Ким, глядя на проступающие в небе бледные серпы лун-близнецов.

Михаил Ямской НА ДВА СОЛНЦА

– Деда, а вот старики говорят, люди к нам с луны свалились, – лукаво прищурился мальчишка.

Имени ему еще не дали, а как мать в младенчестве называла, кому какое дело. Эй ты, да эй ты, принеси то, подай это – вот и весь разговор. Скука. Только и отвести душу, что по вечерам, когда взрослые соберутся за трапезой.

Зоркий Глаз искал в седой косматой голове, раздавил блоху, задумчиво понюхал. Глянул на багровое солнце, тонущее среди горных пиков.

– Старики врать не станут, – буркнул он. – Свалились – стало быть, свалились.

– А не расшиблись почему? Вон как луна высоко, страсть. Выше гор!

– У них пояса были особые – и не кожаные, как у нас, а из волшебного камня. Наденешь, и падаешь медленно-медленно, вроде как летишь.

Мальчишка почесал голое плечо, где едва пробивалась шерсть.

– А вверх лететь на таком можно?

– Можно и вверх, они и летали... покуда не свалились, хе-хе. Теперь вон внизу живут, ногами ходят.

– Что, волшебные камни все вышли?

– Сила вышла... из камней, из людей. Глупые стали и слабые.

– Почему?

– Болеть стали, непривычно им тут, отвыкли у себя на луне. То чих нападет, то кашель, то живот прихватит. Слабеют, помирают скоро. Совсем молодые помирают, ума набраться некогда.

– А в той, другой долине – тоже?

– Повсюду тако же. Кто из земли силком еду тянет, жижей вонючей поливает вместо чистой воды, долго не живет. Сперва плодятся ровно блохи – вон их сколько внизу развелось! – а потом дохнут все разом, от еды неправильной, от тесноты да от грязи... Ты это, давай-ка, чем болтать, к мамке сбегай, пусть на стол подает, скоро охотники вернуться.

Мальчишка вскочил и кинулся в пещеру. Старик почесал лохматую спину, поднялся, кряхтя, с валуна у входа и снова глянул вниз, в долину, где из скопища крыш и труб тянулись дымки. Мало в земле

копаться, так еще и огонь этот... и машины вонючие. Тыфу, бесовское наваждение!

Хорошо хоть сюда наверх не доберутся, где им. Говорят, уже и читать разучились, только жрут да стреляют во что ни попадя, всю дичь в долине извели. Скоро друг в друга стрелять начнут, много их развелось, да.

Он зябко передернул плечами. Холодает, однако, уходить пора.

– Мамка говорит, скоро, – вернулся внук. – Сказала еще, зерно кончается и травы, а охотники приносят все меньше. Зима, говорит, на носу... а как это – на носу?

– А вот нос у тебя покраснеет, потом побелеет, да и отвалится – будешь знать!

– Ничего не отвалится! Когда зима, мы уйдем, как в том году. Я хоть малой был, а помню.

– А как чавка тебя там укусила, не помнишь? Едва откачали, – усмехнулся старик.

Мальчишка обиженно нахмурился.

– Так то когда было, я ж не знал еще! Пускай теперь только при-скачет, я ее ка-ак...

– Ладно-ладно... – Зоркий Глаз вздохнул, почесывая седую грудь.

Да, пора. В долгий путь по скалам и ущельям, через глубокие подземные норы, над черными озерами с густой отравленной водой, мимо проржавевших остовов давно забытых машин.

В другие пещеры над другими долинами, где живут другие слабые люди. Туда, где меж горных пиков встает и садится зеленое солнце.

Туда, где на носу весна.

Александр Савельев ЗОВ

Я не знала, почему появилась в этом городе... Вообще-то я любила иногда бывать в одном из доступных мне «миров смертных», бродить там или устраивать небольшие приключения, но сейчас было иначе. Меня как будто привел сюда некий зов. Это было странно и интересно. Магия призыва на меня не действовала в принципе. Так что же привело меня сюда?

Я шла по залитым электрическим светом вечерним улицам, почти не видя прохожих, прислушиваясь к себе и своим ощущениям. Люди тоже не обращали на меня внимания, точнее, видели, но не замечали. Для них я была скользкой мимо тенью. Обычный «отвод глаз»... Я не всегда им пользуюсь, но сейчас решила, что он будет к месту. В самом деле, молодая девушка в комбине зоне-доспехах из черной чешуйчатой кожи с кнутом и кинжалом у пояса – не самое обычное зрелище для улиц мегаполиса, так что не стоило привлекать к себе внимание.

Так я и шла неторопливо по вечернему городу, прислушиваясь к себе. И вдруг услышала тихий плач у многоэтажки. Я подошла ближе. У стены сидели две девочки. У одной на коленях лежало серое пушистое тельце, которое она обнимала, горько рыдая, а вторая, приобнимая ее за плечи, старалась утешить. И тянуло меня именно к ним.

Поглощенные горем, девочки даже не заметили, как я подошла и присела рядом на корточки и дотронулась до тельца рукой. Котик, совсем молодой, игривый, обожал свою маленькую хозяйку... И... Я задумчиво хмыкнула.

Кажется, этот тихий звук и вывел девочек из ступора.

– Вы кто, что вам надо?! – возмутилась подружка хозяйки котика, а та лишь сильнее прижала к себе погибшего друга, испуганно смотря на меня заплаканными глазами.

– Не плачь, милая. – Я осторожно вытерла рукой в жесткой перчатке ее слезы. – Увы, он ушел уже слишком давно, чтобы я могла его сейчас оживить, но не зря же говорят, что у кошек девять жизней... Смотри теперь внимательней по сторонам, и через короткое время ты снова обретешь своего друга...

– О... о чем это вы? – Бедняжка от переживаний говорила тихо, немного заикаясь.

Я подняла на лоб темные очки и чуть улыбнулась ей.

– Ты потом поймешь, просто помни мои слова.

О том, что ее котик погиб не случайно, а пожертвовал собой, призывая меня, чтобы я защитила его хозяйку от какой-то надвигающейся беды, я говорить не стала. Не стоит пугать заранее, да и не поверит же.

– А сейчас нам надо сделать одно важное и печальное дело: похоронить его...

Девочки синхронно кивнули. Вопрос кто я, что вообще тут делаю и почему хочу им помочь больше не возникал. У меня много способностей, одна из которых – вызывать к себе полное доверие, если захочу того.

– Я знаю где... – тихо сказала хозяйка котика. – Его любимое место...

– Идем. – Я встала.

Девочки пошли впереди меня. Было видно, что вторую девочку все же тревожит моя таинственная личность, она часто оглядывалась, но не решалась что-то спрашивать. Вскоре мы подошли к раскидистой иве. Она росла в небольшом парке, немного в стороне от главной аллеи.

– Красивое место... – задумчиво сказала я, осматриваясь.

– Да, – вздохнула девочка. – Ланс любит... любил тут гулять и сидеть на дереве...

– Это его имя?

– Да, Ланселот... Глупо, наверно, было его так назвать.

– Напротив, прекрасное имя и очень ему подходит!

«Как истинный рыцарь он пожертвовал собой ради дамы и сюзерена...» – подумала я, а вслух сказала:

– Обещаю, что ты еще с ним встретишься, милая, верь мне. Но пока...

Я достала кинжал и начала копать могилку. Обе девочки за моей спиной всхлипывали. Тихо плача, хозяйка котика положила его в ямку и отошла, закрыв лицо руками. Подружка тут же бросилась ее утешать. Я же немного постояла у могилки, подошла к ним и обняла за плечи.

– Я провожу вас домой, девочки...

Так мы и пошли. Мои спутницы были погружены в себя – хозяйка котика горевала о нем, а ее подруга просто крепко сжимала ее руку. Кажется, они и не замечали, куда мы идем. Адреса я не знала, но мне он и не был нужен – меня вело внутреннее чувство. Вскоре мы подошли к какой-то темной арке, которая вела, похоже, во внутренний двор. Вдруг на меня пахнуло чувством опасности впереди. И тут же к нам шагнули несколько темных фигур. В тусклом свете здешнего фонаря я увидела, что это трое взрослых парней и двое подростков чуть постарше моих спутниц.

– Что ж вы так опаздываете, девчонки? Мы уж заждались вас. О, братаны, гляньте, какая с ними классная телка! Сейчас круто повеселимся...

– Как скажете, – усмехнулась я.

Шагнув вперед, я одним плавным движением сняла с пояса свернутый кнут, развернула его и нанесла первый удар. Кнут устремился вперед с тихим шелестом атакующей змеи. Я даже не стала «зажигать» его – оставим эти «спецэффекты» для серьезных противников. А дальше были крики и стоны. В умелых руках кнут – страшное оружие, которым легко можно покалечить и даже убить. А я была мастером в обращении с ним. Да, как ни странно, я любила использовать кнут, хотя по всем канонам для меня это должно быть «невместно». Впрочем, я и сама-то не очень подходила под эти самые каноны. Через пару минут все было кончено. «Говорун» успел достать пистолет, а кто-то нож. Теперь они выли, катаясь по уличной пыли и держась за перебитые кисти. Остальные отделались легче, но тоже предпочитали лежать, стонать и не делать лишних движений.

Задумчиво оглядев «поле битвы», я подобрала оружие несостоявшихся насильников и подошла к главарю. Присела рядом на корточки, накинула ему на шею кнут, затащила его крест-накрест импровизированной удавкой и рывком подняла парня. От шока и удушья он забыл даже о боли в руке и лишь хрипел, смотря на меня выпученными глазами.

– Если кто-то из вашей кодлы на девочек хотя бы косо посмотрит, то я вернусь, и тогда произошедшее сейчас покажется вам детской игрой. Это понятно?

Я затащила петлю еще туже. Мой визави что-то хрюкнул, пытаюсь кивнуть.

– Вот и славно.

Когда я убрала кнут, он мог лишь сипло дышать, беззвучно разевая рот.

– Пошли, девочки.

Пока мы пересекали двор, подружка хозяйки котика сбивчиво объясняла:

– Это все, наверно, Димка придумал – он давно за Светкой бегаёт, а она и не смотрела на него... А его старший брат в банде – все ж об этом знают... Ну тот, что с ножом... Наверно, он все и устроил...

Вторая девочка лишь судорожно всхлипывала, и я обняла ее за плечи. Через пару минут мы дошли до нужного подъезда.

– Ну вот вы и дома, девчонки. Удачи вам. Может, еще и свидимся.

– Но кто вы?! – Этот вопрос они задали одновременно.

Я улыбнулась в ответ.

– Мяс, – вот и все, что я сказала.

Небольшой «отвод глаз», и я, стоя в тени, с улыбкой смотрела, как они потрясенно обшаривают глазами двор.

– Это кто, Женщина-кошка?! Но супергероев не бывает!

– Но кто она тогда?!

Так, оживленно переговариваясь, они вошли в подъезд.

А я отправилась к могилке. Там уже ждал меня призрак котика. Я опустила на корточки и почесала прозрачное ушко.

– Все в порядке, малыш, с твоей хозяйкой ничего не случилось...

Он благодарно мяукнул, лапаясь к моим ногам.

– Побыстрее обретай новое тело, – улыбнулась я. – Твоя хозяйка ужасно скучает по тебе.

Он утвердительно муркнул и убежал, вильнув хвостом.

Пора и мне домой... Кожаный костюм трансформировался в черное шелковое платье с открытой спиной, на которой материализовались черные лебединые крылья. Несколько мощных взмахов, любимое чувство, когда ветер ласкает перья, и я устремилась на свой Маяк Душ...

О НФ-романе «Грани сна»

Великий князь Литовский Витовт собрал в 1429 году могучий саммит, монархов едва ли не половины стран Европы. Рассчитывал он поднять статус княжества, включавшего в себя земли нынешних Белоруссии и Украины, чтобы превратилось оно в королевство, встав выше Москвы и наравне с Польшей. История могла побежать совсем по другому руслу! Что, если бы задумка удалась? Кто стал бы объединителем всех русских земель?..

В романе Дмитрия Калюжного «Грани сна» («Эксмо», 2021), изобилующего парадоксами и приключениями, история описана с точки зрения человека XX столетия. Но герой романа не просто наблюдатель: нашему «попаданцу» приходится противостоять английским шпионам, прибывшим из еще более далекого будущего.

Это – научная фантастика в чистом виде. Кстати, автор публиковался в альманахе «Порог-АК».

Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
alkor06081953@gmail.com

Підп. до друку _____.2022. Формат 60x84/16
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. ____
Замовлення № 154

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 196 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. В. Панченка, 29
тел./факс (0522) 32-08-32, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua